16+

ISSN 2500-2988
УДК 32:93:316

ЛОКУС
ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2021. Т. 12. № 2

Учредитель и издатель:
Московский педагогический государственный университет

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77–67762 от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:
109240, Москва, ул. В. Радищевская, д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ:

Исторические науки
07.00.02 – Отечественная история
07.00.03 – Всеобщая история
07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования
07.00.15 – История международных отношений и внешней политики

Политические науки
23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки
23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии
23.00.03 – Политическая культура и идеологии
23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития
23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика
23.00.06 – Конфликтология

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу «Пресса России» – **85007**

© МПГУ, 2021

ISSN 2500-2988

LOCUS
PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2021. Vol. 12. No. 2

The Founder and Publisher:
Moscow Pedagogical State University

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:
Moscow, Russia, Verhnyaya Radishchevskaya str., 16–18, room 223, 109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

© MPGU, 2021

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Игорь Валентинович Бочарников – доктор политических наук; руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, г. Москва

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; директор Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии и социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); профессор Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; научный сотрудник Университета Неаполя им. Федерико II, Италия

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Дмитрий Борисович Фролов – доктор политических наук, доцент; профессор кафедры «Защита информации» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Александр (Алек) Давидович Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Александр Иванович Юрьев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Head at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Igor V. Bocharnikov – Dr. Hab. in Political Sciences; Head, Research Center of the National Security Studies, Moscow, Russian Federation

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Aleksandr (Alek) D. Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dmitry B. Frolov – Dr. Hab. in Political Sciences; Associate Professor at the Chair "Computer Law", National Research Nuclear University "Moscow Engineering Physics Institute" (MEPhI), Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science and Sociology of the Institute for Social and Humanities, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Assistant Professor of the UNESCO Chair on Asian and African Studies "Modern methods of studying and teaching of Institute of Asian and African Studies", Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Senior Lecturer, University of Naples Federico II, Italy

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; Deputy Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head at the Department of New, Modern History and Methodology of the Institute of History and Philology, Moscow Region State University, Russian Federation

Alexander I. Yuriev – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Содержание

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

А.В. Черепанов
Реформирование Рабоче-крестьянской Красной Армии в контексте внутрипартийных дискуссий 1925–1930 гг. 11

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

С.В. Гусарова
К вопросу о взаимодействии константинопольского патриарха Николая I Мистика с военными губернаторами Византии (913–921 гг.) 26

А.И. Головлев
От *Theatersperre* до союзнической администрации: к вопросу об институциональной резистентности театра на примере Венской Государственной оперы и Бургтеатра, 1944–1945 гг.. 35

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Т.Л. Лабутина
Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г.. 51

С.А. Агуреев, А.А. Болтаевский
«Болгарское русофобство» по свидетельствам русских наблюдателей в 1912–1915 гг. 66

А.М. Новоторцева
Поездка Константинопольского патриарха Афинагора I (Спиру) по арабским странам Ближнего Востока и Африки в конце 1959 г. 83

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

О.А. Мартынова
Динамика женского представительства в Законодательном собрании Республики Карелия 2002–2020 гг. 96

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ

М.Н. Казакова, И.Г. Напалкова
Патриотизм в системе актуальных ценностей россиян:
кейс Республики Мордовия 110

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

С.В. Мельникова
Ближневосточный курс Д. Трампа и Дж. Байдена
через призму «традиционной» политики США в регионе 129

Contents

RUSSIAN HISTORY

A.V. Cherepanov
The reform of the Red Army in the 1920s
in the context of the internal party struggle
in the Soviet government 11

GENERAL HISTORY

S.V. Gusarova
On the question of the interaction
of the Patriarch of Constantinople Nicholas I Mystic
with the military governors of Byzantium (913–921) 26

A.I. Golovlev
From the *Theatersperret* of the allied administration:
On the question of institutional resilience
of theatre in the case of the Vienna State Opera
and the Burgtheater, 1944–1945 35

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS
AND FOREIGN POLICY

T.L. Labutina
Strategy and tactics of British diplomacy
in the negotiations on the treaty
of alliance with Russia in 1741 51

S.A. Agureev, A.A. Boltaevskiy
“Bulgarian Russophobia” according to the testimony
of Russian observers in the years 1912–1915 66

A.M. Novotortseva
The trip of the patriarch of Constantinople Athenagoras I (Spiru)
to the Arab countries of the Middle East and Africa
at the end of 1959 83

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES
AND TECHNOLOGIES

O.A. Martynova
Dynamics of women’s representation
in the legislative assembly of the Republic of Karelia
2002–2020. 96

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

M.N. Kazakova, I.G. Napalkova
Patriotism in the system of actual values of Russians:
The case of the Republic of Mordovia 110

POLITICAL PROBLEMS
OF INTERNATIONAL RELATIONS,
GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

S.V. Melnikova
D. Trump's and J. Biden's Middle East course
through the prism of the "traditional" US policy
in the region 129

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-11-25

А.В. Черепанов

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Реформирование Рабоче-крестьянской Красной Армии в контексте внутрипартийных дискуссий 1925–1930 гг.

В статье прослежено влияние политических установок советского руководства на реорганизацию Красной армии после окончания Гражданской войны. Цель статьи – выявить комплекс внутрипартийных противоречий в партии большевиков, сказавшихся на реорганизации Красной армии в 1920-е гг. Автор приходит к выводу, что разные взгляды фракционеров на формирование армии, организацию военного аппарата, мероприятия по укреплению обороны страны были обусловлены их идеологическими воззрениями. Борьба за единство партийных взглядов в какой-то момент приняла обостренный характер и вылилась в кадровый террор. Именно политический, а не военный аспект выдвинут автором в качестве фактора военной катастрофы, постигшей Красную армию в начальный период Великой Отечественной войны летом 1941 г.

Ключевые слова: Красная армия, реформы Красной армии, внутрипартийная борьба в РКП(б), внутрипартийная борьба в ВКП(б), советская военная наука 1920-х гг., военные специалисты в РККА, политическое руководство Красной Армии, теория глубокого боя

© Черепанов А.В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Черепанов А.В. Реформирование Рабоче-крестьянской Красной Армии в контексте внутрипартийных дискуссий 1925–1930 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 11–25. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-11-25

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-11-25

A.V. Cherepanov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The reform of the Red Army in the 1920s in the context of the internal party struggle in the Soviet government

The article traces the influence of the political attitudes of the Soviet leadership on the reorganization of the Red Army after the end of the Civil War. The purpose of the article is to identify a complex of internal party contradictions in the Bolshevik party that affected the reorganization of the Red Army in the 1920s. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the internal party struggle and the different views of factionalists on the formation of the army, the organization of the military apparatus, and measures to strengthen the country's defense are due to their ideological views. The struggle for the unity of party views at some point took on an acute character and resulted in personnel terror. It is the political, not the military, aspect that the author puts at the forefront and puts forward as a factor in the military catastrophe that befell the Red Army in the early period of the Great Patriotic War in the summer of 1941.

Key words: reorganization of the Red Army in the 1920s, Stalinist opposition, internal party struggle in the RCP(b), internal party struggle in the VKP(b), Soviet military science of the 1920s, military specialists in the Red Army, deep combat theory

FOR CITATION: Cherepanov A.V. The reform of the Red Army in the 1920s in the context of the internal party struggle in the Soviet government. *Locus*: *People*, *Society*, *Culture*, *Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 11–25. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-11-25

Внутрипартийные дискуссии, развернувшиеся во второй половине 1920-х годов, касались довольно широкого спектра экономических, политических и идеологических проблем, связанных с дальнейшим развитием СССР. Однако далеко не последнее место в данных дискуссиях занимало обсуждение вопросов дальнейшего развития вооруженных сил страны. Примечательно и то, что при обсуждении военных вопросов гораздо большее значение приобретали не сугубо военные, но партийно-политические цели.

Проблемы внутрипартийных дискуссий в отношении военного строительства не получили еще должного отражения в историографии. Исследователи пока недостаточно изучили политические предпочтения инициаторов преобразований в Красной армии в 1920-е гг., а также, что не менее важно, влияние политических представлений на военно-теоретическую мысль.

С.В. Мошкин в статье «Военные марксисты против Троцкого» оценивал взгляды бывшего Председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого на организацию армии и указывал на недооценку им принципов стратегической обороны. Автор отмечал недостатки командования РККА в отношении разработки тактики вывода из окружений крупных войсковых сил с последующим нанесением контрудара по наступающему противнику. Оценивая характер дискуссий, которые вели «военные марксисты», исследователь сосредоточился преимущественно на военных вопросах, а политический подтекст во внутрипартийной борьбе не был исследован [5].

Характер военной реформы 1924–1925 гг. и программу Троцкого по переходу на милиционную систему рассматривал военный историк Ю.Г. Красных. Исследователь указал на переоценку Троцким возможностей формирования частей Красной армии по милиционному принципу, сосредоточив внимание на комплексе предпринятых в рамках реформы мероприятий по переводу армии с революционного фронта на трудовой [4]. Но автор не отразил политических мотивов, в соответствии с которыми принимались важнейшие решения, сыгравшие свою роль в развитии советских вооруженных сил.

Следует отметить, что сама военная реформа 1924–1925 гг., связанная с именем М.В. Фрунзе, подробно изучена советскими историками.

В этом отношении не потеряла своей актуальности работа И.Б. Берхина. Привлекая широкий круг источников, автор показывает особенности реформы, не только ее техническое содержание, но и политическое значение для армии [1]. Однако политический аспект затронут косвенно, исследование более посвящено оценке военного потенциала реформы.

Работы современных историков, в которых отразились политические проблемы, связанные с военными преобразованиями, представлены трудами военного историка Н.С. Черушева. В его монографии «Жизнь военной элиты. За фасадом благополучия. 1918–1953 гг.» проанализирована деятельность военной оппозиции в Белорусском военном округе, предпринята попытка выявления характера взаимоотношений командиров и политработников, рассмотрены дискуссии по военным и политическим вопросам на заседаниях партийных комиссий [7]. Автор проводит исследование на основе значительного фактического материала, но рассматривает лишь повседневную жизнь Красной армии, не принимая во внимание внутрипартийную борьбу.

Другое ценное с историографической точки зрения исследование сделано Н.С. Тарховой. В своей работе «Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 г.» она оценивала степень вовлечения Красной армии в осуществление политики коллективизации. Учитывая «эхо внутриармейской оппозиции» и обобщив значительный фактический материал, автор смогла указать на своеобразный идеологический раскол между командирами и комиссарами в большей степени по политическим, а не по военным вопросам. Именно политический подтекст выведен ею в качестве основного критерия необходимости привлечения армии к коллективизации [6]. Но при этом автор не рассматривает внутрипартийные дискуссии в отношении Красной армии. В монографии на первый план выдвинуты конкретные персоналии, т.е. кадровый контекст.

Политические мотивы, которыми руководствовались реформаторы советских вооруженных сил, продолжают интересовать современных исследователей, однако до сих пор большое внимание было приковано к отдельным личностям и их идеям по укреплению обороны страны, без учета приверженности к тому или иному внутрипартийному лагерю. Следует помнить, что именно политика оказывала влияние на развитие многих общественных сфер и непосредственно касалась самых различных аспектов существования Красной армии.

Источники по исследуемой проблеме представлены документами официального характера, прежде всего материалами партийных совещаний. Острые внутрипартийные дискуссии, развернувшиеся по ключевым политическим вопросам, отражены в стенографических отчетах

партийных съездов ВКП(б), в частности, в отчетах XIV[1] и XV[2] съездов. Стенограммы совещаний отражают отношение к внутрипартийной оппозиции, по этим источникам удается определить характер разногласий, обобщить комплекс противоречий, имевшихся в партии к тому моменту.

Примечательно, что XIV съезд ВКП(б), вошедший в историю как «съезд индустриализации» 1925 г., поставил задачу укрепления обороноспособности страны. В этом контексте была важна оценка внутрипартийной борьбы в понимании И.В. Сталина, для которого опасность проявления оппозиционных настроений могла привести к ослаблению не только партийного влияния, но и к снижению военного потенциала всей страны.

В своей речи на торжественном пленуме Московского Совета, посвященном X годовщине Красной армии, Сталин сделал акцент на роли партийного воспитания в армии, говорил о ее интернационализме, о рабоче-крестьянском характере и сделал это сознательно[3]. В 1928 г. с должности начальника Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева был снят Я.Л. Берман. Он, выступая на общепартийном собрании в академии, противопоставил командиров политработникам-комиссарам, что могло считаться причиной серьезного раскола не только в партийной, но и в армейской среде. В связи с этим высказанные Сталиным идеи оказались важны в отношении демонстрации противостояния фракционеров генеральной линии партии.

Весьма информативными источниками оказались труды людей, составлявших партийную элиту СССР. Так, в работе Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода» излагались взгляды на государственное устройство с точки зрения развития экономики и производительных сил, но без внимания не остался и вопрос организации армии[4]. Примечательно, что политик, не имевший военного образования, рассуждал об организации военного аппарата с учетом хода мировой истории и постепенного усложнения экономических отношений. Внимание Бухарина к военным вопросам обусловлено было больше политическим, чем профессиональным интересом.

[1] Стенографический отчет. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1925 года. М., 1926.

[2] Стенографический отчет. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1928 года. М.; Л., 1928.

[3] Сталин И.В. Собр. соч. Т. 11. М., 1949.

[4] Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920.

То же самое прослеживалось в работе К.Б. Радека «Война польских белогвардейцев против Советской России». С его точки зрения вопросы организации Красной армии были связаны с идеологическими целями возможной будущей войны[5]. Радек допускал перспективу мировой революции, и в его представлении именно с помощью Красной армии следовало ее осуществить. Взывая к национальному самосознанию советского народа, указывая на силу духа пролетариата, возвеличивая его, Радек позиционировал себя не только как идеолога, вдохновителя мировой революции, но и военного специалиста. Непредвзятому читателю было видно, что военный аспект оказался обусловлен идеологическим концептом.

Не стала исключением и работа Г.Е. Зиновьева «Армия и народ», в которой предлагались меры изменения кадровой политики в Красной армии[6]. Для Зиновьева характер организации армии, ее материально-техническое обеспечение, тактическая подготовка представлялись формальными моментами, более важным становился политический аспект. Ссылаясь на партийные принципы, Зиновьев считал армию частью мировой политической конъюнктуры, указывая на перспективу экспорта будущей революции. При таком подходе армия есть лишь способ распространения революционных идей, она не может существовать без революционной борьбы и существует только ради нее.

Такого рода источники не лишены присущего их авторам субъективизма. Но источниковедческий анализ работ, написанных непрофессиональными военными, позволяет выделить политический подтекст на фоне военных преобразований, предпринятых советским правительством.

Упомянутые выше источники составляют основу данной статьи. Основной целью статьи является, таким образом, анализ внутрипартийных дискуссий по вопросам реорганизации РККА во второй половине 1920-х гг. Для достижения данной цели представляется необходимым: охарактеризовать комплекс мер, направленных на техническое переоснащение армии; дать оценку уровню развития отечественной военной мысли к концу первого десятилетия советской власти, отметить специфику содержания разногласий в отношении военно-политических проблем в СССР.

Проблема военного строительства была тесно связана с проблемой внешнеполитического курса СССР второй половины 1920-х гг. Следует

[5] Радек К.Б. Война польских белогвардейцев против Советской России: (Доклад на Собрании агитаторов моск. организаций К.П. 8/V 1920 г.). М., 1920.

[6] Зиновьев Г.Е. Армия и народ: Советская власть и офицерство. Пг., 1920.

отметить, что уже в середине десятилетия в партии не существовало полного единства в отношении «наступательного» или «оборонительного» характера предполагаемых боевых действий в Европе и Азии.

Высшее партийное руководство СССР не было склонно к тому, чтобы остаться на позициях исключительно оборонительного характера будущей войны, основанной, в частности, на создании глубокоэшелонированной и развитой в инженерном отношении системы укреплений. Более перспективной считалась концепция подвижной, мобильной обороны с расчетом на последующий переход в наступление посредством нанесения контрударов по коммуникационным линиям противника. Именно на этом был сделан акцент в теории «глубокого боя», разработка которой началась в конце 1920-х гг.

Данная теория нашла поддержку среди таких военных специалистов, как В.К. Триандафиллов, Г.С. Иссерсон, М.Н. Тухачевский, К.Б. Калиновский, Е.А. Шиловский, С.Н. Амосов, А.Н. Лапчинский, А.И. Седякин, С.М. Белицкий. Эта теория в какой-то степени была возрождена послевоенным поколением руководителей вооруженных сил СССР. Так, например, маршал Советского Союза М.В. Захаров, будучи на штабной работе в Белорусском военном округе в период с 1928 по 1936 гг., в своих мемуарах высоко оценивал организующую роль партии и советской идеологии в создании соответствующий тогдашним условиям передовой военной теории: «Мне кажется, что поиски конкретных авторов этой теории бесплодны. Теория глубокого боя, основанная на марксистско-ленинской методологии и богатейшем опыте гражданских и других войн, опиравшаяся на новую материально-техническую базу социалистического государства и военную доктрину, вытекающую из политики Коммунистической партии, была выдвинута самой жизнью»[7].

Выступая на торжественном пленуме Московского Совета, посвященном X годовщине Красной армии, И.В. Сталин отвел партии ключевую роль в воспитании кадров Красной армии: «Партия гордится, что ей удалось создать с помощью рабочих и крестьян первую в мире Красную армию, в величайших битвах отстаивающую и отстоявшую свободу рабочих и крестьян»[8].

Армия становилась своеобразным «полигоном» для апробации идей, предлагаемых различными политическими группами, а грань между сугубо военными и политическими вопросами нивелировалась. Председатель Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев по этому поводу недвусмысленно заметил: «Я думаю, наш командный состав должен уяснить

[7] Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989.

[8] Сталин И.В. Собр. соч. Т. 11. М., 1949.

себе основную мысль нынешнего нашего правительства: нигде и никакая армия не стояла и не может стоять вне политики»[9]. Такое включение армии в борьбу идей в случае войны могло стать очень опасным, но представители разных внутрипартийных блоков не видели в этом угрозу боеспособности Красной армии и безопасности советского государства в целом.

Переход к смешанной системе организации вооруженных сил в ходе военной реформы 1924–1925 гг. был вынужденной мерой. Введение территориально-милиционной системы, предложенной М.В. Фрунзе, не разрешило само по себе вопрос о характере будущих боевых действий. Переход к обороне подразумевал ведение войны на истощение, а нанесение последовательных контрударов противнику и перенос боевых действий на территорию врага – техническое превосходство над ним. Но в 1920-е гг. еще не окрепшее советское государство не могло продолжительное время обеспечивать Красную армию необходимыми ресурсами, а тем более дать ей современную технику.

Так или иначе, очередная военная агрессия в отношении СССР представлялась неизбежной. Это прогнозировал, в частности, советский экономист Н.Д. Кондратьев в своей теории экономической конъюнктуры. В частности, ученый отмечал: «Представляется гораздо более правдоподобным допустить, что войны возникают на почве повышения темпа и напряжения хозяйственной жизни, обострения экономической борьбы за рынки и сырье» [3]. Советское государство требовало неотложных мер по укреплению обороноспособности и развитию промышленности, стабилизации цен, освоению новых месторождений и заготовке ресурсов на случай военного столкновения с другой страной или коалицией стран-агрессоров. Председатель Высшего совета народного хозяйства СССР А.И. Рыков обращал внимание на неизбежность кризиса в снабжении армии в случае отставания производства от военных нужд: «Если вы имеете тысячную армию и одну пару обуви, то как бы вы не распределяли обувь, вы, несмотря ни на что, будете иметь обувной кризис»[10].

Многие аспекты советского военного искусства уходили своими корнями в идеологию марксизма, а технический аспект развития вооруженных сил подразумевал наличие современных видов вооружения, крупнейших предприятий, способных выпускать в необходимом количестве продукцию для нужд армии. Так Н.И. Бухарин рассуждал о нуждах обороны, исходя из представлений о войне и государстве с исторической

[9] Зиновьев Г.Е. Армия и народ: Советская власть и офицерство. Пг., 1920.

[10] Рыков А.И. Избранные произведения / Сост., авт. предисл. А.В. Клименко, В.В. Радаев. М., 1990.

точки зрения. Он проводил параллель между уровнем развития промышленности и характером войны: «Каждая производственная структура имеет адекватный тип государственной власти, а, следовательно, и адекватный тип войны. Здесь нас интересует не технически-организационная сторона военного дела (хотя, и она определяется общими техническими и экономическими условиями). Здесь нас интересует социальное значение этого явления»[11].

Резкая критика «оборончества» и территориально-милиционной системы организации армии в конце уже следующего десятилетия, 1930-х гг., имела истоки в политическом противостоянии между троцкистами и сталинистами. Будучи непримиримыми идеологическими оппонентами, приверженцы этих лагерей отвергали любые идеи, в которых усматривали возможность для своих соперников перехватить инициативу на ключевых руководящих постах, даже если это ставило под угрозу оборону страны и снижало уровень жизни населения. В военной среде троцкизм ассоциировался с «оборончеством», вооруженным народом, сочетанием в армии боевых и трудовых задач, преклонением перед «старой школой», излишней ученостью, академизмом и позерством.

Другой, не менее важной проблемой, чем соотношение «оборонительной» и «наступательной» стратегии и тактики, становилась во второй половине 1920-х гг. проблема социального состава РККА.

И.В. Сталин верил в возможность прочной связи пролетариата и крестьянства, поэтому построенная Красная армия была для него армией защиты, она не являлась армией исключительно пролетариата, который должен был перебросить «революционное пламя» на другие страны. Социализм предстояло строить в отдельно взятой стране – СССР. Но эту точку зрения разделяли не все, многие фракционеры еще верили в возможность мировой революции и смотрели на армию как на транслятор мирового «революционного пожара».

Стоявший во главе военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева Я.Л. Берман писал: «Принцип комплектования Красной армии только трудовыми слоями населения – самый существенный и основной признак Красной армии, делающий ее вооруженной армией труда»[12].

Секретарь Исполкома Коминтерна, сотрудник газет «Правда» и «Известия» Карл Радек, освещая ход боев советско-польской кампании, давал собственную оценку организации сил Красной армии: «Красная армия, как бы она ни устала, как бы ни было ее законное желание мира, –

[11] Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920.

[12] Берман Я.Л. Основные вопросы теории пролетарского государства. М., 1924.

является армией крестьянства, во главе которой стоят рабочие, она является армией, которую мы во имя интересов и крестьянства, и рабочих сумели организовать, которая сумела сражаться за интересы Советской России»[13]. Радек ставит создание Красной армии в заслугу партии, указывает на классовый принцип ее организации – один из ключевых ленинских тезисов об организации советских вооруженных сил. В своих идеологических оценках Радек был не одинок.

Роль партии в организации социального состава Красной армии отмечал и В.А. Антонов-Овсеенко: «Лишь постепенно советская власть овладела своей армией. И когда она овладела ею вполне, эта армия стала способна не только на кратковременные подвиги, часто не имевшие последствий, а и на длительные военные кампании, дающие решительные результаты. Враг не давал нам возможность спокойно заняться реорганизацией наших сил и их обучением. Учебу красная армия проходила прямо в бою»[14].

Именно стихийность формирования боевых частей Красной армии, ее военный аппарат, опирающийся поначалу не столько на военную науку, сколько на идеологию, позволил историкам в дальнейшем говорить о Красной армии как о рожденной в боях. Создание Красной армии, приписываемое партии в целом, а не конкретным людям, являлось важной чертой политической борьбы.

Но вмешательство партийных руководителей, политиков, экономистов, журналистов в военные вопросы могло дезориентировать военных специалистов. Нельзя говорить, что советская военная наука даже в первые годы существования Красной армии была примитивна. Боевой опыт, полученный в ходе боев Первой мировой и Гражданской войн, представлял собой хорошую базу для анализа, без внимания теоретиков не оставалась и советско-польская кампания 1919–1921 гг. Однако в этих вопросах политика нередко опережала стратегию.

Постепенно преуменьшая роль Л.Д. Троцкого в создании РККА, а затем и вовсе сведя ее на нет, многие партийные деятели стремились таким образом обезопасить себя от обвинений в приверженности к троцкизму. А Радек и Антонов-Овсеенко считались сторонниками Троцкого.

Уже на XIV съезде ВКП(б) троцкистский блок был поставлен под удар всеми остальными партийцами. Открывая заседание, А.И. Рыков произнес: «Мы вступили в новую эпоху – эпоху строительства. Эта эпоха выдвигает ряд новых вопросов, которые конечно же нельзя решить без споров. Наша партия пережила дискуссию с троцкизмом.

[13] Радек К.Б. Война польских белогвардейцев против Советской России: (Доклад на Собрании агитаторов моск. организаций К.П. 8/v 1920 г.). М., 1920.

[14] Антонов-Овсеенко В.А. Строительство Красной армии в революцию. М., 1923.

В этой дискуссии партия обнаружила заключительную зрелость и сплоченность своих рядов»[15].

Когда в 1928 г. принудительно отправленный в ссылку в Алма-Ату Троцкий был уже политически нейтрализован, его немногочисленные сторонники также были удалены со всех руководящих постов.

На XV съезде ВКП(б) по троцкизму был нанесен окончательный удар. Один из ближайших сталинских соратников Серго Орджоникидзе заявил в речи о пагубном влиянии троцкистов на политический курс страны: «Оппозиция в области идеологической доходит до отрицания возможности победоносного строительства социализма в нашей стране, отрицания социалистического характера нашей государственной промышленности, отрицания социалистических путей развития деревни в условиях пролетарской диктатуры и политики союза пролетариата с основными массами крестьянства на базе социалистического строительства»[16].

Взгляды Троцкого объявлялись вредными и немарксистскими ввиду недооценки им крестьянства как боевой силы. Троцкий видел боевым ядром только пролетариат, а крестьянству отводил второстепенную роль: «Мы хотим сказать, что Красная армия, которая существует сейчас, не есть какой-то самодовлеющий организм, который существует сам для себя и издает законы. Это есть только орган рабочего класса, его вооруженная рука»[17]. Позднее в своих мемуарах Троцкий попытается оправдать свое невнимание к крестьянству в армии и его недооценку как боевой силы, но за ним навсегда закрепится клеймо «оборонца», вредителя и пораженца. В армейской среде после изгнания Троцкого из СССР «троцкизм» будет приравниваться к фашизму. Без нападок не останется и приверженность Троцкого к «военспецам», знания и боевой опыт которых он оценивал высоко. Троцкий верил в возможность адаптировать «классово чуждые элементы» и привлекать их по мере необходимости на службу в Красную армию при условии их идеологической переориентации.

Используя знания бывших царских офицеров, перешедших на сторону советской власти, Троцкий планировал создать новые кадры для армии: «В нашей Академии Генерального Штаба обучаются сейчас партийные товарищи, которые на деле, на опыте крови, добросовестно поняли, как трудно это суровое искусство войны, и которые теперь

[15] Стенографический отчет. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1925 года. М., 1926.

[16] Стенографический отчет. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1928 года. М.; Л., 1928.

[17] Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. XVII. Советская Республика и капиталистический мир. Ч. 1. Первоначальный период организации сил. М.; Л., 1926.

с величайшим вниманием работают под руководством профессоров старой школы»[18]. Как известно, на начальном этапе строительства РККА советская военная наука была вынуждена прибегнуть к помощи «военспецов», т.к. собственный комсостав был во многом поначалу некомпетентен. Это касалось даже ключевых вопросов организации обороны, наступления, разведки, связи и снабжения.

Троцкий не усматривал в «военспецах» скрытых врагов, верил в их «полезность» для армии: «Лица, близко стоящие к Академии, сообщили мне, что отношение слушателей к профессорам совершенно не обусловлено политическими мотивами, и наиболее ярких знаков внимания удостоился, кажется, наиболее консервативный профессор»[19]. Но, вступив в конфронтацию со Сталиным и проиграв внутриполитическую борьбу, Троцкий и другие фракционеры обрекли на гибель не только себя, но и приверженцев своих идей, своих соратников, тех, кому они покровительствовали во время нахождения у власти. Идеологическое противостояние «троцкистов» и «сталинистов» постепенно подходило к своему завершению в пользу последних.

Еще одним важным элементом дискуссии становилась проблема руководящей роли партийно-политических кадров в РККА. Можно отметить, что А.С. Бубнов, сменивший на посту начальника Политуправления РККА В.А. Антонова-Овсеенко, стремился полностью искоренить любые оппозиционные настроения, указывал на связь армии и партийного аппарата. А.С. Бубнов усматривал в оппозиционности отступничество от ленинских тезисов: «Мы сильны в армии потому, что сильны в партии. А мы сильны в партии не только потому, что мы имеем большевистскую закалку, но потому что над партией развивается красное знамя, на котором написаны основные заветы Ленина»[20].

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1929 г. «О командном и политическом составе РККА» было отмечено: «Центральный Комитет предлагает политорганам, партийным организациям и партийному начсоставу Красной армии в условиях нынешнего периода с особой последовательностью продолжать воспитание Красной армии, ее командного и красноармейского состава в духе беззаветной преданности Советской власти, величайшей бдительности и классовой непримиримости»[21]. С этого момента судьба т.н. «внутриармейской оппозиции» была предрешена.

[18] Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. XVII. Советская Республика и капиталистический мир. Ч. 1. Первоначальный период организации сил. М.; Л., 1926.

[19] Там же.

[20] Бубнов А. С. О Красной Армии. М., 1958.

[21] Справочник партийного работника. Вып. 7. Ч. 1. М.; Л., 1930.

Подводя итог внутрипартийным дискуссиям второй половины 1920-х гг., можно отметить их влияние на характер работы военного аппарата, который развивался согласно установкам генеральной линии партии. Сталин способствовал созданию нового принципа управления, основой которого был его личный авторитет и критиковались любые отклонения от заданного курса построения социализма в одной отдельно взятой стране – в СССР.

Дискуссионные вопросы военного строительства постепенно переставали звучать в «повестке дня». При этом сталинская кадровая политика, обусловленная не только репрессивными методами, но и назначением на ответственные посты по принципу абсолютной лояльности «генеральной линии», приводила высшее руководство Красной армии к инертному состоянию.

Длительная борьба в предвоенные годы между оборонительной и наступательной стратегиями не способствовала своевременной разработке четкого, законченного оперативно-тактического плана действий и во многом оказала негативное влияние на результаты боевых действий в первые месяцы после начала Великой Отечественной войны.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что дискуссии по реформированию Красной армии в контексте внутрипартийной борьбы развивались по ряду направлений в рамках предлагаемых фракционерами собственных идеологем. Эти направления можно обозначить следующим образом.

Во-первых, дискуссия между Сталиным и Троцким о необходимости формирования трудовых армий и трудового фронта. Она проистекала из разного понимания партийными идеологами роли труда и его организации. Сталин считал нецелесообразным привлекать красноармейцев для помощи народному хозяйству. Будучи прагматиком, он видел основную цель деятельности армии в защите первого в мире пролетарского государства, в то время как Троцкий был сторонником идеи мировой революции. Армия являлась для Троцкого лишь средством, способным перебросить пламя революции на другие страны.

Во-вторых, дискуссия о возможности формирования национальных батальонов в Красной армии. Она проистекала из взглядов большевиков на национальный вопрос. Ключевой фигурой этой дискуссии был Я.Л. Берман, находящийся во власти меньшевистско-оборонческих настроений. Понимая по-своему право наций на самоопределение, Берман считал необходимым формирование национальных батальонов в виду их «комфортности» для представителей национальных меньшинств.

В-третьих, дискуссия о «классовости» Красной армии, в которую были вовлечены практически все фракционеры. Она заключалась

в споре о доминировании пролетариата над крестьянством. И снова позиция Сталина о необходимости баланса между пролетариатом и крестьянством, городом и деревней, фабрикой и колхозом, получила альтернативное понимание у Бухарина, Радека и Бермана. Придерживаясь идеи мировой революции и веря в ее возможность, находящиеся в конфронтации со Сталиным фракционеры предлагали свести к минимуму количество крестьян в армии. Они считали именно пролетариат единственной способной на мировую революционную борьбу единицей. Для Сталина армия являлась Рабоче-крестьянской, и о подобном преобладании не могло быть и речи. В конечном итоге, Сталин был вынужден обеспечить единство партии и единство взглядов, во избежание серьезного раскола и потери власти. Дестабилизация политического равновесия в партии могла привести к расколу уже внутри армии и советского общества. Единственной мерой, позволяющей избежать этого, было, с его точки зрения, физическое устранение всех «инакомыслящих» партийцев. После устранения ряда высокопоставленных партийных деятелей предлагаемые ими идеи были признаны «вредительскими» и надолго преданы забвению. Лишь тайно их могли разделять еще не разоблаченные «враги» советской власти, поэтому дальнейшего развития идеи расстрелянных фракционеров не получили.

Библиографический список / References

1. Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924–1925). М., 1958. [Berkhin I.B. Boennaya reforma v SSSR (1924–1925) [Military reform in the USSR (1924–1925)]. Moscow, 1958.].
2. Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. [Zakharov M.V. Generalniy stab v predvoennie gody [General staff in the pre-war years]. Moscow, 1989.]
3. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002. [Kondratyev N.D. Bolshie cikli conyunktury i teoriya predvideniya [Big cycles of conjuncture and the theory of foresight]. Moscow, 2002.]
4. Красных Ю.Г. Л.Д. Троцкий и военная реформа 20-х годов XX века: современный взгляд // Вестник Военного университета. 2008. № 1 (13). С. 139–148. [Krasnykh Yu.G. Leon Trotsky and the military reform of the 20s of the XX century: A modern view. *Vestnik Voennogo universiteta*. 2008. No. 1 (13). Pp. 139–148. (In Rus.)].
5. Мошкин С.В. Военные марксисты против Троцкого // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8. № 4. С. 84–89. [Moshkin S.V. Military marxists against Trotsky. *Political Expertise*: *POLITEX*. 2012. Vol. 8. No. 4. Pp. 84–89. (In Rus.)].
6. Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М., 2010. [Tarkhova N.S. Krasnaya armiya i stalinskaya kollectivizachiya. 1928–1933 gg. [Red Army and Stalinist collectivization. 1928–1933]. Moscow, 2010.]

7. Черушев Н.С. Жизнь военный элиты. За фасадом благополучия. 1918–1953 гг. М., 2014. [Cherushev N.S. Zjizn voennoy elity. Za fasadom blagopoluchiya. 1918–1953 [The life of the military elite. Behind the facade of well-being. 1918–1953]. Moscow, 2014.]

Статья поступила в редакцию 16.01.2021, принята к публикации 04.03.2021
The article was received on 16.01.2021, accepted for publication 04.03.2021

Черепанов Александр Владимирович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Alexander V. **Cherepanov** – post-graduate student at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: aleks.1100@mail.ru

Всеобщая история

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-26-34

С.В. Гусарова

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

К вопросу о взаимодействии константинопольского патриарха Николая I Мистика с военными губернаторами Византии (913–921 гг.)

Статья посвящена вопросу взаимодействия константинопольского патриарха Николая I Мистика (852–925) с византийскими военными губернаторами. Автор выделяет письма Николая Мистика к фемным властям в отдельную категорию источников, указывающих на особое политическое влияние Николая Мистика при константинопольском дворе. Тесное взаимодействие патриарха с отдельными военными губернаторами свидетельствует о наличии налаженных доверительных отношений, которые были необходимы для более эффективного надзора за церковным имуществом, а также для расширения круга политических союзников. Ходатайство Николая Мистика перед императором за военных губернаторов указывает на наличие у патриарха высокого авторитета и самостоятельной позиции по вопросам внутренней политики.

Ключевые слова: Николай Мистик, Византия, фемный строй, военные губернаторы, письма Николая Мистика, константинопольский патриарх

© Гусарова С.В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гусарова С.В. К вопросу о взаимодействии константинопольского патриарха Николая I Мистика с военными губернаторами Византии (913–921 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 26–34. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-26-34

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-26-34

S.V. Gusarova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

On the question of the interaction of the Patriarch of Constantinople Nicholas I Mystic with the military governors of Byzantium (913–921)

This article is devoted to the interaction of the Patriarch of Constantinople, Nicholas Mystikos (852–925) with the Byzantine military governors. The author allots out the letters of Nicholas Mystikos to the theme's authorities in a separate category of sources indicating the specific political influence of Nicholas Mystikos at the court of Constantinople. The close interaction of the patriarch with individual military governors testifies to the existence of an established trust relationship, which was necessary for more effective supervision of church property, as well as for expanding the circle of political allies. The petition of Nicholas Mystikos to the emperor for military governors indicates that the Patriarch has a high authority and an independent position on domestic policy issues.

Key words: Nicholas Mystikos, Byzantium, themes, military governors, letters of Nicholas Mystikos, Patriarch of Constantinople

FOR CITATION: Gusarova S.V. On the question of the interaction of the Patriarch of Constantinople Nicholas I Mystic with the military governors of Byzantium (913–921). *Locus*: *People*, *Society*, *Culture*, *Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 26–34. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-26-34

Константинопольский патриарх Николай I Мистик (852–925) в общей сложности за девятнадцать лет пребывания в высочайшем сане принимал активное участие в государственной и церковной политике Византии. К наиболее важным документам, раскрывающим общественно значимую деятельность патриарха, относится собрание его эпистолярного наследия, представляющее собой корпус источников из 190 писем, адресованных разным лицам. Двенадцать из всех дошедших до нашего времени писем адресованы к фемным стратигам, что в общей сложности составляет значительный нарративный блок, относящийся к кругу вопросов, посвященных взаимоотношениям константинопольского патриарха с представителями власти на местах. Мы полагаем, что послания Николая Мистика к представителям фемной власти заключают в себе исторический потенциал, в том числе, с точки зрения вопросов, относящихся к наиболее объективному определению роли константинопольского патриарха Николая I во внутриполитических процессах Империи. Все рассматриваемые в данной статье письма относятся ко второму периоду патриаршества Николая Мистика (912–925) и, исходя из анализа их внутреннего содержания, датируются периодом 913–921 гг. [10, с. 525–593].

Согласно трактату Константина Багрянородного (905–959) «О фемах», термин *αμεϑ* обозначает «расположение», «размещение», что можно интерпретировать как военный стан, в более широком смысле – поселение людей [1, с. 32]. К середине VII в. в Восточной Римской империи оформляется институт военно-административных округов – фем, которые создавались на базе лагерей византийской армии в первую очередь для защиты территориальной целостности Империи. По мнению профессора Ф.И. Успенского, фемное устройство является одной из оригинальных черт византинизма [9, с. 408]. По сути своей фемный строй представлял собой административное деление государства на поселения, во главе которых стояли стратиги (командиры) военных подразделений (военные губернаторы). Основой для привлечения жителей на территории фем становилась раздача солдатам земельных наделов, на которых те могли жить и кормиться вместе со своими семьями на условиях являться по приказу командования для защиты границ Империи [8, с. 158]. Возникновение фем произошло благодаря естественным изменениям в развитии административной структуры бытия византийского общества. Институт гражданской власти на местах, представляемый военными губернаторами, наделялся существенными административными и военными полномочиями. Стратиги фем подчинялись только императору либо специально уполномоченному чиновнику при константинопольском дворе [6, с. 8]. Для Восточной Римской империи,

находившейся в условиях практически постоянной угрозы со стороны арабов и соседних варварских государств, существование военных округов под командованием стратигов являлось жизненно необходимым. Непосредственно стратигу подчинялись все учреждения внутри фемы и подавляющее большинство ее населения.

Для анализа в данной статье писем Николая Мистика к военной элите фем мы остановились на наиболее интересных, на наш взгляд, письмах, которые затрагивают круг общественных и политически значимых вопросов. По своему внутреннему содержанию указанные источники можно условно распределить на следующие группы: письма, относящиеся к ходатайству патриарха перед императором за фемных управителей; ходатайства за третьих лиц; письма, затрагивающие проблемы церковного имущества. К первой группе мы отнесли два письма к протоспафарию Давиду Камулиану и к проконсулу Ландульфу. Как следует из внутреннего содержания писем Николая Мистика к протоспафарию Давиду Камулиану, сложились некие нелицеприятные обстоятельства в феме, находящейся под контролем последнего, о которых протоспафарий попросил патриарха сообщить в дипломатичной форме константинопольскому правительству. Однако, как свидетельствует Николай Мистик, данные обстоятельства стали известны в Константинополе раньше доклада патриарха и побудили правительство назначить расследование. В частности, Николай Мистик сообщил об этом своему адресату в следующих словах: «Человеческое безумие тому виной или же дьявол по своему человеконенавистничеству совершил свое бесчеловечное преступление, поскольку случившееся было доведено до сведений имперского правительства, до того, как я привлек их внимание твоим докладом. Поэтому они поручили твоей мудрости, я полагаю в сотрудничестве с возлюбленным Богом архиепископом Эфесским, провести расследование в отношении этого» [10, с. 316]. Обращение протоспофария Давида Камулианы к патриарху свидетельствует, с одной стороны, о доверии к константинопольскому архиерею со стороны протоспафария, с другой – о политическом влиянии Николая Мистика при императорском дворе.

Патриарх не верил в справедливость обвинений Давида Камулианы и во втором своем письме к протоспафарию в следующих словах писал о необходимости терпеть клевету: «Сын мой, не обращай внимания на клеветников и крепко держись своей доброй совести, которую ты стремишься представить невиновной перед Богом, беспристрастным судьей» [Там же].

Несмотря на то, что тактический расчет на ходатайство патриарха перед императором за Давида Камулиану не увенчался успехом,

Николай Мистик не оставил проблему с протоспафарием без решения. Поскольку в послании упоминается архиепископ Эфесский, мы с полной уверенностью можем говорить о том, что патриарх предложил проконсулу помощь своего давнего друга и соратника митрополита Григория Эфесского (умер в первой половине X в.). На основании этого мы также можем предполагать, что протоспафарий Давид Камулиана руководил Фрасикийской фемой, на территории которой располагался город Эфес. Эфесская митрополия являлось одной из двух наиболее влиятельных и древних в Византии [4, с. 57]. Согласно византийским правовым нормам, установленным Константином Великим, епископ имел прерогативу собственного суда по гражданским делам – episcopalis andentia, которая к началу X в. хоть и утратила свое общественное значение, но не была упразднена [3, с. 305]. Решение суда епископа было обязательно для исполнения гражданскими судами и по закону не позволяло подавать апелляцию [Там же, с. 306]. Николай Мистик посредством организации епископского суда в интересах Давида Камулианы пытался восстановить репутацию протоспафария перед лицом императора.

Еще одним письмом в данной группе является послание Николая Мистика к проконсулу Ландульфу, на которого также был подан донос императору. Данный источник интересен нам прежде всего тем, что патриарх не просто взялся ходатайствовать перед императором за государственного чиновника, но фактически руководил назначением лица на должность фемного губернатора. В своем письме Николай Мистик информировал проконсула Ландульфа о жалобе, указывающей на захват территорий: «Они говорят, что ты сделал себя хозяином городов, которые никоим образом не принадлежат твоей власти и подставил под свою власть то, что никогда тебе не подчинялось. …Но так как я был в некотором сомнении относительно этого слуха и был склонен поверить письму, которое недавно пришло (от тебя. – *С.Г.*), я умолял нашего Коронованного Богом Императора не отказывать тебе в благосклонности и не считать тебя чуждым тем, кто сохраняет верность Его Величеству… На этом основании я также говорил их Величеству о твоем назначении военным губернатором Лонгобардии, и их милость не обратила внимание на твои ошибки и не отклонила предложение о назначении губернатором» [10, с. 338]. Процитированный источник наиболее ярко указывает на политический вес Николая Мистика и на его тесную связь с центральной и местной властью.

Лонгобардия, будучи одной из западных фем, в административной системе Византии занимала более низкое положение, нежели восточные фемы [2, с. 205]. Поскольку в своем письме патриарх, с одной

стороны, свидетельствует о безусловном наличии серьезного обвинения в адрес проконсула, с другой – договаривается о назначении последнего на высокую должность, мы предполагаем, что Ландульф был военным губернатором какой-то восточной фемы. Источник дает основание предполагать, что Николай Мистик ходатайствовал о переводе Ландульфа с управления восточной фемой на губернаторство в другую фему на менее хорошие условия, что стало бы для проконсула мягким наказанием за бесчинства, в которых того обвиняли. Ландульф обвинялся в захвате земель внутри фемы, что само по себе являлось достаточно распространенным явлением, против которого боролись императоры из Македонской династии. Согласно 84 новелле Льва VI, византийское законодательство запрещало фемным чиновникам приобретать землю на местах [6, с. 117], что зачастую создавало латентную конфликтную ситуацию. В частности, Константин Багрянородный в одной из своих новелл указал на незаконную ситуацию присвоения земель фемными чиновниками во Фрасикийской феме. Ходатайства к василевсу за военных губернаторов, чья репутация была испорчена по тем или иным причинам, указывают на самостоятельную позицию константинопольского патриарха Николая I и способность высказывать собственное мнение при императорском дворе.

Проанализированные письма были написаны в период правления кесаря Романа Лакапина (ум. 948), бывшего друнгария, пришедшего к власти через интриги и брак своей дочери с императором Константином Багрянородным. Известно, что Николай Мистик нашел контакт с Романом Лакапином и успешно взаимодействовал с ним по вопросам внешней и внутренней политики Византии. В частности, в одном из своих писем к правителю болгар Симеону I патриарх писал о том, что Промысл Божий привел Романа Лакапина ко власти [10, с. 40]. В период второго патриаршества Николая Мистика его придворный авторитет был настолько велик, что он, как мы видим из письма к проконсулу Ландульфу, мог взять на себя императорское право назначать военных стратигов на места. Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что ходатайства Николая Мистика за отдельных чиновников не встречали заведомого противостояния со стороны правительства и не создавали почву для борьбы духовной и светской власти. Наличие у Николая Мистика союзников со стороны военных губернаторов фем создавало определенный круг лояльных к патриарху политических сил, что увеличивало степень его влияния на внутриполитические процессы в Империи.

К следующей группе рассматриваемых нами писем относится посредническое ходатайство о частном лице, фигурировавшее в переписке Николая Мистика с военным губернатором Пелопоннеса. В данном

посланию Николай Мистик писал стратигу: «Поскольку мой любимый Брат архиепископ Кесарии желает, чтобы я поддержал его ходатайство в вопросе, о котором он сам пишет более подробно, я не знаю, как мне ему отказать, поэтому внемли моей просьбе… Пусть сын вернется к отцу, предоставив это утешение ему и его отцу в равной степени, чтобы они могли увидеть друг друга и сказать последнее слово у ворот гроба» [10, с. 484]. При интерпретации сведений из указанного эпистолярного источника мы можем говорить об обращении и архиепископа Арефы Кесарийского (860–935) к Николаю Мистику с просьбой обратиться к военному губернатору Пелапоннеса, чтобы тот не препятствовал либо посодействовал выезду из фемы частного лица, отбытие которого по каким-то причинам зависело от воли губернатора. Архиепископ Кесарии, наряду с митрополитом Эфесским, являлся одним из наиболее влиятельных фигур внутри константинопольского патриархата. В период патриаршества Николая Мистика кессарийскую кафедру занимал Арефа, являвшийся противником Николая Мистика в течение всего второго периода его патриаршества (912–925 гг.). Обращение Арефы к Николаю Мистику можно рассматривать как единственную возможность митрополита существенно повлиять на суть дела. Патриарх, удовлетворяя просьбу своего оппонента, использовал возможность наладить лучшие отношения и добиться идейного единства константинопольского клира, нарушенного спорами о четвертом браке императора Льва VI.

К последней рассматриваемой нами группе источников относится послание Николая Мистика к военному губернатору Стримон с целью урегулирования вопроса о церковном имуществе. Патриарх в следующих словах писал о необходимости разобраться с проблемой захвата земель и разграбления церковного имущества: «Обращаюсь к тебе с призывом не оставить без внимания тех, кто пытается беззаконно и насильственно вторгнуться в поместья святой Церкви нашего Господа Бога и Спасителя, отобрать их у Церкви и подчинить себе» [Там же].

Как отметил в своей монографии П.П. Соколов, в Византии «устройство надзора было больным местом церковноимущественного права» [5, с. 247], что создавало для Николая Мистика необходимость привлекать для решения ряда проблем гражданскую власть на местах. В рамках Византийской империи по вопросам церковного администрирования необходимо было обращаться в иерархическом порядке к епископу, митрополиту, патриарху. При этом по сложившемуся порядку управление церковным имуществом было вынесено за пределы ответственности епископов и возложено на экономов – церковных чиновников, которые находились при каждой епархии [Там же, с. 229]. Обращение патриарха к военному губернатору по вопросам имущества Церкви говорит

о том, что местный эконом и епископ не смогли урегулировать проблемный вопрос. Николай Мистик апеллирует к фемному стратигу Стримон, чтобы тот инициировал судебное разбирательство относительно выявленных фактов захвата церковного имущества. Таким образом, мы можем сказать, что константинопольский патриарх Николай Мистик был заинтересован в укреплении связей с фемной администрацией, чтобы иметь возможность эффективно решать проблемы, возникающие с посягательством на имущество Церкви. Отношения Николая Мистика с фемными стратигами позволяли поддерживать баланс сил между церковной и светской властью в административной системе на местах.

Подводя общий итог анализу корпуса эпистолярных источников, связанных с взаимодействием патриарха Николая Мистика и фемных глав, мы пришли к следующим выводам:

- между патриархом и рядом военных стратигов сложились взаимовыгодные отношения;
- политический авторитет константинопольского патриарха Николая Мистика позволял решать сложный комплекс вопросов, относящихся к регулированию конфликтов между центральной властью Империи и военными губернаторами фем;
- необходимость эффективного надзора за церковным имуществом формировала для патриарха дополнительную необходимость укреплять отношения с военными губернаторами;
- в период патриаршества Николая Мистика существовал налаженный диалог между константинопольским архиереем и стратигами фем;
- положение Николая Мистика при константинопольском дворе отличалось достаточной самостоятельностью, при этом дружественные отношения с фемными стратигами создавали дополнительный союзнический круг патриарха.

Мы полагаем, что эффективность диалога между патриархом и военными губернаторами во многом обуславливалась также личностными качествами и дипломатическим талантом Николая Мистика.

Библиографический список / References

1. Константин Багрянородный. Об областях римской империи // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1858. № 3. [Konstantin Porphirogenet. About the regions of the Roman Empire. *Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities.* 1858. No. 3. (In Rus.)]
2. Курышева М.А. Регионы и периферии Византийской империи, Южная Италия и Сицилия // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 203–208. [Kurysheva M.A. Regions and peripheries of the Byzantine

Empire, Southern Italy and Sicily. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2004. Vol. 8. Pp. 203–208. (In Rus.)]
3. Лопухин А.П. Епископский суд – Audientia episcopalis // Православная Богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь. Т. V. М., 2002. С. 301. [Lopukhin A.P. Episcopal court – Audientia episcopalism. *Pravoslavnaya Bogoslovskaya entsiklopediya, ili Bogoslovskiy entsiklopedicheskiy slovar*. Vol. V. Moscow, 2002. P. 301.]
4. Соколов И.И. Епархии Константинопольской Церкви в XV–XVIII веках // Христианское чтение. СПб., 1916. № 2. С. 138–157. [Sokolov I.I. Eparchies of the Constantinople Church in the XV–XVIII centuries. *Khristianskoe chtenie.* 1916. No. 2. Pp. 138–157. (In Rus.)]
5. Соколов П.Л. Церковно-имущественное право в Греко-Римской империи: Опыт историко-юридического исследования. Новгород, 1986. [Sokolov P.L. Cerkovno-imushestvennoe pravo v Greko-Rimskoy imperii: Opyt istoriko-yuridicheskogo issledovaniya [Church-property law in the Greco-Roman Empire: The experience of historical and legal research]. Novgorod, 1986.]
6. Морозов М.А. Монастыри средневековой Византии. Хозяйство, социальный и правовой статусы. М., 2005. [Morozov M.A. Monastyri srednevekovoy Vizantii. Hozyaystvo, socialnyi i pravovoy statusy [Monasteries of medieval Byzantium. Economy, social and legal status]. Moscow, 2005].
7. Мохов А.С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI вв. М., 2019. [Mokhov A.S. Voennye preobrazovaniya v Vizantiyskoy imperii vo vtoroi polovine X – nachale XI vv. [Military transformations in the Byzantine Empire in the second half of the X –beginning XI centuries]. Moscow, 2019.]
8. Телборт Райс Т. Византия. Быт, религия, культура / Пер. О.О. Дмитриева. М., 2006. [Talbot Rice T. Vizantiya. Byt, religiya, kultura [Everyday life in Byzantium]. O.O. Dmitriev (transl.). Moscow, 2006.]
9. Успенский Ф.И. История Византийской империи / Сост. Т.В. Мальчикова. М., 1996. [Uspensky F.I. Istoriya Vizantiyskoy imperii [History of the Byzantine Empire]. T.V. Malchikova (compl.). Moscow, 1996.]
10. Jankins R.J.H., Westerink L.G. Nicholas I patriarch of Constantinople. Letters. Center for Byzantine studies trustees for Harvard University, 1973.

Статья поступила в редакцию 08.04.2021, принята к публикации 15.05.2021
The article was received on 08.04.2021, accepted for publication 15.05.2021

Сведения об авторе / About the author

Гусарова Светлана Владимировна – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Svetlana V. Gusarova – Postgraduate student at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail.: samoupravlenie7@mail. ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-35-50

А.И. Головлев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
109028 г. Москва, Российская Федерация;

Школа «Интеллектуал»,
121352 г. Москва, Российская Федерация

От *Theatersperre* до союзнической администрации: к вопросу об институциональной резистентности театра на примере Венской Государственной оперы и Бургтеатра, 1944–1945 гг.

В статье исследуется институциональный кризис и трансформация двух наиболее престижных театров Вены – Государственной Оперы и Бургтеатра, объединенных в Федеральные/Государственные Театры, – в последнее время Третьего Рейха и ранний период советской оккупации. В центре внимания находятся трансформация и дезинтеграция властных структур, патронажа и линий снабжения, которые последовали за приостановкой обычных театральных сезонов по приказу Геббельса в августе 1944 г. Театры сохранили дееспособную и все более централизованную администрацию, которая успешно боролась за сохранение сотрудников и обеспечение материальными и финансовыми ресурсами. После потери двух основных зданий в марте 1945 г., а также большей части денежных средств, внутренняя административная целостность облегчила возрождение венской культурной жизни, поддерживаемое советскими властями, а впоследствии и проект австрийского национального строительства. Организационная устойчивость и континуитет в персонале были важными и часто недооцениваемыми факторами, которые способствовали преодолению кризиса, а также восстановлению позиций и символического капитала Федеральных Театров.

© Головлев А.И., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: театральный менеджмент, театр во время Второй мировой войны, Австрийские Федеральные театры, Венская Государственная опера, Бургтеатр

Благодарности. Данное исследование было поддержано стипендией "Joint Excellence in Sciences and Humanities" (JESH) Австрийской академии наук в декабре 2019 – мае 2020 гг.

Автор выражает благодарность Институту изучения последствий войны им. Людвига Больцмана (Ludwig-Boltzmann-Institut für Kriegsfolgenforschung) в Граце и директору института проф. Барбаре Штельцль-Маркс за поддержку проекта во время подготовки и работы в австрийских архивах.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Головлев А.И. От *Theatersperre* до союзнической администрации: к вопросу об институциональной резистентности театра на примере Венской Государственной оперы и Бургтеатра, 1944–1945 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 35–50. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-35-50

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-35-50

A.I. Golovlev

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, 109028, Russian Federation;

"Intellectual" State School,
Moscow, 121352, Russian Federation

From the *Theatersperre* of the allied administration: On the question of institutional resilience of theatre in the case of the Vienna State Opera and the Burgtheater, 1944–1945

The article examines the institutional crisis and transition of Vienna's two most prestigious theatres – the State Opera and the Burgtheater, united as Federal/State Theatres – during the final stages of the Third Reich and the early period of Soviet occupation. It focuses on the transformation and

disintegration of power hierarchies, patronage structures and supply lines following the halt to normal seasons decreed by Goebbels in August 1944. The theatres maintained a capable and increasingly centralized administration that struggled for keeping the personnel and obtaining financial and material resources. After the loss of the two main buildings in March 1945, and much of available liquidity, internal administrative cohesion facilitated the Soviet-supported renaissance of Viennese cultural life, and the subsequent Austrian nation-building. Organizational resilience and personnel continuities were key, and often underestimated factors, that helped managing the crisis and restoring the Federal Theatres' position and symbolic capital.
Key words: theatre management, theatre during World War II, Austrian Federal Theatres, Vienna State Opera, Burgtheater

Acknowledgments. This research was supported by a Joint Excellence in Sciences and Humanities (JESH) grant from the Austrian Academy of Sciences.
The author expresses gratitude to the Ludwig Boltzmann Institute for Research on the Consequences of War in Graz (Ludwig-Boltzmann Institut für Kriegsfolgenforschung) and its director, Professor Barbara Stelzl-Marx for their support for this project during the preparatory and research work in Austrian archives.

FOR CITATION: Golovlev A.I. From the *Theatersperre* of the allied administration: On the question of institutional resilience of theatre in the case of the Vienna State Opera and the Burgtheater, 1944–1945. *Locus*: *People*, *Society*, *Culture*, *Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 35–50. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-35-50

Опера и Бургтеатр на перипетиях австрийской истории: к постановке вопроса

В ноябре 1955 г., через десять лет после окончания Второй мировой войны и через несколько месяцев после завершения периода союзнической оккупации, Венская Государственная опера была торжественно открыта представлением «Фиделио», единственной оперы Бетховена, написанной в годы наполеоновских войн и посвященной теме личной и гражданской свободы. Носитель огромного символического капитала, крупнейший (и самый дорогостоящий) субъект культурной индустрии Австрии, «Театр на Ринге» снова занял свое место в центре политической и общественной жизни страны. Это было важнейшее общественное событие молодой Второй Австрийской республики, в котором приняли участие первые лица Австрии и зарубежные гости, а также была осуществлена первая в истории страны прямая трансляция оперного спектакля.

«Фиделио» имеет долгую традицию открытия значимых сезонов в Вене. В октябре 1945 г. его поставили по прямому пожеланию советской администрации, в здании Фольксоперы. Нацистский период истории Оперы был также открыт бетховенской оперой (17 марта 1938 г.), которая следовала за постановками «Евгения Онегина» (11 марта) и «Тристана и Изольды» (12 марта) [22]. И, как и «Федеративное немецкое государство Австрия на основе профессиональных сословий» (официальное наименование австрофашистской диктатуры 1934–1938 гг.), национал-социалистический «Великогерманский рейх» завершился Вагнером: постановкой «Сумерков богов» 30 июня 1944 г.

В театре, образно говоря, «сумерки богов» начались с августовского приказа (1944 г.) Йозефа Геббельса о тотальной военной мобилизации деятелей искусства (известной как «закрытие театров» – *Theatersperre*). Министр пропаганды запретил все театральные представления, за исключением инструментальных концертов, и предписал актерам и музыкантам Третьего рейха направиться на предприятия военной промышленности. Крупнейшая театральная индустрия в мире была парализована, для театральных администраций началась борьба за выживание.

Почему венский театр представляет интерес для историков Австрии, Второй мировой войны и Советского Союза? В первую очередь следует указать на сложившийся в XIX в. символический и культурный капитал оперы, которая заняла центральную позицию в жизни европейских обществ[1]. Одновременно опера (и, в меньшей степени, драматический театр) стоят очень дорого и, в условиях падающей рентабельности, требуют больших государственных инвестиций. Венские Государственная опера, Бургтеатр и Академитеатр (после 1955 г. и Фольксопер) были в 1918–1920 гг. объединены в Федеральные (Государственные) театры, доныне крупнейший театральный конгломерат в мире с бюджетом более 200 млн евро и субсидией в 163 млн (примерно в 10 раз больше, чем у Альбертины). В сущности, театры являются лакмусовой бумажкой государственной культурной политики, экономики в сфере культуры, общественного консенсуса (и легитимации крупных капиталовложений).

Наконец, способность театра переживать экономические кризисы актуальна как для исследований военной истории (история тыла), так и в контексте современной эпидемиологической ситуации. В то же

[1] См. работы Пьера Бурдьё, Кристофа Шарля, Филиппа Тера, Свена-Оливера Мюллера, среди наиболее классических см. [4; 6; 21]. Полная историография истории оперного театра, к сожалению, не может быть рассмотрена в рамках этой статьи.

время в богатой историографии немецкоязычной оперы и драматического театра[2] период *Theatersperre* является практически не исследованным. Следует отметить, что, в контрасте с последними месяцами «Тысячелетнего рейха», энергичная и «либеральная» политика советских властей весны и лета 1945 г. получили пристальное внимание историков [1; 8; 14; 19; 20]. Начало Холодной войны в 1947 г. открыло период конкуренции за симпатии деятелей искусства и австрийской публики, предоставив идеальную возможность переписывания недавнего прошлого в ключе «первой жертвы» нацизма (идеологемы, родившейся еще в Московской декларации 1943 г.).

В дальнейшем мы сконцентрируемся на следующих вопросах: 1) действительно ли *Theatersperre* означала полную остановку деятельности театров как культурных и экономических организмов; 2) какова роль и *агентность* театров в условиях, с одной стороны, трансформации и дезинтеграции нацистского режима, а с другой – установления союзнической оккупации и парламентской демократии; 3) претерпел ли театр качественные изменения в 1944–1945 гг.; 4) сопоставим ли патронаж Москвы с предыдущим патронажем Берлина в контексте двух радикальных ре-ориентаций политического курса Австрии и ее территорий?

Основу источниковой базы составят ранее малоисследованные акты Федерального управления театров за 1944–1945 гг., хранящиеся в Австрийском государственном архиве (Архив Республики).

Цель данного исследования – внести вклад как в эмпирически ориентированную историографию германоязычного, в т.ч. австрийского, театра, так и в исследования советской культурной политики в освобожденных странах в 1945 г., а также анализ выживания оперного театра в годы войны, где интересные параллели наблюдаются и в других странах континентальной Европы, в т.ч. в России и Советском Союзе.

«Сумерки богов» и концертная деятельность: осень 1944 г.

Решающий поворот в войне в 1942–1943 гг., продолжающееся наступление союзников и приближение фронтов к границам рейха вынудили нацистское руководство свернуть политику щедрого субсидирования венских театров, которой режим завоевал лояльность

[2] См. хронологии Марселя Правого/Прави [23], Губерта Хакенберга и Вальтера Херманна [13], фундаментальные критические работы Фреда Приберга [24], Богуслава Древняка [9] и Оливера Раткольба [25; 34] (1980-е гг.), новые работы Конрада Дюсселя [10], Ганса Дайбера [7], Михаэля Вальтера [33], Манфреда Браунека [5], Фритца Трюмпи [32], Манфреда Штоя [29], коллективная монография «Theater im „Dritten Reich“» [30]), диссертации и дипломные работы Эвелин Шрайнер [27], Гудрун Ликар [16], Ирене Лёви [17], Элизабет Роттер [26] и Йоханны Мертинц [18], сборники 2018 [31] и 2019 [12] гг.

австрийского истеблишмента [9, S. 72–76] (см. также несколько отличающиеся, но совпадающие по тенденции цифры в [27, S. 141–151])[3]. К тому времени берлинские театры уже серьезно страдали от бомбардировок [12, S. 348]. Одновременно с 1942–1943 гг. наблюдается ослабление венских властных структур. Имперское Министерство пропаганды добилось контроля над субсидиями Государственным театрам, что лишало гауляйтера Б. фон Шираха важного финансового рычага давления, а также подрывало позиции протеже гауляйтера директора Карла Бёма[4] (схожие процессы наблюдались в Берлине и Мюнхене).

Растущие сложности в обеспечении театров необходимыми ресурсами и защите имеющейся рабочей силы повышали вес администраторов по отношению к художественному руководству. Одновременно в Государственных театрах усиливается тенденция к централизации. Альфред фон Экман[5], управляющий Государственными театрами, который проработал в управлении более чем тридцать лет, начиная со времен монархии[6], вел основную часть административной переписки, все более сводящейся к упорной повседневной борьбе за людей и ресурсы.

Непосредственно после вступления в силу геббельсовского указа Опера, Бургтеатр и Театр в Йозефштадте получили разрешение проводить концерты, предназначенные, в первую очередь, для солдат и офицеров вермахта, а также рабочих оборонной промышленности. Доходы

[3] Расчетливая щедрость нацистов обеспечивала им симпатии по всему рейху; расходы на театры разных уровней имели тенденцию расти в 1,5–2 раза. См.: [18, S. 180–181; 26, S. 53–55], разделы *Finanzentwicklung im Krieg* [30, S. 51–56], *Gagenentwicklung im Krieg* [Там же, S. 57–59], *Reichszuschüsse* [Там же, S. 59–61], *Österreich* [Там же, S. 261]. О. Ратколь впервые осветил роль Б. фон Шираха в распределении этих средств, поскольку до 1942–1943 гг. имперские субвенции управлялись гауляйтером [25, S. 75–76].

[4] Карл Бём, родившийся в Австрии (Граце), был наиболее престижным назначением фон Шираха в театрах, и к тому же не имел трудностей получить необходимое для «имперских театров» разрешение фюрера [25, S. 123–125]. К 1943 г. позиция Шираха уже ослабевала в пользу Геббельса [27, S. 76]. Участие Оперы в формировании «придворной культуры» венского гауляйтера создало ему много могущественных недоброжелателей в Берлине, начиная с Геббельса [9, S. 187–189; 25, S. 15], и косвенно наносило удар по кредиту Бёма и Венской оперы.

[5] В республиканской Австрии использование дворянской приставки «фон» было (и остается) запрещено; Экман начал подписывать документы с приставкой «фон» с 1938 г.

[6] Советник министерства Альфред фон Экман долгое время оставался в тени художественных директоров, в то время как его роль постоянно росла по мере ухудшения материального снабжения оперы. После упоминаний в работах Ингеборг Роттер и Манфреда Штоя [26, S. 11; 29, S. 182] Экман заслуженно появился и в юбилейной публикации, вышедшей к 150-летию здания на Ринге [12, S. 226]. Именно на его плечи легла забота о физическом выживании Государственных театров, и его подпись стоит под большинством писем, отправленных из театральной канцелярии.

от продажи билетов должны были покрывать расходы на организацию и гонорары артистов (театры должны были вернуть деньги за абонементы)[7]. Первые концерты состоялись 16 и 17 сентября 1944 г. и оплачивались *Kraft durch Freude* (нацистской организацией досуга «Сила через радость»)[8]. Михаэль Краус насчитывает 10 постановок в здании Академитеатра [14, S. 5], а 8 января дирекция Бургтеатра рапортовала об успехе представлений 6 и 7 января в рамках «ограниченной постановочной деятельности»[9].

В то же время жесткий финансовый курс Берлина встретил организованное сопротивление. В проекте бюджета на 1945 г., предложенном Экманом, было предусмотрено повышение субсидии на 2,63 млн марок до 9,51 млн – самой высокой цифры за годы войны[10]. Заметим, что другие широко известные в литературе случаи – попытки большевиков закрыть Большой театр в 1919 и 1921–1922 гг. – тоже включали в себя аргументы по экономической целесообразности прекращения театральной деятельности (см. серию публикаций Л.В. Максименкова). Для своей концертной деятельности хор Государственной оперы добился субсидии в размере 6 тыс. марок[11] (о моральном состоянии хора, впрочем, свидетельствует обнаружение 7 марта «злостным образом поврежденного» портрета фюрера[12]). Однако вероятность получения средств из Берлина иссякала по мере приближения фронта и распада имперской финансовой системы. 28 февраля венское радио (Reichssender Wien) выплатило 23 тыс. марок гонораров в бюджет Государственных театров[13], и с большой вероятностью это был последний – уже «внутри-венский» – трансфер финансовых средств в пользу театральной кассы.

---

[7] Abrechnung der Rückzahlungen der Vorauszahlungen für die Theatergemeinde A–E für die Spielzeit 1944/45 (Z/GK-a), 17.01.1945. Österreichisches Staatsarchiv. Archiv der Republik. Österreichische Bundestheaterverwaltung. Administrationsakten 262. Zl 292a.

В марте 1945 г. предписывалось, уже в сугубо нормативном ключе, взимать общую цену в 10 тыс. марок в Опере и 5 тыс. в Бургтеатре при минимальном освещении в пресce (Durchführung von Veranstaltungen, 16.03.1945. Am gleichen Ort. Administrationsakten AA 262, Zl. 910).

[8] Staatsoper: Konzertveranstaltungen während der Stillegung des Spielbetriebes, 2.10.1944. Am gleichen Ort. Administrationsakten AA 260, Zl. 3263.

[9] Direktion des Burgtheaters an die Staatstheaterverwaltung, 8.01.1945. Am gleichen Ort. Administrationsakten AA 262, Zl. 79a.

[10] Neugestaltung der Gagen, 22.09.1945. Am gleichen Ort. Administrationsakten AA 26, Zl. 2292/45.

[11] Konzertvereinigung Wiener Staatsopernchor. Subvention für 1944/45, 22.01.1945. Am gleichen Ort. Administrationsakten AA 262, Zl. 310a.

[12] Verwaltung Staatsoper an die Staatstheaterverwaltung, 7.03.1945. Am gleichen Ort. Zl. 798a.

[13] Haushaltsref. 28.02.1945. Am gleichen Ort. Zl. 693a.

Ухудшение *материального* снабжения Государственных театров к тому времени было уже необратимо. Еще в 1942 г. венские театры были вынуждены временно закрываться из-за невозможности обеспечить необходимую температуру в помещениях [27, S. 259–261]. Имперское руководство ответило мерами по рационализации и экономии угля, железа и других материалов, значительно увеличив бюрократический документооборот в развернувшейся борьбе за ресурсы. Отопительные материалы (уголь, кокс и дерево) оставались одной из основных проблем администрации (последняя поставка угля в феврале 1945 г.)[14]. Третьим важнейшим вопросом был доступ к рабочей силе. Театры, расставшись еще в 1944 г. с иностранными рабочими, успешно защищали сотрудников-венцев от отправки на фронт или на предприятия военной промышленности[15], сохранив рабочих, обладающих необходимыми для театральной деятельности навыками . В середине 1944 г. Государственные театры располагали 869 мужчинами (из них 595 *uk*) и 383 женщинами, дополнительные 220 мужчин были призваны в армию[16]. В ноябре 1944 г. Опера запросила сохранение 32 певчих женского хора от «рабочего призыва» (*Arbeitseinsatz*)[17], а в декабре – всего рабочего персонала от призыва в Фольксштурм[18]. Наконец, *бомбардировки* затронули имущество[19] и персонал Государственных

[14] См.: Alfred Eckmann – Dienstauftrag an Abteilungsvorstände (Amt des Reichsstatthalters in Wien), 22.11.1944. Österreichisches Staatsarchiv. Archiv der Republik. Österreichische Bundestheaterverwaltung. Administrationsakten AA 261, Zl. 4263a; Verwaltung der Staatstheatergebäude – Staatsoper an die Staatstheaterverwaltung (408), 5.10.1944. Am gleichen Ort. Zl. 3369a; Rundschrift, betr. Kohlenbeschaffung für 1944/45, 5.06.1944. Österreichisches Staatsarchiv. Archiv der Republik. Österreichische Bundestheaterverwaltung. Administrationsakten AA 260, Zl. 2067; Lieferung von 1000 Kg. Steinkohle für die Staatstheaterverwaltung, 22.02.1945. Am gleichen Ort. Administrationsakten AA 262, Zl. 645a.

[15] Т.н. *unabkömmmlich Stellungen* (*uk*) выдавались через постоянно усложняющийся процесс в Имперской камере театров и Министерстве пропаганды (за исключением личного списка Адольфа Гитлера – *Gottbegnadeten-Liste*).

[16] Kriegswirtschaftliche Kräftebilanz, Juli 1944. Österreichisches Staatsarchiv. Archiv der Republik. Österreichische Bundestheaterverwaltung. Administrationsakten AA 261, Zl. 3963a.

[17] Wiener Staatsopernchor weibl.: Aufhebung der Zurverfügungstellung (Arbeitsamt) – an das Arbeitsamt Wien, 21.11.1944. Am gleichen Ort. Zl. 3848a.

[18] Verwaltung der Staatstheatergebäude – Staatsoper an die Staatstheaterverwaltung (491), 20.12.1944. Am gleichen Ort. Zl. 4213a.

[19] Венская опера и Бургтеатр располагали двумя зданиями на Ринге, Академитеатром, Ронахером, Штальбургом и складами в первом и втором районе (театр замка Шёнбрунн, периодически присоединяемый к Государственным театрам, управлялся отдельно и не был затронут централизацией).

театров еще в 1944 г.[20], выдвинув на первый план компенсации пострадавшим[21] и работу пожарных[22].

Несмотря на распад «великогерманского» государственного и финансового аппарата, дезинтеграцию военной экономики, театры демонстрируют:

1) сохраняющуюся зависимость от денежных трансферов;

2) переход хозяйственной инициативы к отдельным институциям, стремящимся добиться определенной автаркии и стабильности.

Однако «сумерки богов» неотвратимо сгущались. К марту 1945 г. Бём покинул Вену, а Альфред фон Экман, Альфред Йергер и Лотар Мютель были вынуждены констатировать непригодность зданий Бургтеатра и Оперы, а также невозможность гарантировать доступность новых залов и оркестра[23]. Мартовские бомбардировки стали символом коллапса театральной жизни в городе [23, S. 167] и послужили поводом последней крупной пропагандистской кампании в нацистской прессе [12, S. 244–246], которая, в свою очередь, прекратила существование несколько дней спустя. В апреле Опера и Бургтеатр полностью сгорели.

От Освобождения к свободе: Венские Государственные театры и советская оккупационная администрация

К апрелю 1945 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов под командованием маршала Ф.И. Толбухина вышли к Вене и отрогам Венского леса, начав битву за австрийскую столицу. 13 апреля город был полностью освобожден. Фронтовая структура Красной Армии сменилась Центральной группой войск (ЦГВ) и Советской частью Союзнической комиссии по Австрии (СЧСК), при которой было организовано Управление пропаганды, ответственное и за культурную жизнь Австрии.

[20] Bericht vom 20.03.1945. Österreichisches Staatsarchiv. Archiv der Republik. Österreichische Bundestheaterverwaltung. Administrationsakten AA 262, Zl. 868; Gebäudeverwaltung des Burgtheaters an die Staatstheaterverwaltung (53), 3.03.1945. Am gleichen Ort. Zl. 736a; Meldung der Bühneninspektion vom 8.01.1945 – Brief 5.02.1945. Am gleichen Ort. Zl. 440.

[21] Verwaltung der Staatstheatergebäude an die Staatstheaterverwaltung, betr. Meldung der bombengeschädigten Gefolgschaftsmitglieder der Gebäudeverwaltung der Staatsoper, 10.08.1944. Österreichisches Staatsarchiv. Archiv der Republik. Österreichische Bundestheaterverwaltung. Administrationsakten AA 260, Zl. 2767-a.

[22] Staatstheatergebäude – Staatsoper, Betr. Entfernung und Sicherstellung der inneren Fenster (14), 19.01.1945. Am gleichen Ort. Administrationsakten AA 262, Zl. 240a; Verwaltung der Staatstheatergebäude – Staatsoper an die Staatstheaterverwaltung (448), 8.11.1944. Am gleichen Ort. Administrationsakten AA 261, Zl. 3759a.

[23] Planungssitzung im Reichspropagandaamt Wien am 27. März l. J. (953), 29.03.1945. Am gleichen Ort. Administrationsakten AA 262, Zl. 956a.

Унаследованные советскими властями Опера и Бургтеатр претерпели значительные разрушения – потерю основных зданий на Ринге, большей части костюмов и декораций – и дезорганизацию финансов: обнаруженные в кассах театра суммы составляли всего 2800 рейхсмарок[24]. Недостаток ликвидности отягощал функционирование театров, внутренняя экономика которых была в высокой степени монетизирована. Разрушение главных сцен, потеря дорогостоящих декораций, рассеяние части персонала делали невозможным, как казалось, возобновление представлений.

Советская сторона имела совершенно другие представления о будущем театра в Австрии. Вскоре «русские» занялись кипучей деятельностью по немедленному восстановлению активной культурной жизни в городе командно-административными, а зачастую и чисто армейскими методами. Все же в литературе общим топосом остается политический либерализм и непреклонная воля советских военных к скорейшему восстановлению культурной жизни в городе [1, с. 83–91; 14; 19, S. 99; 20, S. 29–30]. Легендарным стало первое совещание майора М.И. Левитаса с австрийскими деятелями искусства в Венской ратуше 23 апреля [20, S. 19]. Для сохранения ансамблей советские власти закрыли глаза на последовательную денацификацию, ограничившись перестановками на директорском уровне (и отказавшись от назначения коммунистов). Карл Бём, местонахождение которого было неизвестно, был заменен Францем Зальмхофером, а нацистский театральный гранд Лотар Мютель (в Бургтеатре) – Раулем Асланом. Зальмхоферу пришедшими на его квартиру офицерами было приказано немедленно начать работу (в обход восстановленных федеральных и региональных органов власти), а также дано обещание предоставить любую необходимую помощь [Там же, S. 27].

Армейские ресурсы были задействованы для подготовки первых репетиций, и приоритетный доступ к советской поддержке был важнейшим экономическим и *политическим* событием в истории Государственных/Федеральных театров весны-лета 1945 г. В то время как в Берлине шли бои за Имперскую канцелярию, 30 апреля открылся Бургтеатр, а 1 мая – Государственная опера (в здании Фольксопер). Впервые с лета 1944 г. историю театров стал определять репертуар и непосредственно сценические постановки, а не происходящая за закрытыми дверями борьба за существование. Моцарт, объявленный нацистами воплощением «немецкой» музыки, теперь стал символом австрийской нации [12, S. 237], а советские солдаты неизменно составляли значительную часть публики столичных сцен [14, S. 16].

[24] Ausserung der Direktion (der Staatsoper) an Eckmann, 6.08.1945. Österreichisches Staatsarchiv. Archiv der Republik. Österreichische Bundestheaterverwaltung. Administrationsakten AA 263, Zl. 497/1945 (STTVH Zahl: 1509/1945).

Советский Союз первым среди союзных держав оказал прямую финансовую поддержку Государственным (Федеральным) театрам, выделив 1 млн руб. на восстановление здания Оперы [2] и направив тонны строительных материалов [14, S. 41, 262] – задолго до начала поступлений от ЮНЕСКО, а также по плану Маршалла. Именно СССР доставлял продовольственную помощь голодающему венскому населению – с льготными «приглашениями» на организуемые военной администрацией «банкеты» для деятелей искусства. Маршал И.С. Конев, сменивший Ф.И. Толбухина на посту главнокомандующего советскими войсками в Австрии, понимал важность таких шагов в улучшении образа Красной Армии и Советского государства. «Одержимые театром русские» [Там же, S. 101] активно использовали этот символический капитал, а также сравнительное преимущество перед другими союзниками, которые рассматривали Австрию, в первую очередь, как побежденную страну и проводили в 1945 г. весьма сдержанную культурную политику (за некоторым исключением Франции). Следует признать, что меры по восстановлению Оперы не привели к устойчивому повышению престижа советской оккупационной администрации в *целом*, поскольку отношения гражданского населения с красноармейцами оставались напряженными. Это признавали и советские пропагандисты [28, S. 270].

Некоторые финансовые маневры советской администрации не были лишены двусмысленности. Косвенной, и в значительной мере иллюзорной, мерой поддержки стала система «взаиморасчетов» за использование ресурсов (Федеральных) театров для нужд советской культурной дипломатии. Первые концерты советских музыкантов состоялись уже в августе 1945 г. с приемом у канцлера Карла Реннера и широким освещением в прессе [12, S. 248–249]. СЧСК пообещала возместить «бесплатные» билетов для солдат и офицеров Красной Армии, однако свидетельств о том, что «русские» действительно расплатились уже в 1945 г., немного. Федеральные театры указывали, что с 1 июня до 31 июля Красная Армия получила 3015 билетов общей стоимостью 42 215 рейхсмарок[25] и 1535 мест на 22 551 рейхсмарок[26], соответственно. Четырехдневные гастроли советских артистов балета на сцене Ронахера (филиал Бургтеатра) были оценены в 36 631 марку[27]. Тем самым, оценка

[25] Karten für Russ. Kmds. – Durchschlag, 6.08.1945. Österreichisches Staatsarchiv. Archiv der Republik. Österreichische Bundestheaterverwaltung. Administrationsakten AA 264, Zl. 1905 (Vorzahl 1703/45).

[26] Brief an Staatssekretär Viktor Matejka, 12.09.1945. Am gleichen Ort. Zl. 2254/45 (Vorzahl 1907/45).

[27] Direktion des Burgtheaters an die Staatstheatervewaltung, 27.07.1945. Am gleichen Ort. Zl. 1922.

В. Мюллера, что федеральные театры несли потери в размере примерно 23–25 тыс. марок ежемесячно [20, S. 67], находит свое подтверждение. В краткосрочной перспективе театры надеялись на «любую возможную помощь», которая часто приходила в виде продуктов питания, строительных и расходных материалов.

Во внутренней политике не приходилось ждать поддержки и от властей восстановленного австрийского государства. Уже в мае 1945 г., столкнувшись с отсутствием ликвидности, дирекция Театров централизовала выдачу разрешений на дополнительные расходы[28]. Национальное радио РАВАГ просило Оперу об отсрочке полагающихся ее артистам платежей (в итоге согласившись оплатить 1 тыс. марок[29], ничтожную в бюджете театров сумму), в то время как дирекция Оперы просила кредиторов театра о терпении[30]. Национальное и венское правительство объявили о невозможности выдачи субсидий Государственным театрам до декабря 1945 г. Театры попытались спасти ситуацию, предложив привлекательную программу сокращения расходов, в первую очередь, по зарплатам[31]. На драматичном совещании директоров Оперы и Бургтеатра с госсекретарем Эрнстом Фишером (ответственным за культуру представителем Коммунистической партии Австрии во Временном правительстве) последний был вынужден беспомощно предоставить театрам «полную свободу» в распоряжении имеющимися средствами[32]. В этих условиях дирекция впервые за новейшую историю Венской оперы представила расчетный лист, где многие солисты были вынуждены принять сокращение годовых окладов от трети до половины (315 тыс. экономии по мужчинам и 234,6 – по женщинам)[33]. Оперный престиж все еще стоил дорого: бюджет Государственных театров на сентябрь 1945 г. предполагал 1 059 000 марок расходов и 972 200 доходов[34]. Несмотря на совместные усилия СССР, австрийского правительства, деятелей искусства и вскоре западных союзников, он, как и предыдущий финансовый план, не имел шансов быть исполненным.

[28] Rundschrift, betr. Kohlenbeschaffung für 1944/45, 5.06.1944. Österreichisches Staatsarchiv. Archiv der Republik. Österreichische Bundestheaterverwaltung. Administrationsakten AA 260, Zl. 2067.

[29] Ravag. Vergütung für Staatsopern-Uebertragungen, 19.06.1945. Am gleichen Ort. Administrationsakten AA 263, Zl. 1408a.

[30] Brief bzgl. Gesellschaft der Musikfreunde, 20.07.1945. Am gleichen Ort. Zl. 413/1945.

[31] Brief an Staatssekretär Ernst Fischer, 19.06.1945. Am gleichen Ort. Zl. 1406/45.

[32] Direktorenbesprechung im Staatsamt für Unterricht am 11. Juli 1945. Beschluss. Am gleichen Ort. Zl. 1669/1945.

[33] Neugestaltung der Gagen, 22.09.1945. Österreichisches Staatsarchiv. Archiv der Republik. Österreichische Bundestheaterverwaltung. Administrationsakten AA 26, Zl. 2292/45.

[34] Etat-Gebarung – Antrag für September 1945. Am gleichen Ort. Administrationsakten AA 262, Zl. 3836/45.

Жесткая нехватка ресурсов и построение консенсусного, консервативного образа австрийской нации диктовали крайнюю ограниченность и консерватизм репертуара, компенсирующийся неизменным интересом публики, ищущей отвлечения от тягот послевоенных месяцев. Так, в мае Государственная опера могла поставить только «Женитьбу Фигаро» и «Богему», и только в июне список произведений начал постепенно расширяться. Характерным образом многие «премьеры» остались концертными исполнениями в Концертхаусе или Музикферайне, как «русская» премьера оперы «Борис Годунов» (на которую администрацией возлагались большие надежды дипломатического характера) [22]. Бургтеатр ставил немецкоязычных классиков, а в музыкальной жизни столицы доминирующее место заняли симфонические и камерные оркестры под управлением Й. Крипса (подвергавшегося преследованиям при нацизме как наполовину еврея), Ф. Зальмхофера, К. Бёма и др. Возвращение популярных В. Фуртвенглера и Г. фон Караяна было невозможно по политическим причинам (американские власти ввели жесткие меры денацификации в отношении последнего), хотя в венской культурной жизни начали преобладать реставрационные тенденции, которые все более стирали границу апреля 1945 г. и замалчивали нацистское семилетие.

В целом, несмотря на трудности и противоречия первых месяцев после освобождения, подчеркнутый либерализм и конкретные меры материальной поддержки принесли свои плоды. Театры были спасены как культурные институции мирового уровня, тогда как советская администрация накопила реальный престижный капитал. Литература позволяет полагать, что схожие процессы происходили и в Берлине; интересным вопросом является сравнение ситуации бывшего «Третьего рейха» с Италией и другими странами (элементы подобного анализа присутствуют у Б. Древняка). Заложенный администрацией Экмана еще в 1944 г. персональный континуитет и толерантность СЧСК (отказ от жесткой денацификации) частично компенсировали материальные потери, а ставившиеся на сценах произведения напоминали голодным и уставшим от войны венцам о лучших временах Австрии.

Tu, felix Austria, canta: континуитет и цезура в венских Государственных театрах

Австрийские Федеральные (Государственные) театры смогли пережить глубочайший кризис в своей истории, в первую очередь, благодаря сохранению организационной целостности, дееспособной администрации Оперы и Бургтеатра. В условиях смены артистического руководства, потери значительной части материального капитала и нацистской системы политического патронажа большинство артистов и компетентных

управленцев остались в Вене, обеспечив линию советских оккупационных властей на восстановление театральной деятельности. По аналогии с *deep state*, существование *deep theatre* – незаметной зрителю повседневной деятельности хозяйственных и административных управлений, работы компетентных «лояльных менеджеров», репетиционной активности – составило основу быстрого «возрождения» Венской Государственной оперы, флагмана Федеральных театров, и Бургтеатра как национальных символов Австрии.

Роль советской администрации по сравнению с нацистами в этом контексте имеет значительные отличия. Третий рейх не воспринимался в Вене как «иностранная оккупация». К тому же активная инвестиционная политика нацистов создавала материальную базу лояльности, которой не располагали ни межвоенная Австрия, ни федеральное правительство в первые послевоенные годы – и которую лишь частично могли компенсировать единовременные вливания с советской стороны. Временный характер «русского периода», эфемерность организационного единовластия советской администрации – в противовес устойчивым структурам внутри самих театров – носят ключевой характер в понимании переломной весны 1945 г. Баланс сил мая 1945 г. изменят холодная война и австрийское экономическое чудо. Советские позиции ослабели сразу после прибытия западных союзников в Вену, а после вывода оккупационных войск в 1955 г. советское влияние в Федеральных театрах отсутствовало.

Как и нацистский период, «русский след» все же остался в истории Федеральных театров. Форсированная поддержка театров в критический для них момент имела сопоставимые последствия со столь же форсированной реставрацией многопартийной демократической системы, фактически единолично проведенной советской администрацией. Отказ от последовательной денацификации и консервативная реставрация «австрийской национальной культуры» укрепили элементы континуитета в Опере и Бургтеатре, обеспечив их преобладание над кратковременными кризисными факторами военной экономики, дефицита ресурсов, разрушений и трудностей восстановления.

Библиографический список / References

1. Мюллер В. Культурная политика советских властей и австрийские культурные отношения // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2003. № 3. С. 83–91. [Mueller W. The cultural policy of Soviet authorities and Austrian cultural relations. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija.* 2003. No. 3. Pp. 83–91. (In Russ.)]

2. Шифротелеграмма Главнокомандующему ЦГВ И.С. Коневу о выделении денег на восстановление венского оперного театра. 18.10.1945 г. // Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955: документы – Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Dokumente. Грац – Вена – Мюнхен, 2005. С. 144–145.
3. Botz G. Nationalsozialismus in Wien: Machtübernahme, Herrschaftssicherung, Radikalisierung 1938/39. Wien, 2018 [1978].
4. Bourdieu P. La distinction: Critique sociale du jugement. Paris, 1979.
5. Brauneck M. Die Welt als Bühne. Geschichte des europäischen Theaters. Bde 1–7. Stuttgart, 1993–2007.
6. Charle Chr. Théâtres en capitales, naissance de la société du spectacle à Paris, Berlin, Londres et Vienne. Paris, 2008.
7. Daiber H. Schaufenster der Diktatur. Theater im Machtbereich Hitlers. Stuttgart, 1995.
8. Deutsch-Schreiner E. Theater im Wiederaufbau: Zur Kulturpolitik im österreichischen Parteien- und Verbändestaat. Wien, 2000.
9. Drewniak B. Theater im NS-Staat: Szenarium deutscher Zeitgeschichte 1933–1945. Düsseldorf, 1983.
10. Düssel K. Ein neues, ein heroisches Theater: Nationalsozialistische Theaterpolitik und ihre Auswikrungen. Bonn, 1988.
11. Fewster K. M. Waltzing in 4/4 March Tempo: Viennese Music in the Third Reich. MA Thesis, University of Calgary, 2012.
12. Geschichte der Oper in Wien. B. Boisitz u.a. (Hrsg.) Band II: Von 1869 bis zur Gegenwart. Wien, 2019.
13. Hackenberg H., Herrmann W. Wiener Staatsoper im Exil: 1945–1955. Wien, 1985.
14. Kraus M. “Kultura”: der Einfluss der sowjetischen Besatzung auf die österreichische Kultur. Diplomarbeit, Universität Wien, 2008.
15. Kretschmer H. Der Wiederbeginn des kulturellen Lebens im Jahre 1945. *Wiener Geschichtsblätter*. 1975. No. 30. S. 251–254.
16. Likar G. Die Auswirkungen der nationalsozialistischen Kulturpolitik auf den Spielplan des Wiener Burgtheaters. Diplomarbeit, Universität Wien, 1990.
17. Löwy I. Kulturpolitik im Nationalsozialismus von 1938 bis 1945 am Beispiel des Deutschen Volkstheaters in Wien. Mag. Diss., Universität Wien. 2010.
18. Mertinz J. Die Kulturpolitik des Nationalsozialismus und ihre Auswirkungen auf die österreichische Theaterkunst. Dr. Diss., Universität für Musik und darstellende Kunst. 2017.
19. Mueller W. Die sowjetische Besatzung in Österreich und ihre politische Mission. Wien, 2005.
20. Mueller W. Österreichische Zeitung und russische Stunde. Diplomarbeit, Universität Wien. 1998.
21. Oper im Wandel der Gesellschaft: Kulturtransfers und Netzwerke des Musiktheaters im modernen Europa. Sv.O. Müller u.a. (Hrsg.). Wien, 2010.
22. Politische Geschichte der Oper in Wien – Spielplan der Wiener Oper 1869 bis 1955. URL: https://www.mdw.ac.at/imi/operapolitics/spielplan-wiener-oper/web/performance/ (Zugriffsdatum: 27.01.2021).
23. Prawy M. Die Wiener Oper. Wien, 1969.
24. Prieberg F. Musik im NS-Staat. Düsseldorf, 1978.

25. Rathkolb O. Führertreu und gottbegnadet: Künstlereliten im Dritten Reich. Wien, 1991.
26. Rotter I. Der Einfluss der NS-Kulturpolitik auf die Wiener Staatsoper 1938–1945. Diplomarbeit, Universität Wien. 2000.
27. Schreiner E. Nationalsozialistische Kulturpolitik in Wien 1938–1945 unter spezieller Berücksichtigung der Wiener Theaterszene. PhD Diss., Universität Wien. 1980.
28. Stelzl-Marx B. Stalins Soldaten in Österreich: Die Innensicht der sowjetischen Besatzung. Wien – München, 2012.
29. Stoy M. Die Wiener Staatsoper 1938–1945. Band I. Wien, 2017.
30. Theater im "Dritten Reich": Theaterpolitik, Spielplanstruktur, NS-Dramatik. Th. Eicher u.a. (Hrsg.). Seelze, 2000.
31. Theater unter NS-Herrschaft: Theater under Pressure. Br. Darlinger, V. Zangl (Hrsg.). Göttingen, 2018.
32. Trümpi Fr. Politisierte Orchester: Wiener Philharmoniker und das Berliner Philharmonische Orchester im Nationalsozialismus. Wien, 2011.
33. Walter M. Hitler in der Oper: Deutsches Musikleben 1919–1945. Stuttgart, 2000.
34. 70 Jahre danach: Die Wiener Staatsoper und der "Anschluss" 1938: Opfer, Täter, Zuschauer. Ausstellung im Gustav Mahler-Saal der Wiener Staatsoper 10 März bis 30 Juni 2008. O. Rathkolb u.a. (Hrsg.). Wien, 2008.

Статья поступила в редакцию 12.11.2020, принята к публикации 04.03.2021
The article was received on 12.11.2020, accepted for publication 04.03.2021

Сведения об авторе / About the author

Головлев Александр Игоревич – PhD (история); ассоциированный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва; учитель истории, школа «Интеллектуал», г. Москва

Alexander I. Golovlev – PhD in History; Affiliated Researcher at the International Centre for the History and Sociology of World War II and Its Consequences, National Research University Higher School of Economics; Teacher of History, "Intellectual" State School, Moscow, Russian Federation

E-mail: agolovlev@hse.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-51-65

Т.Л. Лабутина

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
119334 г. Москва, Российская Федерация

Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г.

В статье речь идет о российско-британских переговорах по вопросу о подготовке к заключению союзного договора 1741 г. В преддверии войны с Испанией Великобритания нуждалась в помощи сухопутных войск, которые могла ей предоставить Россия. В свою очередь, российская сторона была заинтересована в оказании ей накануне войны со Швецией поддержки со стороны англичан на море. Взаимная заинтересованность в союзе двух стран наталкивалась на серьезные противоречия, которые возникали при обсуждении отдельных статей договора. Важную роль в разрешении дипломатических сложностей и подготовке проекта договора сыграл британский посол в России Клавдий Рондо. Его переписка с госсекретарем Великобритании, анализ которой положен в основу статьи, позволила оценить стратегию и тактику британской дипломатии в переговорном процессе с русскими министрами. Подобное исследование предпринимается в отечественной науке впервые.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, XVIII век, международные отношения, британский посол Клавдий Рондо, дипломатические переговоры, российско-британский союзный договор 1741 г.

© Лабутина Т.Л., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лабутина Т.Л. Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 51–65. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-51-65

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-51-65

T.L. Labutina

Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119334, Russian Federation

Strategy and tactics of British diplomacy in the negotiations on the treaty of alliance with Russia in 1741

The article deals with the negotiations between the British and the Russians on the preparation for the conclusion of the treaty of alliance of 1741. In the run-up to the war with Spain, Great Britain needed the help of the ground forces that Russia could provide. In turn, the Russian side was interested in providing it with support from the British at sea on the verge of the war with Sweden. The mutual interest in the union of the two countries ran into serious contradictions that arose when discussing individual articles of the treaty. The British Ambassador to Russia, Claud Rondeau, played an important role in resolving the diplomatic difficulties and preparing the treaty draft. His correspondence with the British Secretary of State, the analysis of which is the basis of the article, allowed us to assess the strategy and tactics of British diplomacy in the negotiation process with Russian ministers. This is the first such study in Russian history research.

Key words: Great Britain, Russia, XVIII century, international relations, British Ambassador Claudius Rondeau, diplomatic negotiations, Anglo-Russian treaty of alliance of 1741

FOR CITATION: Burlakov A.N. Constitutional and decentralization projects of the Vichy regime (1940–1944): The heritage of the past in contemporary France. *Locus*: *People*, *Society*, *Culture*, *Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 51–65. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-51-65

14 декабря 1720 г.[1] произошел официальный разрыв дипломатических отношений между Великобританией и Россией из-за ряда сложностей, возникших между государствами. Между тем, торговые отношения двух стран продолжали развиваться, хотя и не в прежнем объеме, что наносило весомый урон промышленности и торговле, прежде всего, Англии. Неудивительно, что британцы начали предпринимать определенные шаги для налаживания дипломатических контактов. Летом 1728 г. два английских дипломата Томас Уорд и его секретарь Клавдий Рондо[2] прибыли в Петербург с целью восстановления дипломатических отношений и торговли в прежнем объеме. Первая часть их миссии была успешно выполнена при Анне Иоанновне: дипломатические отношения удалось восстановить в 1731 г. Что касается торгового договора, то британцам за него пришлось серьезно побороться, впрочем, как и за союзный договор.

Следует отметить, что два трактата (торговый договор 1734 г. и оборонительный, или союзный договор 1741 г.)[3] занимали в истории российско-британских отношений первой трети XVIII в. важное место. Поскольку торговый договор 1734 г. в полной мере устраивал Великобританию, ее правительство поначалу не торопилось заключать союзный трактат с Россией, т.к. не желало брать на себя каких-либо обязательств в то время, когда шла Русско-турецкая война (1735–1739). Однако успешное завершение Россией войны с Портой при осложнившемся положении в Центральной Европе накануне борьбы за Австрийское наследство, а также назревавшая война с Испанией заставили британцев добиваться союза с Россией. Переговоры о заключении союзного, или оборонительного договоров [1] начались в 1739 г. и продлились более двух лет. О подготовке к переговорам и обсуждении первоначального проекта договора и пойдет речь в данной статье.

Большую роль в переговорном процесс сыграл британский посол при дворе Анны Иоанновны Клавдий Рондо. О том, как это происходило, он подробно информировал госсекретаря Великобритании У. Стэнхоупа, лорда Гаррингтона. Их дипломатическая переписка позволила ознакомиться, что называется, с закулисной «кухней» переговоров. Заметим, что все нюансы заключения торгового договора довольно подробно анализировались учеными, как зарубежными (Р. Лодж, Д.К. Ридинг и др. [10; 13], так и отечественными (П.А. Остроухов, В.В. Лебедев,

[1] Все даты в статье даются по новому стилю.

[2] После смерти Т. Уорда в феврале 1731 г. Рондо в течение 10 лет представлял интересы британской миссии в Петербурге, получив возможность узнать жизнь русского двора и аристократии изнутри.

[3] Наряду с терминами «союзный» и «оборонительный договор» в литературе реже используется термин «Петербургский союзный договор» [2].

А.В. Демкин и др. [1; 6; 7]. История с переговорным процессом по союзному договору освещена значительно слабее. Как правило, данный сюжет затрагивается в трудах британских [9–13] и российских историков [11; 12] поверхностно.

Несколько слов о главном «переговорщике» с британской стороны. К сожалению, известно о нем немного. Клавдий Рондо (1695–1739) родился в семье французского протестанта, который поселился в Англии и вскоре сделался английским баронетом. Сложно сказать, что предшествовало назначению Рондо на должность секретаря посла Т. Уорда, но, как бы то ни было, после кончины патрона в феврале 1731 г. он занял должность главного консула, а с 1731 по 1739 гг. стал министром-резидентом при дворе императрицы Анны Иоанновны. Определенную известность Рондо приобрел благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, у себя на родине он издал «Записки», в которых представил подробные характеристики русских вельмож, с которыми ему довелось близко общаться (Г.И. Головкин, М.М. и Д.М. Голицыны, А.И. Остерман, П.И. Ягужинский, И.Ю. Трубецкой и др.) [3]. А, во-вторых, он женился на вдове Т. Уорда – Джейн Гудвин, известной своими письмами о России.

Впервые о необходимости заключения союзного договора британцы заговорили в конце 1738 г. 15 декабря Рондо получил от лорда Гаррингтона послание, в котором тот объяснял необходимость заключения союзного договора, подчеркивая, что эта инициатива исходила от русского двора. Поначалу Англия не торопилась соглашаться на сделанное предложение, т.к. была удовлетворена заключением торгового договора. Теперь же дела приняли иной оборот, и потому король Георг II «не прочь… войти с царицей (Анной Иоанновной. – *Т.Л.*) в соглашение такого рода»[4]. Если русское правительство намерено сделать какие-либо предложения о начале соответствующих переговоров, продолжал Гаррингтон, то Рондо должен подтвердить, что они будут приняты «с удовольствием»[5]. Госсекретарь также предлагал послу привлечь к переговорам герцога курляндского Э.И. Бирона и вице-канцлера графа А.И. Остермана.

В последующем письме от 19 декабря 1738 г. лорд Гаррингтон подробно разъяснял, почему Великобритания проявила интерес к заключению договора. Он напоминал об усилении в Европе позиций Франции, вступившей в союз со Швецией и собиравшейся заключить такой же союз с Данией. В этой связи, «принимая в соображение настоящее опасное

[4] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 402.

[5] Там же.

положение дел и поведение Франции… все державы, которые дорожат свободой Европы, не могут не ощущать крайнего смущения»[6], – писал он. Беспокойство госсекретаря вызывало также недоброжелательное отношение к Англии и России лиц, находившихся у власти в Швеции. Учитывая вышесказанное, король поручил послу заверить русских министров в том, что он «готов и желает немедленно вступить с Ее Величеством в оборонительный союз к общей выгоде России и Англии»[7].

В ответном послании Рондо заверял руководство внешнеполитического ведомства Великобритании, что герцог и вице-канцлер «с удовольствием примут всякое разумное предложение Его Величества»[8], направленное к союзу Великобритании с Россией. В беседе с послом герцог курляндский заявил, что убежден в пользе для обеих сторон тесного сближения. Эти слова вселили надежду в посла на поддержку при заключении оборонительного союза. Что касается графа Остермана, то, на взгляд дипломата, он также «очень расположен исполнить желание короля»[9], хотя и уверял, что России в этом направлении неудобно делать первые шаги. Если же Его Величеству будет угодно изложить предполагаемые условия союза, то государыня, которая относится к королю с уважением, «несомненно с готовностью примет все его разумные предложения»[10], – заключал Остерман.

Подобная информация воодушевила Гаррингтона. 9 февраля 1739 г. он направил послу шифрованное послание, в котором сообщал, что проект договора подготовлен и в ближайшее время будет ему переправлен для ознакомления. И вскоре проект договора был доставлен Рондо курьером. В сопроводительном письме лорд Гаррингтон обратил внимание на ряд положений документа, которые нуждались в разъяснении. Прежде всего, у госсекретаря вызывала сомнения разница в оказываемой сторонами друг другу помощи. «У нас сухопутного войска мало, едва достаточно для защиты королевства; нам всегда легче и удобнее оказать помощь военными судами, – писал Гаррингтон, – в свою очередь, суда полезнее царице, всегда располагающей могучей сухопутной армией. Эскадра явится из Англии на защиту царских владений очевидно скорее, чем корпус войск, который еще приходилось бы собирать

[6] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 405.

[7] Там же. С. 406.

[8] Там же. С. 413.

[9] Там же. С. 417.

[10] Там же.

для отправки»[11]. С другой стороны, продолжал госсекретарь, король, не нуждаясь в усилении морских сил, предпочел бы получить от России помощь скорее людьми, чем кораблями. Гаррингтон подчеркивал: царица располагает достаточным количеством сухопутных войск, что позволит ей выслать корпус на помощь союзнику.

Затем Гаррингтон завел разговор о размере помощи. Как он писал, король ожидал получить от царицы 15 тыс. пехоты, которую удобнее было бы переправить в любое место королевских владений. Взамен король предлагал России поставить эскадру, вооруженную 800 пушками.

Гаррингтон обращал также внимание на обязательное исключение из договора пункта об оказании помощи России в случае ее военных действий против поляков, турок, персов, татар или других восточных народов. Король надеется, продолжал Гаррингтон, что помощь морских сил вряд ли может понадобиться против этих наций. Того же «требует и равномерность взаимных услуг: Его Величество не может подвергнуться нападению со стороны восточных народов; между тем владения царицы открыты нападению всех держав, против которых ей в силу договора придется защищать Англию»[12]. Впрочем, госсекретарь допускал, что русская сторона потребует какого-либо вознаграждения за исключение из договора стран Востока. В таком случае, утверждал он, Россия может быть освобождена от обязанности помогать англичанам, если случится нападение на владения Его Величества в Америке.

Примечательно, что лорд Гаррингтон, передавая пожелания короля, советовал послу включить в первую статью проекта договора пункт о его бессрочном характере. Аналогичное условие предполагалось добавить и в уже заключенный торговый договор. Завершая свое послание, лорд Гаррингтон просил посла регулярно сообщать ему о ходе переговоров, непременно используя шифр, по-видимому, опасаясь, что о них узнает противник – Франция.

В депеше от 17 марта 1739 г. Рондо извещал лорда Гаррингтона о беседе с Остерманом, который «в самых решительных выражениях» уверял посла в готовности царицы «войти в ближайшие и прочные обязательства с королем»[13]. То же самое повторил и герцог курляндский, прибавив, что «пока он сохранит здесь какое-либо значение, он всегда будет склонять русский двор к дружбе с Великобританией и отстранять его от всяких соглашений с Францией»[14]. Из беседы с вице-канцлером

[11] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 433.

[12] Там же. С. 414.

[13] Там же. С. 443.

[14] Там же.

Рондо выяснил, что проект договора подвергся корректировке с русской стороны. Во-первых, заметил граф Остерман, в нем не сказано, предполагается ли распространить действие трактата на германские владения короля (курфюршество Ганновер), или он должен касаться только земель британской короны. Посол отвечал, что речь идет обо всех королевских владениях, включая Ганновер, курфюрстом которого являлся Георг II. Затем граф, согласившись с пунктом об исключении восточных государств из действия договора, счел необходимым дополнить оказание помощи Англией в случае войны России с Польшей. Будучи убежденным в том, что исключение Польши в договоре между Великобританией и Россией вряд ли удовлетворит русский двор, Рондо просил госсекретаря изыскать средства, чтобы «обойти это затруднение»[15].

Посол также интересовался у Гаррингтона, что отвечать российским министрам на вопрос, куда и как придется доставлять вспомогательные войска по требованию короля. «Если войска придется отправлять морем, не могу представить себе, как русский двор возьмется за это дело без помощи короля, без того, чтобы Англия не доставила нескольких судов для перевозки, – писал Рондо госсекретарю. – Если же вспомогательному корпусу придется идти сухим путем… в состав его в помощь пехоте необходимо придать несколько полков драгун»[16].

Наконец, русских министров интересовало, какое количество судов король признает соответствующим условленным 800 орудиям. Завершая свое послание, Рондо заключал, что эти пункты, на его взгляд, грозят встретить наибольшие затруднения при переговорах. Потому он желал получить соответствующие инструкции, которые помогли бы ему заключить желаемый договор в возможно непродолжительное время.

24 марта 1739 г. Рондо извещал лорда Гаррингтона о состоявшейся беседе с герцогом курляндским. Бирон утверждал, что, прочитав присланный проект договора, он обратил внимание на отказ англичан оказать помощь России в случае нападения на нее со стороны Польши. На его взгляд, такая помощь для России является обязательной. Рондо всячески старался убедить герцога в том, что России опасаться нечего, зато короля можно будет склонить на оказание помощи царице в море, при транспортировке войск и амуниции. На это герцог отвечал, что для перевозки войск России достаточно и своих судов.

Спустя две недели граф Остерман сообщил послу, что проект оборонительного союза рассматривался в Тайном совете Ее Величества,

[15] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 444.

[16] Там же. С. 445.

который высказал отдельные замечания. Существенные затруднения к заключению трактата, на взгляд Рондо, сводились к следующему. Во-первых, русский двор желал, чтобы король обязался помогать России против поляков, если они нападут на русские владения, а поскольку эскадра военных кораблей такой помощи оказать не может, посол полагал, что потребуется помощь сухопутных войск либо их замена деньгами. Во-вторых, продолжал Рондо, русские желают знать, куда могут быть употреблены их войска, кроме Англии, Фландрии или Германии. Кроме того, российская сторона считает нужным выяснить, каким путем эти войска должны быть отправлены: если сухим путем, то необходимо загодя получить согласие монархов, через владения которых предстоит следовать. Если войска должны переправляться по морю, то кто возьмет на себя расходы по обратной отправке, «когда в них минует надобность, или когда в них окажется нужда на родине для защиты собственной территории их государя»[17]. Русский двор, полагал Рондо, по-видимому, признает себя не в силах перевезти морем 15 тыс. чел. без помощи англичан и, сверх того, желал бы возложить на Великобританию заботы о продовольствии этих войск.

Третье, на чем настаивал граф Остерман, заключалось в том, что Россия не считает разумным возлагать на себя обязательства помогать Англии в случае ее «распри с Испанией, Португалией или в индейских колониях» точно так же, как англичане не желают помогать русским против татар, турок и персов[18]. Учитывая вышесказанное, посол приходит к выводу, что оказание помощи Россией в случае, если война с Испанией вызовет нападение на британцев со стороны Франции, должно быть ясно оговорено во избежание возможных недоразумений.

Ознакомив короля с посланием Рондо, Гаррингтон поручил послу довести до российских министров следующее. Во-первых, сфера действия договора должна распространяться на все владения Его Величества, включая Ганновер. Во-вторых, исключение Польши представляется королю вполне разумным, поскольку Россия не может подвергнуться нападению со стороны поляков. Даже в случае такого нападения обращение к помощи короля потребует от него только расходов без существенной пользы для России; «потому король не может и представить себе, чтобы русские министры стали настаивать на вопросе о Польше, особенно ввиду данного… разрешения в случае нужды взамен исключить [как район военных действий] Вест-Индию»[19].

[17] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 453.

[18] Там же. С. 454.

[19] Там же. С. 456.

В-третьих, продолжал Гаррингтон, место, куда союзные войска должны быть направлены, вряд ли возможно оговорить заранее. Защита королевских владений не может быть ограничена определенной территорией, поэтому помощь должна быть направлена к месту, представляющему опасность для англичан. В-четвертых, если потребуется отправление русских вспомогательных войск морем, а царица затрудняется доставить необходимые для перевозки суда, то король готов оказать ей в этом помощь в известной мере.

В-пятых, Гаррингтон обращал внимание на то, что вспомогательные войска потребуются королю сухим путем для замещения других, призванных к защите его владений. В таком случае желательно в договоре оговорить включение в состав российского войска определенного количества драгун, сократив число пехоты, приравнивая треть пехотных солдат к одному кавалеристу или драгуну.

В-шестых, в проекте договора речь шла о 800 орудиях, но не упоминалось о количестве судов, которыми они будут вооружены. Однако, как утверждал госсекретарь, король готов «дать этому вопросу бóльшую определенность» в договоре, распорядившись пояснить, какое число судов и какого типа российская сторона желала бы видеть в эскадре, вооруженной 800 орудиями[20].

Спустя несколько дней лорд Гаррингтон направил Рондо шифрованную депешу. В ней он сетовал на затруднения, возникшие при русском дворе после всех уверений относительно договора; на медлительность, которую русские министры, ссылаясь на более важные дела, проявляют в рассмотрении проекта. «Если бы, однако, они действительно серьезно помышляли о трактате, ничто не могло бы казаться им более важным, чем предложенный союз»[21], – утверждал госсекретарь.

Через месяц лорд Гаррингтон прислал послу новую депешу, в которой сообщал о подготовленном новом проекте оборонительного союза, составленном по приказанию короля после получения замечаний и пожеланий, высказанных русским двором. 25 мая 1739 г. госсекретарь переслал в Петербург документ, в котором подробно (постатейно) излагалась позиция Великобритании по замечаниям к договору.

Прежде всего, Гаррингтон обращал внимание на вводную статью к договору, в которой упоминалось о торговом трактате и статье о его возобновлении, входившей в первоначальный проект. В новой редакции подобное упоминание отсутствовало. Сделано это было для того, чтобы другие государства, желающие присоединиться к договору, не могли рассчитывать на преференции, получаемые англичанами от торгового

[20] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 458.

[21] Там же. С. 463.

трактата, и «не вызвали конкуренции, которую желательно было бы устранить на возможно долгое время»[22]. Кроме того, британскую сторону удивило, что Тайный совет императрицы «горячо восстает против бессрочности трактата»[23]. В свою очередь, король настаивал на пролонгации его действия «на возможно долгое число лет»[24].

В первой статье проекта договора существенных изменений не было обнаружено, за исключением необходимого дополнения о том, что оказание помощи со стороны России распространяется на все владения Его Величества как короля и курфюрста Ганновера.

Статьи 2-я и 3-я были заимствованы из прежнего проекта без каких-либо изменений. В 4-й статье отмечалось, что вместо 15 тыс. чел. пехоты Россия в помощь королю должна будет выделить 10 тыс. пехоты и 2 тыс. кавалеристов или драгун. Со стороны Его Величества в помощь, предусмотренной первоначальным проектом, вместо эскадры с 800 пушками царице будет предоставлена эскадра с 640 пушками. Гаррингтон подчеркивал, что изменение в численности и составе русских войск сделано будто бы по желанию петербургского двора, считавшего, что в походе отряд кавалерии непременно должен сопровождать пехоту. «Хотя Его Величеству приятнее была бы помощь, состоящая исключительно из пехоты… он, тем не менее… соглашается допустить двухтысячный кавалерийский отряд и уменьшить численность пехотного корпуса с 15.000 до 10.000»[25]. Как явствует из данного высказывания Гаррингтона, инициатива включения отряда драгун в состав войск будто бы исходила от российской стороны, между тем, именно англичане предлагали внести данные изменения, о чем Гаррингтон писал в депеше от 13 апреля 1739 г.[26]

Большое внимание в проекте договора британская сторона уделила обоснованию уменьшения вооружения эскадры с 800 до 640 орудий. Предлагаемая взаимная помощь, писал лорд Гаррингтон, «вопреки кажущейся несоразмерности, установлена на началах полнейшего равенства»[27]. Прежний проект предлагал и устанавливал соответствующими статьями, что как русские войска, так и королевская эскадра отправляются и снабжаются всем, что им необходимо, за счет отправителя. Теперь же Его Величество берет на себя снабжение русского

[22] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 478.

[23] Там же.

[24] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 479.

[25] Там же. С. 480.

[26] Там же. С. 457.

[27] Там же. С. 480.

вспомогательного корпуса хлебом, фуражом, квартирами при сухопутном походе и перевозку его за собственный счет в случае отправки морем. Кроме того, король возлагает на себя те же заботы и тогда, когда вспомогательные войска будут возвращены или отозваны обратно. В то же время, сетовал госсекретарь, царица никаких подобных забот по отношению к вспомогательной эскадре на себя не берет. «Такая разница в расходах, при которой король принимает на себя траты, соответствующие по крайней мере четвертой части помощи, оказываемой Россией, должна быть уравновешена… для соблюдения надлежащей взаимности»[28], – подчеркивал Гаррингтон. На его взгляд, «самым подходящим способом уравнения»[29] представляется уменьшение помощи, требуемой от короля; поэтому эскадра Его Величества по числу орудий приравнивается к 12 тыс. пехоты, т.е. к трем четвертям помощи, требуемой от России. Остальная четверть «с лихвой оплачивается вышеозначенными чрезвычайными расходами», возложенными на Его Величество[30].

Далее лорд Гаррингтон остановился на разъяснении «совершенно новой статьи» договора. Речь шла о замене помощи каждой из сторон в денежном эквиваленте. Сообразно с естественными силами союзников, продолжал госсекретарь, сухопутная помощь невозможна для Англии, морская – немыслима для России, потому и решено, что помощь Его Величества должна состоять из военных кораблей, помощь царицы – из войск сухопутных. Однако русские министры утверждают, будто возможны случаи, при которых вспомогательная эскадра бесполезна, и спрашивают, какого рода помощью она может быть заменена в таком случае? С другой стороны, и англичане могут оказаться участниками войны, при которой сухопутный отряд для них окажется бесполезен. «С целью устранить затруднения, – пояснял госсекретарь, – король приказал внести в новый проект пятую статью, которая постановляет, что в обозначенном случае стороны заменят вспомогательные силы ежегодной суммой денег на покрытие военных расходов»[31]. Примечательно, что Гаррингтон не называл точные размеры финансовой помощи, предлагая послу «проставить возможно низкую цифру»[32]. Король желал, чтобы Рондо сначала попытался предложить 60 тыс. фунтов стерлингов, но не соглашался на сумму, превышающую 100 тыс. фунтов стерлингов.

[28] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 480–481.

[29] Там же. С. 481.

[30] Там же.

[31] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 482.

[32] Там же.

Наиболее серьезные возражения британской стороны вызвали 15-я и 16-я статьи, которые Гаррингтон не мог признать справедливыми. Речь шла об отказе русского правительства оказывать помощь британцам в случае нападения на них со стороны Испании или Португалии, а также решительное требование помощи от Англии, если против России выступит Польша. «Его Величество не может согласиться на такие условия, особенно в настоящее время, когда здесь среди народа господствует опасение войны с Испанией, – продолжал госсекретарь, – и исключение ее из casus foederis (момент вступления договора в силу. – *Т.Л.*) может повлечь за собой странные разъяснения, хотя в действительности очень сомнительно, чтобы нам когда-либо пришлось прибегать к помощи России против Испании»[33]. Тем не менее, Его Величество, чтобы «всеми возможными мерами облегчить заключение союза»[34], 16-й статьей освобождает русские войска от службы в Испании, Португалии, Италии. Что же касается первоначального предложения англичан об исключении Польши из числа государств, против которых они обязуются помогать России, то оно должно остаться в силе. Но, чтобы «уравновесить наш отказ от помощи против турок, татар, персов и прочит восточных народов, Россия освобождается от обязательства помогать нам при вторжении в американские или вообще внеевропейские владения Его Величества»[35], – заключал Гаррингтон.

Госсекретарь упомянул также о 17-й, 18-й и 19-й статьях, в которых речь шла «об условиях бóльшей помощи, если бы таковая понадобилась»[36], о недопущении сепаратного мира, неприкосновенности прежних обязательств договаривающихся сторон относительно других держав, поскольку все это было заимствовано из проекта трактата, о котором Великобритания вела переговоры с царем Петром I, и потому эти статьи не представляют каких-либо затруднений.

Что касается 20-й статьи, касающейся привлечения к договору других государств, то она была составлена в общих выражениях, как и в первоначальном проекте. Его Величество, писал Гаррингтон, намерен добиться присоединения к союзу голландских Генеральных штатов, но в настоящее время не считает удобным упоминать о них в трактате особо. Король предполагал вначале ознакомиться с настроением правителей Голландии, увериться в благоприятном исходе дела, и только

[33] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 484.

[34] Там же.

[35] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 485.

[36] Там же.

затем сообщить о договоре. «Таким образом, мы избежим опасности получить открытый отказ и обнародовать вновь установившиеся отношения наши без уверенности в содействии Штатов»[37], – заключал госсекретарь.

Подводя итог сказанного, лорд Гаррингтон советовал послу, как того требовал король, не связывать себя точным повторением присланных возражений, разрешая уступать русским министрам «в изменении выражений, без искажения сущности дела»[38].

21 июня 1739 г. в депеше лорду Гаррингтону Рондо сообщал, что все еще не может сказать «ничего положительного» об успехе проекта союзного договора, который переводится на русский язык для представления Ее Величеству. Из разговора, который он имел с герцогом курляндским и графом Остерманом, посол заключал, что оба они благоприятно настроены и пока никаких возражений на проект не делают. Все это вселяло надежду в Рондо, что он сможет заключить трактат согласно желаниям короля.

Спустя месяц Гаррингтон пришел к заключению, что русский двор откладывает свой ответ на проект оборонительного союза и потому советовал послу не подписывать вообще никакого договора, не получив предварительно дальнейших указаний от Его Величества. Это были последние инструкции по поводу союзного договора, полученные Рондо от госсекретаря. 5 октября 1739 г. Рондо скончался. Продолжить переговоры о заключении оборонительного договора выпало на долю уже другого посла Великобритании – Эдварда Финча.

Длительная эпопея с подготовкой и подписанием российско-британского оборонительного договора завершилась в 1741 г., однако его претворение в жизнь замедлилось из-за дворцового переворота, в результате которого к власти пришла дочь Петра I – Елизавета Петровна. Хотя английский король ратифицировал союзный договор, Россия сделать это отказалась из-за нежелания Англии оказать ей помощь в начавшейся в августе 1742 г. войны со Швецией. По условиям договора, стороны обязались в случае нападения на одну из них оказать военную помощь друг другу. Англия должна была выставить 12 кораблей, вооруженных 700 пушками, Россия – 10 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы. Союзный договор исключал оказание помощи России в случае ее войны с Турцией, Ираном или крымскими татарами. Россия, в свою очередь, отказывала Великобритании в помощи в случае ее войны с Испанией, Португалией

[37] Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 485.

[38] Там же. С. 486.

и на территории Италии. Отдельной статьей был продлен на 20 лет торговый договор 1734 г. Действие союзного договора распространялось первоначально также на 20 лет [8, с. 229]. Между тем, в 1742 г. российско-британские переговоры возобновились и завершились подписанием в Москве договора, воспроизводившего условия предыдущего трактата, и его ратификацией российской стороной. Новый договор был заключен на 15 лет. Его продлением британской дипломатии пришлось заняться уже в правление Екатерины II [5, с. 73–139].

Как мы могли убедиться, подготовка союзного договора Великобритании и России велась в условиях продолжительных и ожесточенных споров сторон. Британская дипломатия, прежде всего, в лице Рондо и лорда Гаррингтона, приложила немало усилий, чтобы добиться максимальной выгоды при его заключении. Выдержку, хладнокровие и умение лавировать в сложных ситуациях проявила и российская сторона. Между тем, британское правительство так и не выполнило одно из главных условий союзного договора, отказав выслать эскадру кораблей в Балтийское море, когда Россия в 1742 г. вступила в войну со Швецией. Таким образом, договор, являвшийся камнем преткновения в дипломатической дуэли сторон, не был реализован на практике, оставшись, по сути дела, лишь на бумаге.

Библиографический список / References

1. Демкин А.В. Русско-британские торговые отношения в XVIII веке. Сб. документов. М., 1994. [Demkin A.V. Russko-britanskiye torgovyye otnosheniya v XVIII veke [Russian-British trade relations in the 18th century]. Collection of documents. Moscow, 1994.]
2. Петербургские союзные договоры Петербургские союзные договоры / Дипломатический словарь / Сост. А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский. М., 1948. URL: http://niv.ru/doc/dictionary/diplomatic/articles/53/peterburgskie-soyuznye-dogovory.htm (дата обращения: 22.03.2021) [Petersburg treaties of allies. *Diplomaticheskiy slovar*. A.I. Vyshinsky, S.A. Lozovsky (comp.). Moscow, 1948. (In Rus.)]
3. Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 году // Чтения Московского общества истории и древностей. СПб., 1861. Кн. II. С. 1–9. [A note about some noblemen of the Russian court in 1730. *Chteniya moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey*. St. Petersburg, 1861. Book II. Pp. 1–19. (In Rus.)]
4. Киселев А.А. Великобритания в системе международных отношений конца XVI – первой половины XVIII века // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2007. № 6. С. 8–15. [Kiselev A.A. Great Britain in the system of international relations at the end of the 16th – first half of the 18th century. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations.* 2007. No. 6. Pp. 8–15. (In Rus.)]

5. Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. [Labutina T.L. Britanskiye diplomaty i Yekaterina II. Dialog i protivostoyaniye [British diplomats and Catherine II. Dialogue and confrontation]. St. Petersburg, 2019.]
6. Лебедев В.В. Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // Ученые записки МГУ. Вып. 167. М., 1954. С. 121–131. [Lebedev V.V. Russian-English trade relations and the treaty of 1734. *Uchenyye zapiski MGU*. Issue 167. Moscow, 1954. Pp. 121–131. (In Rus.)]
7. Остроухов П.А. Англо-русский торговый договор 1734 г. СПб., 1914. [Ostroukhov P.A. Anglo-russkiy torgovyy dogovor 1734 g. [Anglo-Russian trade agreement 1734]. St. Petersburg, 1914.]
8. Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992. [Sokolov A.B. Navstrechu drug drugu. Rossiya i Angliya v XVI–XVIII vv. [Towards each other. Russia and England in the XVI–XVIII centuries]. Yaroslavl, 1992.]
9. Anderson M.S. Discovery of Russia. 1553–1815. L.; N.-Y., 1958.
10. Lodge R.N. The First Anglo-Russian treaty 1739–1742. *English Historical Review*. 1928. Vol. XLIII. Pp. 354–375.
11. Malcolm-Smith E.T. British diplomacy in the 18-th century. 1700–1737. L., 1937.
12. Marriott J.A.R. Anglo-Russian relations 1689–1943. L., 1944.
13. Reading D.K. The Anglo-Russian commercial treaty of 1734. New Haven, 1938.

Статья поступила в редакцию 20.04.2021, принята к публикации 27.05.2021
The article was received on 20.04.2021, accepted for publication 27.05.2021

Сведения об авторе/ About the author

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока, Институт всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва

Tatyana L. Labutina – Dr. Hab. in History; chief researcher at the Center "History of cross-culture communications of the West and East", Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

ISSN 2500-2988 LOCUS: People, Society, Culture, Meanings. 2021. Vol. 12. No. 2

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-66-82

С.А. Агуреев[1], А.А. Болтаевский[2]

[1] Дипломатическая академия МИД России,
119021 г. Москва, Российская Федерация

[2] Российский университет кооперации,
141014 г. Мытищи, Московская обл., Российская Федерация

«Болгарское русофобство» по свидетельствам русских наблюдателей в 1912–1915 гг.

Статья посвящена проблеме восприятия «болгарской русофобии» по наблюдениям русских дипломатов и военных агентов и отдельных политиков в 1912–1915 гг. Авторы ставят перед собой задачу проследить, как складывались оценки данного феномена в донесениях российских официальных лиц, политиков и публицистов. При этом не следует забывать, что сами эти оценки не всегда соответствовали реальному положению дел в Болгарии, а некоторые являлись политически ангажированными. В процессе исследования авторы приходят к выводу о том, что развитие «русофобии» в Болгарии определялось изменением политической ситуации на Балканах и наличием в стране как внутренней, настроенной антироссийски, так и внешней пропаганды со стороны Германии и Австро-Венгрии. Антироссийский курс Болгарии отвечал и политическим интересам правительства В. Радославова, стремившегося к тесному политическому союзу с Центральными державами, ввиду важности разрешения Македонского вопроса и просербской позиции российской правящей элиты.

Ключевые слова: общественное сознание, «русофобия», Болгария, Россия, Первая мировая война

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Агуреев С.А., Болтаевский А.А. «Болгарское русофобство» по свидетельствам русских наблюдателей в 1912–1915 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 66–82. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-66-82

© Агуреев С.А., Болтаевский А.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-66-82

S.A. Agureev[1], A.A. Boltaevskiy[2]

[1] Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
Moscow, 119021, Russian Federation

[2] Russian University of Cooperation,
Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation

"Bulgarian Russophobia" according to the testimony of Russian observers in the years 1912–1915

The article is devoted to the problem of perception of "Bulgarian Russophobia" according to the observations of Russian diplomats and military agents and individual politicians in 1912–1915. The authors set a task of tracing how the assessments of this phenomenon were formed in the reports of Russian officials, politicians, and publicists. At the same time, one should not forget that these assessments of the situation in Bulgaria did not always correspond to the real state of affairs in the country, and some were politically biased. In the course of the study, the authors come to the conclusion that the development of "Russophobia" in Bulgaria was determined both by the change in the political situation in the Balkans and by the presence in the country of both internal, anti-Russian and external propaganda from Germany and Austria-Hungary. Bulgaria's anti-Russian course also met the political interests of V. Radoslavov's government, which was striving for a close political alliance with the Central Powers, in view of the importance of resolving the Macedonian issue and the pro-Serb position of the Russian ruling elite.

Key words: public consciousness, «Russophobia», Bulgaria, Russia, First World War

FOR CITATION: Agureev S.A., Boltaevskiy A.A. "Bulgarian Russophobia" according to the testimony of Russian observers in the years 1912–1915. *Locus*: *People*, *Society*, *Culture*, *Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 66–82. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-66-82

Проблема развития образных представлений одного народа о другом находится в тесной связи с политическими процессами и механизмами восприятия «другого» в контексте собственных представлений и культурных кодов, особенностей национального сознания, степени близости языка и культурных установок, религиозной идентичности. В этом смысле формирование устойчивого образа России в сознании болгарского народа происходило на протяжении долгого времени и только за период конца XIX – начала XX вв. прошло несколько этапов.

Всего за несколько десятилетий претерпев известную эволюцию от восторженного восприятия роли России в Освобождении 1878 г. и последующего становления болгарской государственности до негативных оценок российской внешней политики в период политических кризисов 1885–1886 гг., трагедии Второй Балканской войны и вступления Болгарии в Первую мировую войну, образ России в братской славянской стране оказался подвержен сильным искажениям в зависимости от политической конъюнктуры.

Необходимо отметить, что феномен «политической русофобии» в Болгарии получил научное освещение в отечественной исторической науке только с конца 1990 гг. Российский историк Н.С. Киняпина определила период 1880–1890 гг. в отношениях Российской империи и Болгарии в качестве «переломного», т.к. именно в это время стало очевидно, что российская политика во многом «преследовала здесь собственные цели, которые не отличались гуманностью» [8, с. 53]. В то же время она указывает, что правительство Александра III не стремилось к прямому захвату балканских земель, а лишь к контролю правительств. Такая политика в силу «обострения противоречий между Россией и балканскими правительствами …сказывалась на политике кабинетов. Оно в меньшей степени затрагивало балканские и российские народы» [Там же]. По мнению Н.С. Киняпиной, языковое и культурное родство помогало двум народам даже в наиболее сложные исторические периоды сохранить положительные образы друг друга.

Также следует отметить работы В.И. Косик [9], О.В. Айрапетова [1], Г.Д. Шкундина [16], посвященные проблемам взаимовосприятия России и Болгарии. Многое для понимания политической ситуации в Болгарии в этот период и развития русско-болгарских отношений дают работы Н.С. Гусева [5] и Б.С. Котова [10]. Следует согласиться с оценкой Н.С. Гусевым итогов Балканских войн, когда в разгромленной Болгарии появилось «негативное восприятие российской балканской политики» [5]. Донесениям российских военных агентов на Балканах и политической обстановке в регионе посвящены фундаментальные работы В.Б. Каширина [7].

Феномен развития «политической русофобии» получил отражение и в работах болгарских историков – В. Хаджиниколова [15], Б. Георгиева [3], И. Илчева [6]. И. Илчев указал, что Бухарестский мир был несправедлив и являлся «прелюдией к новой войне» [Там же, с. 20]. В качестве главных условий развития феномена «политической русофобии» болгарские историки называют именно политические противоречия, возникшие между российской политической элитой и болгарскими правящими кругами ввиду разности подходов к политическому видению развития страны.

Авторы данной статьи рассматривают проявления «русофобии», вызванной в болгарском обществе целым комплексом политических причин – от неприятия вмешательства Российской империи в дела страны до тесного русско-сербского союза, являвшегося серьезным препятствием к осуществлению идеала «Сан-Стефанской» Болгарии, подразумевавшего историческое «воссоединение» с Македонией. Учитывая сложность данного феномена, авторы ограничивают себя задачей рассмотреть проявления «политической русофобии» в отражении русских наблюдателей в период 1912–1915 гг., отдавая себе отчет в том, что даваемые ими оценки не всегда отражали реальное положение дел в стране. Решение этой задачи позволит лучше понять, как формировались оценки российских наблюдателей в отношении политики и общественного мнения Болгарии.

Болгарская исследовательница М. Славова указывает «на положительное влияние Временного русского управления (имеется в виду период после Берлинского конгресса. – *С.А.*, *А.Б.*) при формировании концепции местной власти и ее реализации» [13, с. 141]. Русская администрация способствовала разработке Тырновской конституции, формированию основ судебной системы, Народного Собрания и правительства, Болгарского народного банка и т.д. В апреле 1896 г. князь Фердинанд с торжественным визитом прибыл в Санкт-Петербург и обратился к встречавшей его депутации: «Славянская идея, развившись, окрепнув и получив выражение в недрах могущественной России, особенно воздействовала на югославянские народы. Болгария всецело обязана развитию этой идеи своим возрождением и на веки сохранит признательность к вашей державе-освободительнице»[1]. Слова Фердинанда о вере в «славянскую идею» разошлись с делом.

Развитие «русофильства» получило широкое распространение в период освобождения Болгарии от турецкого владычества, когда именно

[1] Цит. по: Васильев Н.В. Пребывание князя Болгарии Фердинанда в России. СПб., 1896. С. 13.

вокруг России и Царя-Освободителя сосредоточивались надежды значительной части общества и представителей болгарской элиты на создание Сан-Стефанской Болгарии. Возникновение же «русофобства», как показывает российский историк В.И. Косик, «было связано с процессом становления болгарской государственности, когда русские… “мешали” этому процессу» [9, с. 83]. В этом смысле «русофобство» и «русофильство» связаны, по мнению В.И. Косика, не с нелюбовью к России, а с политическим курсом империи на Балканах. Верным является и отождествление данным автором «русофильства» с культурой, а «русофобства» – с политикой.

В немалой степени «русофобство» подпитывалось непоследовательностью и ошибками российской дипломатии, сменой политического курса в отношении Болгарии в период правления российского императора Александра III и его сына Николая II, которые открыто противопоставлялись Царю-Освободителю Александру II. Не случайно расцвет «русофобии» пришелся именно на период политического кризиса и разрыва дипломатических отношений между странами. Последовавший период восстановления дипломатических связей вновь сменился ростом «политической русофобии» в 1913–1915 гг. и вплоть до выхода страны из Первой мировой войны.

Возникновение «политической русофобии» в 1880-е гг. было вызвано изменением линии российского правительства, всерьез опасавшегося любых попыток самостоятельного роста болгарской государственности в ущерб российским интересам, а также завышенными ожиданиями со стороны определенной части болгарской общественности. Огромный урон восприятию России нанесли попытки вмешательства во внутренние дела страны в середине 1880-х гг., когда, опираясь на русофильски настроенную часть общества, в стране был совершен государственный переворот, приведший к отречению болгарского князя Александра Баттенберга, что совпало с первым всплеском «политической русофобии» в стране. Отмечая эти негативные изменения, незадолго до того вернувшийся из Болгарии Чрезвычайный представитель России в стране генерал-майор Н.В. Каульбарс доносил военному министру П.С. Ванновскому 27 февраля 1887 г., что влияние России «обращается нам же во вред»[2]. Для изменения такового положения он рекомендовал негласно организовать в Болгарии революцию, итогом которой стало бы восстановление российского влияния. Однако российские политически круги оставили это предложение без внимания, а впоследствии

[2] Донесение Чрезвычайного представителя России Н.В. Каульбарса военному министру П.С. Ванновскому // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 430 (Болгария). Оп. 1. Д. 179. Л. 2.

политические связи двух стран были восстановлены и долгое время балансировали между ориентацией политической элиты страны то на Россию, то на Австро-Венгрию. Следует отметить, что подход отдельных представителей российской элиты в отношении Болгарии с позиции силы во многом приводил к расцвету «русофобства» в стране и неприятию покровительственной позиции российских властей в отношении данного балканского государства.

Оформление двух противоборствующих лагерей – «черных душ» (русофилов) и «патриотов» (русофобов) – состоялось меньше чем через 10 лет после Освобождения. К числу последних, упрекавших русофилов в стремлении превратить Болгарию в «Задунайскую губернию» России, относилось большинство офицерства и интеллигенции. Как отмечает С. Грынчаров, в 1886–1887 гг. «отсутствие единства между политическими силами русофилов и их неумение завоевать поддержку народа способствовало консолидации группировки русофобов, захватившей власть в стране» [4, с. 149]. Первоначально фанатичное «русофильство» и «русофобство» в дальнейшем проявлялось у различных течений в зависимости от политической конъюнктуры [12, с. 30].

Об изменении внешнеполитического курса болгарского правительства свидетельствуют и донесения российского военного агента Г.Д. Романовского, отмечавшего в своем рапорте в Санкт-Петербург 20 сентября 1913 г.: «Как я уже доносил неоднократно, все усилия настоящего правительства направлены к возбуждению народных масс против России. Однако нравственные связи болгар с Россией настолько велики, что порвать их крайне трудно»[3]. Военный представитель России отмечал, что болгарский царь Фердинанд был главным источником русофобии, а «русофобская пропаганда, начавшаяся в здешней печати еще с декабря 1912 года, всячески поддерживалась сверху»[4]. По мнению военного агента, такое положение было обусловлено тем обстоятельством, что царь окончательно превратился в «игрушку стамбуловистов» и такая политика болгарского правительства останется неизменной, «пока Болгарией управляют господа вроде Савова, Геннадиева и компании»[5]. Поэтому главной задачей российской внешней политики в Болгарии, как указывал Г.Д. Романовский, «является устранение его (правительства. – *С.А.*, *А.Б.*) от власти, ибо пока оно является хозяином

[3] Донесение российского военного агента Г.Д. Романовского в Санкт-Петербург 20 сентября 1913 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) и подведомственные ему учреждения (1905–1918)). Оп. 1. Д. 3083. Л. 7.

[4] Там же. Л. 24.

[5] Там же. Л. 14.

положения, следует опасаться новых политических авантюр и интриг против России»[6].

Настроения болгарской элиты проявились и в смещении со своих постов тех офицеров, что считались русофилами, что также неоднократно отмечалось в донесениях российским военным агентом[7]. Антироссийскую позицию занимала и царица.

Отношение болгарского двора и военной элиты к России и российской политике контрастировало с настроениями русофильских слоев Болгарии, видевших в русских защитников и освободителей. В сознании заметной части населения страны существовал положительный образ России и «дядо Иван» (деда Ивана), которые неизменно наделялись героическими чертами и нередко романтизировались частью русофильски настроенных публицистов. Для них Россия, прежде всего, была великой державой, способной прийти на помощь в самые напряженные моменты болгарской истории, защитить от массового истребления болгарский народ. И даже если официальная политика России расходилась с их собственными представлениями о благе для болгарского народа, большинство из них было склонно критиковать действия отдельных представителей российского политического истеблишмента, но не давать критических оценок русскому народу.

Многие представители русофильской партии, как указывает В. Хаджиниколов, были проникнуты сильным влиянием славянофилов и исходили из кровности родства славянства с русским народом; другие видели в политике России «историческую миссию разрушить Османскую империю» [15, с. 60]. Находились в русофильском лагере и такие, кто, умеренно критикуя официальную политику России в отдельные исторические периоды, исходили из общности интересов Болгарии с Россией и стремились всеми доступными средствами опровергнуть миф о якобы виновности России в поражении Болгарии во II Балканской войне. Так, известный болгарский публицист А. Шопов указывал на необходимость бороться с обвинениями в адрес России: «наши …интересы требуют исчезновения легенды о виновности России в нашем разгроме 1913 года»[8].

[6] Донесение российского военного агента Г.Д. Романовского в Санкт-Петербург 20 сентября 1913 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) и подведомственные ему учреждения (1905–1918)). Оп. 1. Д. 3083. Л. 6 об.

[7] Там же. Л. 7–24.

[8] Шопов А. Виновна ли е Русия за погрома на България. (Анкета по официални документи: австрийски, руски, румънски и български). София, 1915. С. 8.

Об этом в период Второй Балканской войны свидетельствует обращение жителей г. Пловдив на имя российской императрицы Александры Федоровны от 11 июля 1913 г. с мольбой о помощи и защите болгарского народа[9]. Подобные обращения поступали российским официальным лицам и дипломатам в Софии и других городах страны, не только от рядовых городов, но и от представителей политических партий. Обращения к официальным лицам Российской империи диктовалось и тем обстоятельством, что российский император выступал арбитром по сербско-болгарскому договору и стремлением повлиять на его решение в пользу Болгарии.

Общественные настроения представителей русофильской партии и простого народа разительно отличались в эти дни от позиции правящих верхов и стамбуловистов, открыто выступавших с антирусскими лозунгами. Об этом с очевидной обеспокоенностью сообщал в своей телеграмме от 22 июля 1913 г. министру иностранных дел России С.Д. Сазонову посланник в Софии А.В. Неклюдов: «не скрываю ни от себя, ни от Вашего Высокопревосходительства, что в правящих кругах страны и в особенности среди офицерства господствует ныне течение глубоко враждебное России»[10]. «Оно особенно ярко выразится, – предостерегал российский дипломат, – когда установится мир и снята будет цензура…»[11]. С королем Болгарии Фердинандом при этом следует «объясняться ласково, но твердо и начистоту»[12], отмечал А.В. Неклюдов. Развитию «русофобии», по мнению А.В. Неклюдова, способствует и активная деятельность стамбуловистов, заинтересованных в ослаблении своих политических противников «русофилов» и желании скомпрометировать их. Позиция австрийских политических кругов во многом зависела от степени политической удаленности официальной Софии от России.

Точка зрения российского посланника в Софии во многом совпадала с позицией министра иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонова, также впоследствии отмечавшего в воспоминаниях: «Для Болгарии Бухарестский мир запечатлевал крушение честолюбивой мечты Фердинанда Кобургского о создании болгарского царства от пределов

[9] Письмо жителей г. Пловдив российской императрице Александре Федоровне от 11 июля 1913 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 3727. Л. 83.

[10] Телеграмма российского посланника в Софии А.В. Неклюдова министру иностранных дел России С.Д. Сазонову от 22 июля 1913 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3727. Л. 318.

[11] Там же.

[12] Там же

Албании и до Мраморного моря»[13]. Горечь поражения подтолкнула болгарскую элиту к союзу с Германией и Австро-Венгрией.

Трагедия Болгарии во Второй Балканской войне совпала с приходом к власти правительства В. Радославова, получившего в среде российских политиков и дипломатов характеристику «русофоба» и «противника русского влияния». Не случайно лидер болгарской Либеральной партии В. Радославов сделал ставку на достижение идей «Сан-Стефанской Болгарии» с помощью Австрии и Германии, а не России. «Политическая русофобия» при нем получила наибольший импульс к развитию в болгарской прессе и, прежде всего, в целом ряде правительственных изданий. Обеспокоенный шквалом «русофобства» в болгарской печати, российский дипломатический представитель в Софии А.А. Савинский, сменивший А.В. Неклюдова, указывал на определяющее влияние немецкой пропаганды, действовавшей в стране совершенно открыто с приходом к власти правительства В. Радославова. «Борьба с немецкой пропагандой в Болгарии… является настоятельно необходимой»[14], – отмечал А.А. Савинский в телеграмме в Санкт-Петербург 2 сентября 1915 г. Одним из главных средств борьбы с происками Германии, по мнению российского посланника, должна стать контрпропаганда российского правительства, открытие новых газет и сотрудничество с «лучшими силами страны» в лице оппозиционных партий.

Следует отметить раскол болгарских политических партий по вопросу о вступлении в войну на стороне Центральных держав, т.к. представители целого ряда политических партий – демократической, народной, прогрессивной, радикальной и земледельческой – встали в оппозицию к царю Фердинанду, что, в частности, проявилось в их обращении к царю, о чем российский посланник сообщил в российский МИД. Выступивший от лица всей оппозиции А. Малинов потребовал изменить прежнюю ориентацию правительства В. Радославова на Германию и настаивал на единении с Россией и странами Согласия. Особенно активно использовался представителями русофобских кругов враждебный России политический миф о вине последней за постигшую Болгарию катастрофу летом 1913 г. Одними из самых последовательных и влиятельных авторов данного мифа являлись доктор А.К. Кермекчиев[15]

[13] Сазонов С.Д. Воспоминания. Берлин, 1927. С. 121.

[14] Телеграмма российского посланника в Софии А.А. Савинского в Санкт-Петербург 2 сентября 1915 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3773. № 631. Л. 41.

[15] Кермекчиев А. Руската политика спрямо България и българския народ от 1878 до 1914 г. Исторически факти, хроникирани от един български държавник. София, 1915.

и доктор Г. Ценов[16], выступавшие с критикой внешней политики России, по их мнению, стремившейся поработить Болгарию и овладеть Проливами. Единственным средством реализации болгарских национальных интересов им представлялась политическая ориентация страны на Центральные державы.

Балканская война 1912 г., последовавшая вслед за ней Межсоюзническая война привлекли внимание всей Европы. Победители Первой Балканской войны вскоре оказались соперниками, а Болгария в рамках Межсоюзнической войны пережила Первую национальную катастрофу. Академик Г. Марков справедливо указывал, что Вторая Балканская война была проиграна Болгарией еще до ее начала [11]. Очевидец событий известный болгарский писатель Л. Стоянов отмечал: «Если бы в этой несчастной стране существовали правда и законность, то за преступное безумие шестнадцатого июня, когда Болгария объявила войну своим бывшим союзникам, царь Фердинанд должен был бы болтаться на перекладине» [14, с. 251].

Болгария, так и не получившая Македонию, жаждала реванша. П. Заболотский писал: «Лишиться Македонии в целом для болгар было все то же, что нам, русским, лишиться одного из своих культурно-исторических центров: ведь из Македонии шло болгарское возрождение, оттуда шли лучшие болгарские борцы, там была древняя Охридская патриархия, там интенсивно кипела культурная болгарская работа, и никогда не умирал в душе болгарина сан-стефанский завет Царя-Освободителя»[17].

Болгарский посланник в Берлине Д. Ризов в августе 1915 г. признавался: «Болгарский народ слишком опытен с политической точки зрения, чтобы игнорировать свои существенные интересы. Кроме политических интересов, у нас есть с Германией и Австрией общность экономических интересов. Дело идет о будущем великом мировом пути»[18]. Идеологическая подготовка активно велась на страницах прессы. Софийский официоз «Эхо Болгарии» писал 23 ноября 1916 г. об общности болгарских и австро-венгерских интересов[19].

[16] Ценов Г. Русия и завоевателните стремжи на сърбите. Историко-политическо издирване. София, 1915.

[17] Заболотский П. Черногория и король Николай в борьбе за сербский и славянский идеал // Славянские известия. 1915. № 14. С. 171.

[18] Цит. по: Дмитриевич Д.И. Союз Болгарии с Германией перед судом свободной России (Факты и документы). Пг., 1917.

[19] Дмитриевич Д.И. Союз Болгарии с Германией перед судом свободной России (Факты и документы). Пг., 1917. С. 19.

Русский корреспондент в Болгарии И. Калина сообщал в начале 1915 г., что практически вся болгарская интеллигенция охвачена недоверием к России и склонна обвинять российскую дипломатию едва ли не во всех постигших страну несчастиях[20]. Также И. Калина указывает и на нерешенность македонского вопроса, и на сербско-болгарский антагонизм, что предопределяло выбор Болгарией стороны конфликта.

В конце 1915 – начале 1916 гг. в Болгарии всерьез опасались русского десанта. Так, одна из немецких газет сообщала: «Несмотря на неудачу под Варною, деятельность русского Черноморского флота, опирающегося на Одессу, продолжается. Не является ли она демонстрацией, предпринятой с целью отвлечь внимание от подготовки русскими нападения в другом месте?»[21]. Далее автором делался вывод о возможной высадке русских войск в районе Варны[22].

Лучшей иллюстрацией враждебного России мифа о виновности в поражении Болгарии в 1913 г. стала и публикация официального печатного органа «Народни права», поместившего в номер от 22 июня 1916 г. статью «Россия и катастрофа 1913–1914 гг.». Автор статьи утверждал, что русское правительство в период Балканских войн стремилось использовать Болгарию для создания Великой Сербии, а «идея раздела Македонии была поддержана официальной Россией»[23]. Фактически Россия, считал автор, спровоцировала и подготовила участие Болгарии в войне, которую страна не могла перенести. Не менее показательным был и вывод: «Но ныне…Болгария гордится. Все, кто копали ей могилу, понесли заслуженное наказание. <…> Пашич (премьер-министр Сербии. – *С.А., А.Б.*) вдали от Сербии, Македония принадлежит болгарам, Россия побита»[24].

Избранная правительством В. Радославова политика нейтралитета до объявления войны Сербии и дипломатического разрыва с Россией также служила цели подготовки болгарского реванша в условиях, когда сама идея возвращения Македонии ассоциировалась с военной помощью со стороны Германии и Австро-Венгрии. Поэтому представители болгарской официальной печати выступали с резкой критикой российской внешней политики, стремясь обосновать необходимость участия страны в войне на стороне Центральных держав. «Измена» Болгарии

[20] Калина И. Из Болгарии // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 295.

[21] Приведено по: Багров Л. Очерки мировой войны на море // Морской сборник. 1916. № 2. С. 183.

[22] Багров Л. Очерки мировой войны на море // Морской сборник. 1916. № 2. С. 183–184.

[23] Россия и катастрофа 1913–1914 гг. // Народни права. 1916. 22 июня. С. 1.

[24] Там же.

и открытый переход правительства В. Радославова в лагерь Центральных держав были с горечью восприняты в России, а объявление страной войны Сербии послужило известным катализатором обратного русофобии явления, когда российская печать обрушилась с гневной критикой на болгар, обвиняя их в предательстве православия и славянства. В декабре 1915 г. появилась выпущенная российским военным министерством листовка на болгарском языке, призывавшая болгар не воевать за немцев и турок против своих освободителей. «Вернитесь в вашу страну, – говорилось в листовке, – отойдите от лживых немцев, искупите вашу вину за предательство перед Богом и Россией»[25].

Российский посланник в Сербии Василий Штрандтман, оценивая «предательство Фердинанда», с горечью отмечал в своих воспоминаниях: «Царь Фердинанд… нанес предумышленный и убийственный удар по славянской и православной России. Измена Болгарии явилась одной из существенных причин недостаточного военного снабжения российских армий с запада, имевшей роковые последствия» [17, с. 388]. Одним из наиболее трагических эпизодов российско-болгарских отношений стало военное противостояние русских и болгарских солдат в районе Добрича осенью 1916 г.

Болгария была обескровлена двумя Балканскими войнами, кроме того, ее отставание в промышленном уровне по сравнению с западноевропейскими странами осложняло техническое оснащение армии и использование необходимых транспортных средств. Современники отмечали сильное падение морального духа болгарской армии при оборонительных боях: Министр иностранных дел Российской Империи С.Д. Сазонов признавал, что к переходу Болгарии на сторону германского блока и последующему разгрому Сербии привели серьезные промахи дипломатии стран Антанты [2, с. 31]. На заседании Государственного совета в феврале 1916 г., он, в частности, сказал: «Союзная дипломатия подвергалась строгому осуждению за то, что ей не удалось привлечь на свою сторону Болгарию»[26].

Военный министр А.А. Поливанов констатировал в феврале 1916 г.: «Среди событий, свершившихся в течение минувших месяцев, каждый русский человек с болью в сердце увидел измену болгарского правительства своему славянскому долгу. Не первый уже случай, когда

[25] Листовка российского военного ведомства с обращением к болгарской армии (на болгарском языке) // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 16351 (Управление русского военного агента в Сербии (1905–1918)). Оп. 1. Д. 2. Л. 104.

[26] Государственная дума. Четвертый созыв. Четвертая сессия. Стенографический отчет. Пг., 1916. Ст. 36.

спасенные Россией государства удивляют мир своей неблагодарностью, но эта измена славянского государства имела последствием одоление немцами двух славянских же государств – Сербии и Черногории…»[27].

Вступление Болгарии в войну на стороне Берлина оценивалось как поражение российской дипломатии целым рядом политических деятелей и российским общественным мнением. На четвертой сессии Государственной Думы IV созыва, проходившей после потери союзниками Балканского полуострова, положение в Юго-Восточной Европе не один раз становилось предметом острых обсуждений. Представитель фракции земцев-октябристов в IV Государственной Думе Е.П. Ковалевский[28] отмечал недооценку со стороны российской дипломатии возможности перехода болгар на сторону Центральных держав и вступления страны в войну[29]. Подобных взглядов придерживался и П.Н. Милюков: «Наша дипломатия обнаружила слабость и нерешительность, которая и дала возможность Болгарии вооружиться и выбрать тот момент для нападения, который она сама находила для себя более подходящим»[30]. Вместе с тем он был вынужден признать, что правительство Болгарии вправе защищать свои национальные интересы, и с «болгарским народом нам придется еще иметь дело»[31].

Известный своим болгарофильством П.Н. Милюков отмечал: «1 сентября 1915 г. дипломаты Согласия явились к Радославову и сделали то, что я советовал сделать с самого начала. Они торжественно гарантировали Болгарии приобретение Македонии в границах договора 1912 г., …независимо от того, как на это посмотрят Сербия и Греция»[32]. Опоздание союзников с данным предложением правительству Болгарии, по мнению П.Н. Милюкова, способствовало ее вступлению в войну на стороне Четверного союза.

В свою очередь Центральные державы предложили Болгарии македонские земли, а в случае вступления в войну Греции и Румынии

[27] Государственная дума. Четвертый созыв. Четвертая сессия. Стенографический отчет. Пг., 1916. Ст. 23.

[28] Е.П. Ковалевский был членом Чрезвычайной следственной комиссии по нарушению законов и обычаев войны австрийцами и германцами. В августе 1915 г. его кандидатуру рассматривали в качестве министра просвещения в так называемом кабинете обороны А.И. Гучкова.

[29] Государственная дума. Четвертый созыв. Четвертая сессия. Стенографический отчет. Пг., 1916. Ст. 1432.

[30] Там же. Ст. 3251.

[31] Там же. Ст. 3252.

[32] Там же. Ст. 3250.

на стороне Антанты, часть их территорий, что и предопределило окончательную позицию правительства В. Радославова в этом вопросе. Союз с Болгарией обеспечивал не только военный перевес Центральных держав на Балканах, но и дал коридор для связей с Турцией. Вступление Болгарии в войну осенью 1915 г. изменило военное положение на Балканском полуострове в пользу Германии и ее союзников. Сербия потерпела поражение, и ее войска эвакуировались в Салоники. Болгария аннексировала Македонию.

Избранный Болгарией антирусский политический вектор и вызванный им шквал «русофобства» в болгарской правительственной печати и в среде лояльного Фердинанду офицерства повлиял на восприятие России частью болгарской общественности; однако другая часть видела в ней страну-освободительницу. При этом болгарскому общественному мнению был присущ известный дуализм, и российская политика на Балканах подвергалась серьезной критике. «Болгарское русофобство» во многом оставалась политическим явлением, что было характерно для сложных периодов двухсторонних отношений.

Следует отметить, что далеко не во всем оценки, дававшиеся российскими наблюдателями: дипломатами, военными агентами, публицистами, – отражали действительность. В основе «болгарского русофобства» лежали не только германская и австро-венгерская пропаганда, но и сама политика Российской империи на Балканах. Нередко переоценивалась российскими официальными лицами и степень «благодарности» болгар за освобождение. Позиция болгарской общественности в отношении российской политики во многом зависела от степени поддержки, которую Российская империя оказывала противникам страны – от Сербии до Греции. Вопрос же о территориальной принадлежности Македонии был ключевым, что в конечном итоге предопределило переход страны в стан Центральных держав. В этом смысле «болгарское русофобство» было закономерным явлением, характеризующим отношения двух стран в этот период.

Однако несмотря на политические разногласия, русско-болгарское добрососедство не угасало даже в самые сложные периоды истории двух народов. В 1911 г. болгарский министр народного просвещения, выпускник Московского университета С. Бобчев предлагал даже ввести 3–4 урока в неделю русского языка в школах[33]. Не прекращали своей работы в стране и русские школы. Множество русских оказалось в Болгарии после революции 1917 г.

[33] Хроника // Славянство. 1911. № 4–6. С. 39.

Библиографический список / References

1. Айрапетов О.Р. В них почти нет славянской крови. Россия между Сербией и Болгарией в годы Первой мировой войны // Родина. 2003. № 10. С. 88–91. [Airapetov O.R. They have almost no Slavic blood. Russia between Serbia and Bulgaria during the First World War. *Rodina*. 2003. № 10. Pp. 88–91. (In Rus.)]
2. Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1989. [Vasukov V.S. Vnechnaya politika Rossii nakanyne fevralskoy revolucii. 1916 – fevral 1917 g. [Russian foreign policy on the eve of the February revolution. 1916 – February 1917]. Moscow, 1989.]
3. Георгиев Б. Болгарское русофобство как фактор включения в Первую мировую войну // Сборник статей V Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений. Проблемы безопасности стран СНГ, Европы и Азии» / Под ред. А.П. Кудинова. СПб., 2011. С. 47–52. [Georgiev B. Bulgarian Russophobia as a factor of inclusion in the First World War. *Fundamentalnye i prikladnye problem geopolitiki, geoekonomiky i mezdunarodnih otnocheniy. Problem bezopastnosty stran SNG, Evropy I Azii*. A.P. Kudinov (ed.). St. Petersburg, 2011. Pp. 47–52. (In Rus.)]
4. Грынчаров С. Русофилските политически силы в България (август 1886 – август 1887) // Политически партии, организации и управления в България 1879–1944 г. Известия на Института по история. Т. XXVI. София, 1983. С. 121–150. [Gryncharov S. Russophile political forces in Bulgaria (August 1886 – August 1887). *Politicheski partii, organizatsii i upravleniya v Blgariya 1879–1944 g. Izvestiya na Instituta po istoriya*. Vol. XXVI. Sofia, 1983. Pp. 121–150. (In Bulgarian)]
5. Гусев Н.С. Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование // Славянский альманах 2014. Вып. 1–2. М., 2014. С. 123–133. [Gusev N.S. Russians and Bulgarians after the Balkan Wars: Mutual disappointment. *Slavyanskiy almanakh 2014*. Vol. 1–2. Moscow, 2014. Pp. 123–133. (In Rus.)]
6. Илчев И. България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. [Ilchev I. Blgariya i Antantata prez Prvata svetovna voyna [Bulgaria and the Entente during the First World War]. Sofia, 1990.]
7. Каширин В.Б. Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. [Kashirin V.B. Dozornye na Balkanah. Ruskaya voennaya razvedka v stranah Balkanskogo poluostrova nakanune i v gody Pervoy mirovoy voiny [Lookouts in the Balkans. Russian military intelligence in the countries of the Balkan Peninsula before and during the First World War]. Moscow, 2014.]
8. Киняпина Н.С. Болгария в Балканской политике России (1886–1896 гг.) // Отечественная история. 1992. № 2. С. 43–55. [Kinyapina N.S. Bulgaria in the Balkan politics of Russia (1886–1896). *Russian History*. 1992. No. 2. Pp. 43–55. (In Rus.)]

9. Косик В.И. О феноменах русофильства и русофобства в Болгарии // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве / Отв. ред. Е.С. Узенев. М., 2009. С. 83–97. [Kosik V.I. About the phenomena of russophilism and Russophobia in Bulgaria. *Slavyanskiy mir v tretiem tisacheletii. Rossiya i slavianskie narody vo vremeny i v prostranstve*. E.S. Usenev (ed.). Moscow, 2009. Pp. 83–97. (In Rus.)]
10. Котов Б.С. Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 101–112. [Kotov B.S. The inter-allied war of the summer of 1913 in the perception of Russian society (based on press materials). *Modern and Contemporary History*. 2015. No. 3. Pp. 101–112. (In Rus.)]
11. Марков Г. Поуки от Балканските войни 1912–1913 г. // Военноисторически сборник. 2003. № 1. С. 25–27. [Markov G. Lessons from the Balkan Wars 1912–1913. *Voennoistoricheski sbornik*. 2003. No. 1. Pp. 25–27. (In Bulgarian)]
12. Саздов Д. Многопартийната политическа система и монархическият институт в България. 1879–1918. София, 1993. [Sazdov D. Mnogopartiynata politicheska sistema i monarkhicheskiyat instutut v Blgariya. 1879–1918 [The multiparty political system and the monarchical institute in Bulgaria. 1879–1918]. Sofia, 1993.]
13. Славова М. Русское влияние на выработку концепции независимого местного управления в Болгарии // Вклад России в создание болгарской государственности после Освобождения Болгарии в 1878 г. Сборник докладов научной конференции Софийского университета 2–4. III. 2003. София, 2003. С. 137–145. [Slavova M. Russian influence on the development of the concept of independent local government in Bulgaria. *Vklad Rossii v sozdznye bolgarskoy gosudarstvennosti posle Osvobozdenya Bolgarii v 1878 g.* Vol. III. Sofia, 2003. Pp. 137–145. (In Rus.)]
14. Стоянов Л. Холера (солдатский дневник). М., 1970. [Stoyanov L. Holera (soldatskiy dnevnik) [Cholera (soldier's diary)]. Moscow, 1970.]
15. Хаджиниколов В. Русофилы и русофобы в болгарской исторической литературе до Октябрьской революции // Etudes Historiques. Academie des sciences de Bulgarie. D. Angelov, V. Borinov, S. Damjanov (eds.). Sofia, 1968. Pp. 55–83. [Hadjinikolov V. Russophiles and Russophobes in Bulgarian historical literature before the October Revolution. *Etudes Historiques. Academie des sciences de Bulgarie*. D. Angelov, V. Borinov, S. Damjanov (eds.). Sofia, 1968. Pp. 55–83. (In Rus.)]
16. Шкундин Г.Д. Русские и болгары в годы Первой мировой войны: проблемы взаимовосприятия // Мировые войны. Материалы круглого стола, состоявшегося в ГЦМСИР 17 сент. 2009 г. / Отв. ред. С.А. Архангелов. М., 2011. С. 48–82. [Skundin G.D. Russians and Bulgarians during the First World War: Problems of mutual perception. *Materyaly kruglogo stola, sostoyavchegosya v GCMSIR 17 sent. 2009 g.* S.A. Arhangelov (ed.). Moscow, 2011. Pp. 48–82. (In Rus.)]
17. Штрандтман В. Балканские воспоминания. М., 2014. [Strandtman V. Balkanskye vospominanya [Balkan memories]. Moscow, 2014.]

Статья поступила в редакцию 08.10.2020, принята к публикации 13.01.2021
The article was received on 08.10.2020, accepted for publication 13.01.2021

Сведения об авторах / About the authors

Агуреев Станислав Александрович – кандидат исторических наук; доцент кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва

Agureev Stanislav A. – PhD in History; Associate Professor at the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: stas.agureev@mail.ru

Болтаевский Андрей Андреевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Российский университет кооперации, г. Мытищи, Московская обл.

Andrey A. Boltaevskiy – PhD in History; Associate Professor at the Department of Humanities, Russian University of Cooperation, Mytishchi, Moscow region, Russian Federation

E-mail: boltaev83@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-83-95

А.М. Новоторцева

Общецерковная аспирантура и докторантура
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
115035 г. Москва, Российская Федерация

Поездка Константинопольского патриарха Афинагора I (Спиру) по арабским странам Ближнего Востока и Африки в конце 1959 г.

В статье на основе архивных документов и источников личного происхождения, частично опубликованных и впервые введенных в научный оборот, представлена непростая внешнецерковная и общая внешнеполитическая ситуация в мире в середине XX в., связанная со значительной активизацией в 1959 г. деятельности Константинопольского патриархата, направленной на объединение всех христианских церквей. Основное содержание статьи посвящено поездке Константинопольского патриарха Афинагора I (Спиру) по арабским странам Ближнего Востока (Сирии и Ливану), а также Египту (Александрии) и оценке целей и результатов данного предприятия советскими дипломатами и представителями разных православных церквей. Инспирированная США и Ватиканом поездка патриарха Афинагора была направлена, прежде всего, на отрыв Восточных патриархатов от Русской православной церкви, что шло вразрез не только с внешнецерковными интересами РПЦ, но и задачами внешней политики советского государства.

Ключевые слова: Константинопольский патриархат, Константинопольский патриарх Афинагор I (Спиру), Антиохийский патриарх Феодосий VI (Абурджели), Римский папа Иоанн XXIII (Ронкалли), Русская православная церковь, Сирия, Ливан, Египет, епископ Иоанн (Вендланд)

© Новоторцева А.М., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Новоторцева А.М. Поездка Константинопольского патриарха Афинагора I (Спиру) по арабским странам Ближнего Востока и Африки в конце 1959 г. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 83–95. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-83-95

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-83-95

A.M. Novotortseva

Saint Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies,
Moscow, 115035, Russian Federation

The trip of the patriarch of Constantinople Athenagoras I (Spiru) to the Arab countries of the Middle East and Africa at the end of 1959

The article, based on archival documents and sources of personal origin, partially published and first introduced into scientific circulation, presents the difficult external church and general foreign political situation in the world in the middle of the twentieth century, associated with the significant activation in 1959 of the activities of the Greek Ecumenical Patriarchate, aimed at uniting all Christian Churches. The main content of the article is devoted to the trip of the Patriarch of Constantinople Athenagoras I (Spiru) to the Arab countries of the Middle East (Syria and Lebanon), as well as Egypt (Alexandria) and the assessment of the goals and results of the enterprise by Soviet diplomats and representatives of various Orthodox Churches. The trip of the Patriarch Athenagoras, inspired by the Americans and the Vatican, was aimed primarily at separating the Eastern Patriarchates from the Russian Orthodox Church, which was contrary not only to the external church interests of the Russian Orthodox Church, but also to the tasks of the foreign policy of the Soviet state.
Key words: Greek Ecumenical Patriarchate, Patriarch Athenagoras I of Constantinople (Spirou), Patriarch Theodosius VI of Antioch (Aburgeli), Pope John XXIII (Roncalli), Russian Orthodox Church, Syria, Lebanon, Egypt

FOR CITATION: Novotortseva A.M. The trip of the patriarch of Constantinople Athenagoras I (Spiru) to the Arab countries of the Middle East and Africa at the end of 1959. *Locus*: *People*, *Society*, *Culture*, *Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 83–95. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-83-95

В июне 2016 г. в церковном мире имело место событие, которое взволновало православных верующих и вызвало обсуждение среди многих граждан, представителей политических и общественных кругов. Это созыв на о. Крит «Святого и Великого Собора», названного некоторыми экспертами «Всеправославным» и даже «Восьмым Вселенским».

Последний Седьмой Вселенский Собор проходил в 787 г., когда были окончательно утверждены все догматы православной церкви. Однако в 1920–1930-е гг. вновь возникла идея созвать Вселенский Собор в Иерусалиме, что носило уже в большей степени политический, а не церковный характер. Русская православная церковь (далее – РПЦ) в этот период претерпевала гонения и балансировала на грани церковного раскола, связанного с обновленческим, искусственно созданным советской властью, движением. Но Иерусалимское землетрясение 1927 г., унесшее жизни около 500 человек (более 1 тыс. человек были ранены), отложило идею Константинопольского патриарха объединить все православные автокефальные церкви под своим началом. В середине XX в. тенденции к подготовке Собора возобновились вновь, но уже с участием не «обновленцев», а представителей канонической РПЦ. Однако все попытки его созыва и в дальнейшем, в 1990-е и 2000-е гг., заканчивались неудачей.

Актуальность обращения к внешнеполитическим и связанным с ними внешнецерковным событиям конца 1950-х гг. обусловлена, прежде всего, недостаточной изученностью данной темы, ограниченной несколькими, в той или иной степени близкими по проблематике и хронологии, исследованиями. Первая группа работ характеризует историю РПЦ в новейший период в целом, начиная с октябрьского переворота 1917 г. и до настоящего времени [8]. Наиболее значимым в проблемно-хронологическом плане исследованием является статья Т.А. Чумаченко, посвященная истории взаимоотношений РПЦ с православными церквями стран Ближнего Востока – Константинопольским, Антиохийским, Александрийским, Иерусалимским патриархатами в 1953–1964 гг. На основе публикаций в «Журнале Московской Патриархии» и советской периодической печати, а также архивных материалов центральных российских архивов автором были проанализированы взаимоотношения Московской патриархии и православных патриархатов в контексте

эволюции ближневосточного направления внешней политики советского правительства [10, с. 117–122].

О меняющихся внешнеполитических приоритетах СССР в середине XX в., специфике интересов и направлений внешней политики США в послевоенные десятилетия на Ближнем Востоке, жесткой конкуренции и последовательном противостоянии держав в данном стратегически важном регионе говорится в статье Ц.М. Чикаидзе и Б.Г. Койбаева. Институт церкви, как один из инструментов ближневосточной политики советского государства, авторами статьи не рассматривался [9, с. 46–54]. Напротив, для понимания внешнеполитических и внешнецерковных событий во второй половине XX в. может быть полезным курсовое сочинение сотрудника, в последние годы жизни – консультанта, Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии А.С. Буевского «Православный Восток и Русская Православная Церковь в первой половине XX столетия» [1].

Еще одна группа исследований посвящена истории подготовки Всеправославного Собора в XX в. и в 2000-е гг. [2; 9]. При этом содержание неопубликованного архивного материала, взятого в совокупности с информацией из источников личного происхождения, отражающего цель и результаты поездки Константинопольского патриарха Афинагора I (Спиру) по арабским странам Ближнего Востока и Египту в конце 1959 г., раскрывает тонкости и скрытые стороны советской и церковной дипломатии в «хрущевский период». Это событие не было целенаправленно проанализировано ни одним из авторов [10, с. 119].

В настоящее время основными источниками по теме являются документы фонда Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР, главный из которых – переписка Министерства иностранных дел (далее – МИД) по внешним связям Московской патриархии с православными церквями в странах Ближнего и Среднего Востока за 1959–1960 гг.[1] Кроме того, следует назвать впервые вводимые в научный оборот источники личного происхождения из частного архива духовной дочери митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда), журналиста Э.Л. Меженной, – письма владыки Иоанна[2] из Дамаска своему духовному отцу митрополиту Гурию (Егорову) и его ежедневник за 1959 г. [4]. Важный и интересный материал по внутри- и внешнеполитической ситуации в странах Ближнего Востока и Египте содержится в церковной и советской периодической печати, в меньшей степени,

[1] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1739. Д. 1836.

[2] Митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн (Вендланд) – в 1958–1960 гг. представитель Московского патриархата при патриархе Антиохийском.

в «Журнале Московской Патриархии» и подробно в газетах «Известия» и «Правда». В результате историографическая ситуация в области исследования темы и ее источниковая база дают возможность нарисовать подробную картину внешнецерковных и внешнеполитических событий, происходивших в ноябре-декабре 1959 г. в арабских странах Ближнего Востока и Африки, инспирированных приездом туда Константинопольского патриарха Афинагора I (Спиру).

В начале 1960 г. советские дипломаты – чиновники Генконсульств МИД СССР – приступили к аналитической работе по оценке складывавшейся в христианском мире внешнецерковной и связанной с ней общей внешнеполитической ситуации. Так, Генконсульство в Стамбуле в информации, направленной в МИД, касаясь положения религиозных организаций в Турции, отмечало значительную активизацию в 1959 г. деятельности «Греческой вселенской патриархии», направленной на объединение христианских церквей. По мнению Генконсульства, эта активизация объяснялась тем, что Константинопольский патриарх Афинагор I (Спиру)[3], в связи с предстоящими «Вселенским собором»[4] и II Генеральной Ассамблеей Всемирного Совета Церквей[5], прилагал усилия к укреплению своего авторитета и влияния Константинопольского патриархата с целью объединения под своим главенством всех православных церквей[6].

С целью созыва Собора всех православных церквей Константинопольский патриарх Афинагор в ноябре-декабре 1959 г. совершил поездку по странам Ближнего Востока, в результате которой было принято решение о созыве Собора в 1960 г. в Александрии. Свое путешествие он начал с посещения Сирии. В Дамаске Антиохийский патриарх Феодосий VI (Абурджели) устроил прием в честь прибывшего патриарха, на котором 22 ноября 1959 г. присутствовали несколько сирийских митрополитов, представители Антиохийской православной церкви, главный муфтий Сирии, представители деловых кругов и печати,

[3] В документах Совета по делам РПЦ и МИД СССР имя Греческого Патриарха Афинагора I (Спиру) упоминается как Афинагорас или Афенагорас.

[4] Речь идет о созыве Собора всех православных церквей, однако в 1920-х, 1960-х, 1990-х и 2000-х гг. предпринимались попытки начать подготовку к созыву именно Восьмого Вселенского собора Православной церкви, но все они заканчивались ничем.

[5] Всемирный Совет Церквей (The World Council of Churches) – крупнейшая международная экуменическая организация, основанная в 1948 г. в Амстердаме, членами которой являются 348 христианских церквей из более чем 100 стран, представляющие ок. 400 млн христиан. Штаб-квартира Совета расположена в Женеве (Швейцария).

[6] Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836. Л. 18–19.

а также генеральные консулы США, СССР, Греции, Румынии, Болгарии, Турции[7].

На приеме в различного рода беседах обращало на себя внимание большое гостеприимство, оказанное сирийскими властями патриарху Афинагору, а также высказывались различные предположения по поводу неожиданного и необычного появления Константинопольского Патриарха в Дамаске. Не меньший интерес вызывали его планы относительно длительного путешествия по арабским странам. Необычным данное путешествие можно было назвать в связи с тем, что по традиции еще с XVI в. Константинопольский патриарх ни разу не покидал своей резиденции и не выезжал за границу [3].

Антиохийский патриарх Феодосий в разговоре с Генконсулом СССР в Дамаске В.И. Корневым уверил последнего, что он не посылал официального приглашения патриарху Афинагору и сам был будто бы удивлен его неожиданным приездом в Дамаск. Другие представители Антиохийской православной церкви, в частности, епископ Василий (Самаха), предположили, что путешествие патриарха Афинагора по Ближнему Востоку было предпринято по инициативе американцев и турок с целью установления более тесного сотрудничества Константинопольского патриарха с православными церквями Ближнего Востока в противовес влиянию РПЦ в этом регионе. Было высказано мнение, что американцы с помощью патриарха Афинагора стремились установить сотрудничество между протестантами и представителями православных церквей на Ближнем Востоке и использовать его для усиления политического влияния в арабских странах, таких как Египет, Сирия и Ливан.

После посещения Антиохийского патриархата патриарх Афинагор отправился в Египет. По сведениям, полученным от Генерального консула СССР в Александрии В.С. Азовцева, Константинопольский патриарх находился в Александрии с официальным визитом со 2 по 5 декабря 1959 г., его сопровождали митрополиты Дэрконский, Сардисский, Филадельфийский и Аттикийский. В Александрии патриарх Афинагор посетил глав Греческой православной, Коптской христианской и Сирийской христианской церквей, также у него были многочисленные встречи и беседы с представителями местных религиозных и общественных кругов, руководящими деятелями греческой общины и членами дипломатического и консульского корпуса[8].

[7] Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836. Л. 18–19.

[8] Там же. Л. 27.

Из сообщений прессы и бесед работников консульства с приближенными патриарха Александрийского Христофора II[9] удалось собрать сведения о целях посещения патриархом Афинагором Объединенной Арабской Республики[10], в частности, подтвердить тот факт, что он без специального приглашения посетил Сирию и Иерусалим, а после посещения Египта выехал в Ливан в качестве официального гостя ливанского правительства. В результате, его поездка по всем признакам преследовала скорее политические, чем религиозные цели. По оценке чиновников МИДа, «в последнее время во Всемирной Греческой Православной Церкви существовало несколько течений, более или менее “прогрессивных”. Представители более “прогрессивного” направления выступали за тесное сотрудничество между всеми православными церквями Запада и Востока»[11].

В письме заместителя заведующего Отделом стран Среднего Востока МИД С.С. Немчины Председателю Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР В.А. Куроедову от 16 марта 1960 г. была выражена серьезная обеспокоенность значительной активизацией деятельности в 1959 г. Константинопольской патриархии, направленной на объединение христианских церквей, первоначально православных[12]. Укреплением позиции РПЦ в данном вопросе в середине XX в. было то, что такие серьезные экуменические движения в христианском мире с идеологией всехристианского единства шли вразрез также с внешнеполитическими интересами Советского государства, поскольку такое объединение церквей могло оказать определенное отрицательное влияние на деятельность прогрессивных и демократических сил во всем мире.

В связи с этим, Генконсульство СССР внесло следующие предложения, направленные на срыв этой опасной «затеи», в которых РПЦ отводилось немаловажное значение:

- разоблачить идею объединения церквей как «вредную для христиан Востока»[13];
- рассмотреть вопрос о целесообразности направления патриархом Московским и всея Руси Алексием II (Симанским) личного послания

[9] В документах Совета по делам РПЦ и МИД СССР имя Александрийского Патриарха Христофора II (Данилидиса) упоминается как Христофорос.

[10] Объединенная Арабская Республика (ОАР) – государство, существовавшее в 1958–1971 гг. в Северной Африке и Передней Азии. До 1961 г. являлась союзом двух стран – Сирии и Египта. 28 сентября 1961 г. Сирия заявила о выходе из состава ОАР.

[11] Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836. Л. 27.

[12] Там же. Л. 61.

[13] Там же.

патриарху Афинагору с предупреждением об опасности для православных христиан распространения «идеи объединения»;
- попросить Московскую патриархию прислать Генконсульству для передачи Константинопольской патриархии литературу (альбомы и другие издания), фильмы о русских церковных памятниках и о жизни верующих в СССР;
- попросить Московскую патриархию по возможности посылать для ориентировки Генконсульства информацию о состоянии дел в православных церквях других стран, о международных церковных конференциях с участием представителей православных церквей и другие материалы[14].

Следует при этом помнить, что в то же самое время по отношению к Константинопольскому патриарху выстраивалась серьезная религиозно-политическая конкуренция со стороны Римского папы Иоанна XXIII (Ронкалли). Об этом шла речь в письме Генконсула Корнева Генеральному секретарю МИД СССР Б.Ф. Подцеробу от 14 апреля 1960 г. Внешнеполитические и внешнецерковные события середины XX в. показали, что Римский папа и его приближенные также хотели объединить всех христиан, но под эгидой не Константинополя, а Ватикана. По мнению советских чиновников, целью католиков было использовать все христианские церкви в движении, направленном на «борьбу с прогрессом, материалистическими идеалами и, в первую очередь, с коммунизмом»[15]. Советским дипломатам было также очевидно, что данную инициативу Римского папы активно поддерживали и направляли в нужное русло соответствующие круги США[16].

Когда кардинала Джованни Ронкалли, патриарха Венеции, избрали Римским папой, то многим тогда казалось, что его правление не будет долгим, поскольку к моменту избрания ему было уже 77 лет. Однако т.н. «проходящий папа» стал культовой личностью, прежде всего, в католическом христианском мире и очень инициативной фигурой своего времени: за короткий период своего понтификата он сумел внедрить множество судьбоносных изменений и, тем самым, еще больше усилить отход от внутренних (догматических) правил веры в сторону экуменической идеологии всехристианского единства.

[14] Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836. л. 61–62.

[15] Там же. Л. 68.

[16] Там же. Л. 72–76.

В том же письме Подцеробу от 14 апреля 1960 г. Корнев сообщал, что обращение Римского папы о созыве Собора всех православных церквей широко комментировалось в прессе и нашло различные отклики в христианском мире всех направлений. Оно не было оставлено без внимания и многими крупными православными деятелями, включая Константинопольского патриарха Афинагора, Антиохийского патриарха Феодосия и др. В частности, в опубликованном ответе Константинопольского патриарха на обращение Римского папы не было прямого заявления о том, что Восточная православная церковь готова возвратиться в Рим, однако за общими неопределенными фразами (как и в послании самого Папы) скрывалось, по мнению советских дипломатов, явное одобрение объединения, выражались готовность всестороннего содействия данному процессу и личные симпатии понтифику.

В дальнейшем, после публичных заявлений, патриарх Афинагор стал предпринимать практические шаги для установления непосредственных контактов с Римским папой. В этой связи в Рим был направлен митрополит Аттики Иаков для обсуждения оснований, на которых мог бы быть созван Вселенский Собор. В беседе с одним корреспондентом (в архивном документе его имя не указывается) по поводу обращения Римского папы с предложением созвать Вселенский Собор Константинопольский патриарх Афинагор заявил: «Мы с удовлетворением восприняли эту инициативу Папы и теперь ждем от Ватикана более конкретных предложений, по которым мы бы могли высказаться...»[17].

Именно в этом контексте, по мнению Корнева, следовало рассматривать недавнюю поездку патриарха Афинагора в Восточные патриархаты православных церквей: Дамаск, Иерусалим и Александрию. Учитывая позицию РПЦ в отношении Римского папы и Ватикана и ее влияние на Восточные Патриархаты, патриарх Афинагор одной из целей своей поездки определялоказание давления на глав Восточных церквей, привлечение их на свою сторону в вопросе соглашения с Римским папой, ослабление влияния РПЦ на Восточные патриархаты и изоляцию ее от других церквей.

В речах, произнесенных патриархом Афинагором в Дамаске и Бейруте, РПЦ не упоминалась в числе Восточных православных церквей и, таким образом, делалась попытка принизить ее значение. В кулуарных разговорах с представителем РПЦ в Дамаске епископом Иоанном

[17] Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836. Л. 88–92, 115–139.

(Вендландом) патриарх Афинагор высказывал стремление к установлению более тесных взаимоотношений с Московской Патриархией. Однако это были лишь лицемерные и декларативные заявления. В частности, патриарх Афинагор в отношении епископа Иоанна нарушил такой элементарный протокольный обычай, как предоставление ему аудиенции[18] [6, с. 71–96].

Важно также отметить заявление патриарха Афинагора, сделанное им перед отъездом из Бейрута одному из корреспондентов, в котором говорится, что он предпринял свою поездку в Восточные патриархаты с целью их объединения и укрепления, т.к. все попытки, предпринятые ранее в этом направлении РПЦ, не привели к желаемым результатам.

По словам Антиохийского патриарха Феодосия, он обсуждал с Константинопольским патриархом возможность участия во Вселенском Соборе, который планировал созвать Римский папа, но к какому-то определенному решению по данному вопросу они не пришли. Беседа носила характер обмена мнениями. При этом патриарх Феодосий заверил представителя Московского патриархата в Дамаске епископа Иоанна (Вендланда), что «останется верным дружбе между Русской и Антиохийской церквями, будет всячески стараться ее укреплять»[19]. По имевшимся у Генконсульства СССР сведениям, патриарх Афинагор планировал созвать в 1960 г. совещание православных патриархов на о. Родос, на которое якобы был намерен пригласить и Московского патриарха, однако эти сведения нуждались в перепроверке[20].

«Американский след» в поездке Константинопольского патриарха по странам Ближнего Востока в 1959 г. подтверждала также запись беседы советника Посольства СССР в Греции Н.А. Сальнова с одним из руководителей Элладской (Греческой) православной церкви, митрополитом Аттики Иаковом на его вилле 11 марта 1960 г. После небольшой беседы протокольного характера Сальновым были затронуты конкретные, интересующие МИД СССР, вопросы относительно деятельности Элладской (Греческой) православной церкви и, в первую очередь, ее отношение к Всемирному Совету Церквей. Митрополит Иаков заверил, что в свое время съезд митрополитов Греции принял решение

[18] Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836. Л. 76.

[19] Там же.

[20] Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836.

против вступления Элладской церкви во Всемирный Совет Церквей, в связи с чем греки не направили своей полномочной делегации на съезд этой экуменической организации, проходивший на о. Родос в августе 1959 г. Представители от Элладской церкви и РПЦ присутствовали на нем тогда лишь в качестве наблюдателей[21].

К моменту беседы Сальнова с митрополитом Иаковом решение о неприсоединении Элладской церкви к Всемирному Совету Церквей оставалось в силе и могло быть отменено только решением съезда всех греческих митрополитов. Другой вопрос, который волновал советских дипломатов, касался достоверности появившихся в некоторых газетах сведений относительно растущего влияния в Греции католической церкви. Действительно, существовала угроза приезда в Афины папского нунция (посла), который должен был способствовать проникновению в Грецию церковно-католического влияния, но данное решение не было принято. Митрополит Иаков подчеркивал, что он лично в значительной степени противодействовал этим тенденциям и уверил Сальнова, что «до конца дней своих он будет бороться против проникновения в страну католицизма»[22].

В связи с тем, что митрополит Иаков сопровождал Константинопольского патриарха во время его поездки на Ближний Восток, Сальнов спросил своего собеседника, как тот оценивает личность патриарха Афинагора в целом. По мнению греческого митрополита, патриарх Афинагор являлся убежденным сторонником американцев, он даже не считал нужным это как-либо скрывать и совершенно открыто выражал свои симпатии к Америке. Правящие круги США также старались создать видимость уважения к Константинопольскому патриарху, в частности, президент страны Д. Эйзенхауэр, находясь в Турции во время своей поездки по некоторым странам Ближнего Востока и Азии, направил патриарху Афинагору послание, в котором высказал сожаление о невозможности его посетить в связи с тем, что им не было запланировано посещение Стамбула.

Вместе с тем, митрополит Иаков заметил, что патриарх Афинагор искал также контактов с РПЦ, считая, что она являлась ведущей силой Православия. В этих условиях реальной становилась возможность посещения патриархом Московским и всея Руси Алексием I (Симанским) Константинополя и Константинопольским патриархом Афинагором

[21] Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836. Л. 68.

[22] Там же. Л. 69.

Москвы. Единственным препятствием, по мнению митрополита Иакова, могла быть только позиция Турции. Кроме того, митрополит Иаков затронул некоторые проблемы и вопросы, связанные с положением внутри Антиохийской православной церкви, в основном, с кадровыми назначениями и перестановками[23].

В итоге, в православных кругах Сирии и Ливана, а также в дипломатических кругах СССР считали, что поездка Константинопольского патриарха Афинагора I (Спиру) по арабским странам Ближнего Востока и Египту была инспирирована США и Ватиканом и направлена на отрыв Восточных патриархатов от РПЦ. В тех же кругах полагали, что между Ватиканом и Православным миром не могло произойти объединения на основе догм, существовавших до раскола Церкви, т.к. ни католики, ни православные не могли пойти на взаимные уступки, хотя между ними был возможен политический союз, направленный на борьбу с коммунизмом и на изоляцию РПЦ. Цель и результаты поездки Константинопольского патриарха в конце 1959 г. побудили советскую дипломатию активнее использовать институт церкви как инструмент усиления внешнеполитического влияния СССР в Ближневосточном регионе и в ослаблении позиции зарубежных конкурентов.

Библиографический список / References

1. Буевский А.С. Православный Восток и Русская Православная Церковь в первой половине XX столетия. Курсовое сочинение. Московская духовная академия. 1951. [Buevsky A.S. Pravoslavny Vostok i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov v pervoy polovine XX stoletiya [Orthodox East and the Russian Orthodox Church in the first half of the XX century]. Course essay. Moscow Theological Academy. 1951.]
2. Гусев А. История подготовки Всеправославного Собора // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. Т. 34. С. 127–164. [Gusev A. The history of the preparation of the Pan-Orthodox Council. *State, Religion, Church in Russia and Abroad.* 2016. No. 1. Vol. 34. Pp. 127–164. (In Rus.)]
3. Клеман О. Беседы с патриархом Афинагором / Пер. с фр. В. Зелинского. Брюссель, 1993. [Clément O.-M. Dialogues avec le Patriarche Athénagoras. V. Zelinsky (transl. from French). Brussels, 1993.]
4. Меженная Э.Л. Митрополит Иоанн: «Будем делать дела любви!»: Дневники. Письма. Воспоминания. Ярославль, 2013. [Mezhennaya E.L. Mitropolit Ioann: «Budem delat dela ljubvi!»: Dnevniki. Pisma. Vospominaniya [Metropolitan Ioann: "Let us do works of love!": Diaries. Letters. Memoirs]. Yaroslavl, 2013.]

[23] Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836. Л. 70.

5. Новоторцева А.М. Церковно-дипломатическая деятельность митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда) в середине XX века // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, образования: Материалы конференции «Чтения Ушинского» исторического факультета / Под науч. ред. О.С. Нагорной. Ярославль, 2020. Ч. 1. С. 144–152. [Novotortseva A.M. Church and diplomatic activity of Metropolitan of Yaroslavl and Rostov Ioann (Wendland) in the Middle of the XX century. *Voprosy otechestvennoy i zarubezhnoy istorii, politologii, sotsiologii, obrazovaniya*: *materialy konferentsii* «*Chteniya Ushinskogo*» *istoricheskogo fakulteta*. O.S. Nagornaya (ed.). Yaroslavl, 2020. Vol. 1. Pp. 144–152. (In Rus.)]
6. Новоторцева А.М. Церковно-дипломатическое служение митрополита Иоанна (Вендланда) в Сирии и Ливане в 1959 году // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 1. С. 71–96. [Novotortseva A.M. The Church-diplomatic ministry of Metropolitan Ioann (Wendland) in Syria and Lebanon in 1959. *Christianity in the Middle East.* 2020. No. 1. Pp. 71–96. (In Rus.)]
7. Скобей Г.Н. Межправославное сотрудничество в подготовке Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви // Церковь и время. 2002. № 2. С. 73–83. [Scobey G.N. Inter-Orthodox cooperation in the preparation of the Holy and Great Council of the Eastern Orthodox Church. *Tserkov i vremya.* 2002. No. 2. Pp. 73–83. (In Rus.)]
8. Цыпин В. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. [Tsypin V. Istoriya Russkoy Tserkvi. 1917–1997 [History of the Russian Church. 1917–1997]. Moscow, 1997.]
9. Чикаидзе Ц.М., Койбаев Б.Г. Ближний Восток: политическая составляющая (1920–1950-е) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1. С. 46–54. [Chikaidze C.M., Koibaev B.G. Middle East: A political component (1920–1950). *Naučnaâ mysl' Kavkaza*. 2017. No. 1. Pp. 46–54. (In Rus.)]
10. Чумаченко Т.А. Отношения Московской Патриархии и Восточных Патриархатов в контексте эволюции Ближневосточной политики советского руководства. 1953–1964 годы // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2015. Вып. 62. № 2 (357). С. 117–122. [Chumachenko T.A. Relations of the Moscow Patriarchate and the Eastern Patriarchates in the context of the evolution of the Middle East policy of the Soviet leadership. Years 1953–1964. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2015. Vol. 62. № 2 (357). Pp. 117–122. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 03.02.2021, принята к публикации 09.03.2021
The article was received on 03.02.2021, accepted for publication 09.03.2021

Сведения об авторе / About the author

Новоторцева Анна Михайловна – кандидат исторических наук; докторант кафедры церковной истории, Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, г. Москва

Anna M. **Novotortseva** – PhD in History; doctoral student at the Department of Church History, Saint Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, Moscow, Russian Federation

E-mail: annov1@mail.ru

Политические институты,
процессы и технологии

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-96-109

О.А. Мартынова

Пензенский государственный университет,
440026 г. Пенза, Российская Федерация

Динамика женского представительства в Законодательном собрании Республики Карелия 2002–2020 гг.

Статья посвящена женскому представительству в Законодательном собрании Республики Карелия третьего (2002–2006), четвертого (2006–2011), пятого (2011–2016) и шестого (2016–2021) созывов. Методика исследования представляет собой сбор эмпирического материала, составление базы статистических данных, их систематизацию и аналитическую группировку по количественным показателям. В статье систематизированы биографические данные женщин-депутатов, прослежен партийный состав и его динамика, проанализирована должностная структура женщин-депутатов в разных созывах собрания, выявлены сферы их депутатской деятельности, выявлены партийный, профессиональный, возрастной состав женщин-депутатов. Доля женщин в Законодательном собрании Республики Карелия растет неуклонно и устойчиво (среди депутатов III созыва женщины составляли 15%, в IV – 16,9%, в V – 29% , в VI – 33,3%). Анализ партийного состава женщин- депутатов показывает устойчивый рост их представительства только у «Единой России» (в III созыве они составляли 44,4% от числа женщин-депутатов, в VI – 75%). Соотношение женщин, прошедших в парламент по одномандатным округам и партийными спискам,

© Мартынова О.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

меняется от созыва к созыву (в собрании IV созыва это было соотношение 50 на 50%, в V созыве – 37,5 и 62,5% , в VI – соответственно 66,7 и 33,3%). За указанный период женщины не занимали председательскую должность, однако большинство из них постоянно являлись и являются заместителями председателей и руководителями комитетов; руководителями фракций женщины становятся редко. Профессиональный состав и сфера деятельности женщин-депутатов Законодательного собрания Республики Карелия практически не подвергся изменениям за 20 лет: образование (от 33,3 до 44,4% в разные созывы), медицина (от 8,3 до 22%), экономика (около 10%), культура и искусство (от 0 до 16,6%). Большинство женщин-депутатов (55, 70, 37,5, 75%) трудятся на руководящих должностях. Почти все имеют высшее образование (не менее 75% в каждом созыве). Работники бюджетной сферы (от 43,75 до 60% в разные созывы) проходят в законодательную власть чаще, чем сотрудники бизнес-структур (не более 18,75%). На протяжении исследуемого периода большинство женщин становятся депутатами Законодательного собрания Республики Карелия, имея опыт работы в местных органах представительства различного уровня, причем от созыва к созыву их число возрастает.

Ключевые слова: Законодательное собрание Республики Карелия, депутаты, женское представительство, гендерный анализ в органах законодательной власти субъектов Российской Федерации, гендерные исследования, политическое представительство, политическое участие, женщина в политике, депутатский корпус, региональное представительство, муниципальное представительство, региональные легислатуры, женщины-депутаты

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 20-011-31091.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мартынова О.А. Динамика женского представительства в Законодательном собрании Республики Карелия 2002–2020 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 96–109. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-96-109

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-96-109

O.A. Martynova

Penza State University,
Penza, 440026, Russian Federation

Dynamics of women's representation in the Legislative Assembly of the Republic of Karelia 2002–2020

The article is devoted to women's representation in the Legislative Assembly of the Republic of Karelia of the third (2002–2006), fourth (2006–2011), fifth (2011–2016) and sixth (2016–2021) convocations. The research methodology is the collection of empirical material, the compilation of a database of statistical data, their systematization and analytical grouping by quantitative indicators. The source base includes materials from the website of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia, a website dedicated to the political life of the North-Western Federal District, party websites, memoirs and interviews of women deputies. The article systematizes the biographical data of women deputies, traces the party composition and its dynamics, analyzes the official structure of women deputies of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia in different convocations of the assembly, identifies the areas of their deputy activity, calculates the percentage of party, professional, and age composition. The percentage of women in the Legislative Assembly is growing steadily and steadily (among the deputies of the III convocation, women accounted for 15%, in the IV – 16.9%, in the V – 29%, in the VI – 33.3%). During this period, women did not hold the position of chairman, but most of them have always been and are deputy chairmen and heads of committees, and women rarely become leaders of factions. The professional composition of women deputies of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia has not changed in twenty years. The largest percentage of them are employed in education (from 33.3 to 44.4%), medicine (from 8.3 to 22%), economy (around 10%), culture and art (from 0 to 16.6%). Most of them (55, 70, 37.5, 75%) work in senior positions. Most women deputies in each convocation (not less than

75%) have a higher education. Public sector employees (from 44 to 60%) come to the legislative power more often than employees of business structures (not more than 18.75%). The main path of women in the Legislative Assembly of the Republic of Karelia during the study period remains representative activity, and from convocation to convocation, the number of those who have experience in working in local bodies of representation at various levels increases.

Key words: Legislative Assembly of the Republic of Karelia, deputies, women's representation, gender analysis in the legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation, gender studies, political representation, political participation, woman in politics, deputy corps, regional representation, municipal representation, regional legislatures, women deputies

Acknowledgment: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Research as part of a research project № 20-011-31091.

FOR CITATION: O.A. Martynova O.A. Dynamics of women's representation in the legislative assembly of the Republic of Karelia 2002–2020. *Locus*: *People*, *Society*, *Culture*, *Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 96–109. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-96-109

Проблема участия женщин в органах власти в настоящее время обрела особую актуальность в связи с расширением социальной активности женщин и их роли в современном обществе. Профессиональная деятельность женщин, их репродуктивные права, специфика условий труда, связанная с материнством, являются предметом активного и не всегда мирного обсуждения в органах власти и средствах массовой информации. Участие женщин в принятии законов, касающихся данных проблем, могло бы существенно ускорить решение многих из них.

Цель данной работы – проследить динамику женского представительства и основных направлений деятельности женщин в Законодательном собрании Республики Карелия, а также эволюцию социального портрета женщины-депутата данного органа власти. Предмет исследования – Законодательное собрание III (2002–2006), IV (2006–2011), V (2011–2016) и VI (2016–2021) созывов, для которых, в отличие от предыдущих, характерна однопалатная структура. Исследование проведено на базе следующих источников: материалы сайтов Законодательного собрания Республики Карелия[1], партий «Единая Россия», «Справедливая

[1] Законодательное собрание Республики Карелия. URL: http://karelia-zs.ru/deputaty/poisk_po_fraktsijam/ (дата обращения: 06.12.2020).

Россия», «Яблоко»; публикации сайта, посвященного политической жизни Северо-Западного федерального округа[2]; воспоминания и интервью женщин-депутатов.

Республика Карелия была и остается довольно благоприятным регионом в плане женского представительства. Так, женщина была главой палаты представителей первого постсоветского парламента республики (1994–1998), а парламент второго созыва (1998–2002), по словам одного из председателей Законодательного собрания В.Н. Семенова, «был уникален тем, что обе палаты в нем возглавляли женщины – Валентина Пивненко и Наталья Коцюба»[3]. Женщины в первых созывах парламента составляли 20,3 и 14,7% депутатского состава, что было довольно высоким показателем на фоне других субъектов Российской Федерации. Э.С. Новикова предполагает, что столь высокое женское представительство в законодательной власти начала 1990-х гг. связано с «нежеланием части общества принимать мужскую (более агрессивную) политику, поисками новых политических лидеров, решений и методов» [3, с. 18], а также с общим подъемом политической активности. По словам депутата И.В. Петеляевой, «когда в жизни все ровно и гладко, то почему-то многих начинают посещать мысли о том, что без парламента можно было бы и обойтись. Но в периоды потрясений и кризисов все народы обращаются к народовластию, иногда к самым непосредственным и прямым его формам»[4].

Первая тенденция, которая обращает на себя внимание при анализе динамики представленности женщин в Законодательном собрании Республики Карелия, – возрастание численности женщин от созыва к созыву. Так, если среди депутатов III созыва женщины составляли 15% (9 женщин из 60 депутатов), то в IV созыве собрания их было 16,9% (10 из 59), в V – 29% (16 из 55); максимальное представительство фиксируется в VI созыве, где женщины составляли 33,3% (12 из 36).

Не является неожиданностью партийный состав женщин-депутатов: большинство во всех четырех созывах принадлежит представительницам «Единой России», при этом следует отметить постоянное увеличение их присутствия в отличие от представительниц других политических партий. В III созыве они составляли 44,4% от числа женщин-депутатов,

[2] ЗакС.ру. Политическая жизнь Северо-Запада. URL: https://www.zaks.ru/new/archive/list/1-0/ (дата обращения: 06.12.2020).

[3] Цит. по: Алиева Г.А. Карельский парламент: Вчера. Сегодня. Завтра // Карельская Губернія. № 21 (939). 21.05.2014.

[4] Цит. по: Михайлов А.М. Ирина Петеляева: «Чтоб власть совесть имела». URL: http://karelia-zs.ru/obshnaya_informaciya/istoricheskaya_spravka/20_let_zakonodatelnomu_sobraniyu_respubliki_kareliya/irina_petelyaeva_chtob_vlast_sovest_imela/ (дата обращения: 06.12.2020).

в IV – 60%, в V – 31,25%, в VI – 75%. Связано это в первую очередь с лидерством партии «Единая Россия» на выборах: в собрании IV созыва ей принадлежало 27 мест из 59, в V – 19 из 55, в VI– 24 из 36 (и по общему количеству представителей партии, и по проценту женщин видно, что «Единая Россия» временно сдала позиции на выборах 2011 г.). Однако при рассмотрении состава фракции за указанный период времени виден устойчивый рост женского представительства. В собрании IV созыва женщины составляли 22,2% от общего числа представителей партии в парламенте, в собрании V созыва – 26,3% (в этом созыве фракцией «Единая Россия» руководила женщина – О.Н. Шмаеник), VI – 37,5%.

Значительно скромнее представлена Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ): только в собрании V созыва ее представляли три женщины (18,75% от общего числа женщин-депутатов и 37,5% от численности фракции – три женщины из восьми депутатов), в остальных созывах указанного периода – по одной женщине (это соответственно 25% и 33,3% депутатской фракции в собраниях IV и VI созывов).

Во всех созывах собрания присутствуют члены партии «Яблоко» женского пола, за исключением IV созыва, когда партия была снята с выборов. В собраниях III и VI созывов партию «Яблоко» представляли по одной женщине (в VI созыве это 33,3% от общего количества депутатов фракции, т.е. одна женщина из трех депутатов), в собрание V созыва прошли четыре женщины из партии «Яблоко», что составляло 25% от общего количества женщин-депутатов (правда, одна из них уже в процессе работы собрания перешла в депутатскую группу «Гражданская позиция»), и состав фракции в собрании 2011–2016 гг. был чисто женским.

Женщины также представляют в собрании партию «Справедливая Россия» и «Российскую партию пенсионеров». «Российскую партию пенсионеров» в VI созыве представляла одна женщина – Л.В. Суворова, назначенная также руководителем данной фракции (всего партия была представлена в собрании тремя депутатами). Наиболее успешными для «Справедливой России» (и женщин в ее составе) были выборы в V созыв Законодательного собрания республики – первые выборы в законодательную власть региона после ее учреждения. Представители партии получили 12 мандатов из 55. Среди них были четыре женщины (25% от общего числа женщин-депутатов и 33,3% в составе фракции «Справедливой России»). Однако на выборах 2016 г. успех повторить не удалось: партия получила три мандата, из которых один достался женщине.

Ни одной женщины на протяжение рассматриваемого периода не было в составе фракции ЛДПР.

Подводя итог, можно отметить ее одну тенденцию женского представительства в Законодательном собрании Карелии. Устойчивый рост женского представительства характерен только для партии «Единая Россия». В остальных партиях устойчивой динамики не прослеживается. Колебания женского представительства в партийных фракциях может быть достаточно значительным, причем в обе стороны, и не всегда зависит от общего количества депутатов партии в собрании.

В 2007 г. О.Б. Максимова отметила, что бóльшая часть российских женщин-политиков проходит в законодательную власть и органы представительства по одномандатным округам и этим отличаются от своих европейских коллег, большинство которых проходят в законодательные органы по партийным спискам [2, с. 30]. Анализ состава Законодательного собрания Республики Карелия не дает возможности подтвердить или опровергнуть это утверждение, т.к. соотношение женщин, прошедших в парламент этими способами, меняется от созыва к созыву. Так, в собрании IV созыва соотношение это было 50 на 50%, в V созыве 37,5% женщин прошло по одномандатным округам, 62,5% – по партийным спискам. В парламент VI созыва – соответственно 66,7 и 33,3%. III созыв не рассматривается, т.к. его депутаты избирались исключительно по одномандатным округам. Более показательная картина вырисовывается при рассмотрении партийной принадлежности депутатов, выдвинутых указанными способами.

Среди представительниц «Единой России» динамика следующая: в IV созыве собрания число прошедших по одномандатным округам и по партийному списку поделилось пополам (3 и 3 женщины), в V созыв по одномандатным округам прошли 2 представительницы партии, по единому округу – 3, в шестой – 8 и 1 соответственно. Таким образом, оба способа выдвижения депутатов играют свою роль в формировании женского состава фракции, небольшое количество выборов по смешанной системе не позволяет говорить об устойчивом преимуществе одного из них

Из представительниц КПРФ по одномандатному округу была избрана всего одна женщина (V созыв собрания), все остальные (1 женщина-депутат в IV созыве, 2 – в V, 1 – в VI) были избраны по партийным спискам. По единому избирательному округу прошли в парламент все без исключения женщины, представляющие «Российскую партию пенсионеров» (1 женщина в IV созыве) и «Справедливую Россию» (4 – в V созыве, 1 – в VI). Из депутатов «Яблока» V созыва по одномандатным округам были избраны 3 женщины, по списку – 1. Единственная представительница партии в собрании VI созыва была избрана по партийному списку.

Таким образом, видно, что представительницы правящей партии избираются в Законодательное собрание Республики Карелия и по спискам, и по одномандатным округам. В собрании последнего созыва наблюдается преимущество одномандатниц, но устойчивую закономерность пока проследить нельзя. Женщины, принадлежащие к оппозиционным партиям, значительно чаще проходят в собрание по партийным спискам.

Роль женщин в Законодательном собрании Республики Карелия показывает анализ его руководящего состава. Со времен первых двух созывов парламента, палатами которых руководили В.Н. Пивненко и Н.А. Коцюба (первая из них была председателем палаты два раза), ни одна женщина не была избрана председателем собрания. Однако среди заместителей председателей за указанный период женщин не было только в собрании III созыва. В собрании IV созыва заместителем председателя была одна женщина, в собрании V созыва – три, в собрании VI созыва – одна. Аналогичная ситуация складывалась с руководством фракциями: в собрании IV созыва женщина руководила одной из пяти фракций, в V созыве – двумя из пяти, в VI – одной из пяти. Женщины представлены также среди руководителей комитетов. В собрании III созыва женщины руководили тремя комитетами из девяти (33,3%), одна женина была заместителем председателя комитета. В собрании IV созыва женщины составляли 22% руководства комитетами (2 из 9), заместителями руководителей были 3 женщины. В V созыве доля женщин-руководителей комитетов повысился до 30% (женщины возглавляли 3 комитета из 10), заместителями председателей комитетов были 2 женщины. В собрании VI созыва женщины составляют 37,5% от руководства комитетов (возглавляют 3 комитета из 8), посты заместителей председателей комитетов занимают 4 женщины.

Подводя итог, можно отметить, что большая часть женщин-депутатов трех последних созывов занимали руководящие должности в структуре управления Законодательного собрания Республики Карелия. В собрании III созыва руководителями и заместителями руководителей разных объединений были 44% женщин-депутатов, в IV созыве – 70%, в V – 62,5%, в VII – 75%. Также видна тенденция к увеличению числа женщин, занимающих руководящие посты в Законодательном собрании, хотя увеличение это нельзя назвать непрерывным и неуклонным.

В отношении распределения по сферам политической деятельности, которыми наиболее активно занимаются женщины-депутаты в органах представительства, существует и часто претворяется в жизнь расхожий стереотип о типично женских сферах активности, связанных с социальной политикой, образованием, здравоохранением, культурой. Как

отмечает в своей докторской диссертации Т.Б. Рябова, «приписываемые женщине моральные качества – заботливость, самопожертвование, мягкость, преданность семье, – несмотря на их позитивную оценку, ценятся в политическом лидере ниже, чем компетентность, независимость, автономность, индивидуализм, приписываемые мужчинам. Хотя использование гендерных стереотипов, как правило, не преследует сознательную цель дискредитации женщин-политиков как таковых, оно влечет за собой снижение легитимности женственности в политической сфере и, как следствие, уменьшение возможностей женщин участвовать во власти» [4, с. 25]. Нельзя сказать, что женщины-депутаты Законодательного собрания Республики Карелия стремятся опровергнуть этот стереотип. Так, отвечая на вопрос: «Какой законопроект был для Вас самым сложным в обсуждении и принятии?», Г.А. Разбивная вспомнила закон «Об обеспечении лекарственными препаратами, средствами введения инсулина и средствами самоконтроля граждан, больных сахарным диабетом», С.Е. Токарева – закон «О государственном обеспечении и социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Е.А. Ворошило – закон «О молодежной политике в Республике Карелия». Сразу три женщины вспомнили о своей отрицательной реакции на закон «О ветеранах»[5]. Говоря о мотивах своей многолетней политической деятельности, И.В. Петеляева высказала уверенность, что парламент нужен, «чтобы стариков и малоимущих никто не делал объектом своих экспериментов и источником “экономии”»[6]. Однако деятельность женщин в парламенте Карелии показывает неактуальность деления сфер депутатской работы на мужские и женские. Отвечая на вышеупомянутый вопрос о самом сложном законе, женщины-депутаты всех созывов наряду с социальными законами

[5] Депутаты III созыва: 2002–2006 гг. // Законодательное собрание Республики Карелия. URL: http://karelia-zs.ru/obshnaya_informaciya/istoricheskaya_spravka/20_let_zakonodatelnomu_sobraniyu_respubliki_kareliya/deputaty_iii_sozyva_2002-2006_gody/ (дата обращения: 06.12.2020); Четвертый созыв Законодательного собрания Республики Карелия: 2006–2011 гг. // Законодательное собрание Республики Карелия. URL: http://karelia-zs.ru/obshnaya_informaciya/istoricheskaya_spravka/20_let_zakonodatelnomu_sobraniyu_respubliki_kareliya/chetvyortyj_sozyv_zakonodatel_nogo_sobraniya_respubliki_kareliya_2006-2011_gody/ (дата обращения: 06.12.2020); Пятый созыв Законодательного собрания республики Карелия: 2011–2016 гг. // Законодательное собрание республики Карелия. URL: http://karelia-zs.ru/obshnaya_informaciya/istoricheskaya_spravka/20_let_zakonodatelnomu_sobraniyu_respubliki_kareliya/pyatyj_sozyv_zakonodatel_nogo_sobraniya_respubliki_kareliya_2011-2016_gody/ (дата обращения: 06.12.2020).

[6] Пятый созыв Законодательного собрания республики Карелия: 2011–2016 гг. // Законодательное собрание республики Карелия. URL: http://karelia-zs.ru/obshnaya_informaciya/istoricheskaya_spravka/20_let_zakonodatelnomu_sobraniyu_respubliki_kareliya/pyatyj_sozyv_zakonodatel_nogo_sobraniya_respubliki_kareliya_2011-2016_gody/ (дата обращения: 06.12.2020).

вспоминают законы «Об административных правонарушениях» (О.Н. Шмаеник), «О нотариате» (Л.М. Клейкова), «О межбюджетных отношениях» (С.Е. Токарева), «О некоторых вопросах регулирования земельных отношений» (Л.В. Жданова) и др.[7]

Анализ руководства парламента также показывает отсутствие гендерного разделения сфер деятельности. Так, в собрании III созыва из четырех женщин – председателей и заместителей председателей комитетов – только две (50%) руководили традиционно «женскими» направлениями: комитетами по социальной политике и по образованию, культуре, спорту и делам молодежи. В собрании IV созыва в «женской» сфере было 40% женщин – председателей и заместителей председателей комитетов (2 из 5). В собрании V созыва комитетами по социальной политике и по образованию, культуре, спорту и делам молодежи руководили исключительно мужчины. В собрании VI созыва «женскими» комитетами руководят 2 женщины из 7 (28,5%). Во всех созывах парламента женщины в разное время руководили комитетами по бюджету и налогам, по законности и правопорядку, по государственному устройству и местному самоуправлению, по экономической политике. Таким образом, здесь даже нельзя проследить динамику перераспределения обязанностей по гендерному признаку. Очевидно, что устойчивого разделения обязанностей на «мужские» и «женские» в Законодательном собрании Республики Карелия никогда не было.

Особого рассмотрения требует опыт политической деятельности женщин-депутатов Карелии. Среди них мало бывших госслужащих. В собрании III созыва опыт государственной службы имели две женщины: Е.А. Ворошило, заведующая отделом образования Суоярвского района, и М.П. Маркелова, главный специалист Министерства здравоохранения Республики Карелия. В IV созыве Е.А. Ворошило была единственной госслужащей. В собраниях V и VI созыва принимала (и принимает) участие бывшая заместитель министра образования республики

[7] Депутаты III созыва: 2002–2006 гг. // Законодательное собрание Республики Карелия. URL: http://karelia-zs.ru/obshnaya_informaciya/istoricheskaya_spravka/20_let_zakonodatelnomu_sobraniyu_respubliki_kareliya/deputaty_iii_sozyva_2002-2006_gody/ (дата обращения: 06.12.2020); Четвертый созыв Законодательного собрания Республики Карелия: 2006–2011 гг. // Законодательное собрание Республики Карелия. URL: http://karelia-zs.ru/obshnaya_informaciya/istoricheskaya_spravka/20_let_zakonodatelnomu_sobraniyu_respubliki_kareliya/chetvyortyj_sozyv_zakonodatel_nogo_sobraniya_respubliki_kareliya_2006-2011_gody/ (дата обращения: 06.12.2020); Пятый созыв Законодательного собрания республики Карелия: 2011–2016 гг. // Законодательное собрание республики Карелия. URL: http://karelia-zs.ru/obshnaya_informaciya/istoricheskaya_spravka/20_let_zakonodatelnomu_sobraniyu_respubliki_kareliya/pyatyj_sozyv_zakonodatel_nogo_sobraniya_respubliki_kareliya_2011-2016_gody/ (дата обращения: 06.12.2020).

И.В. Петеляева, в собрании VI созыва – глава администрации МО «Сумпосадское сельское поселение» И.В. Кузичева.

Мало среди женщин-депутатов и сотрудников аппаратов партий. В IV и V созывах собрания таких было две, они представляли «Российскую партию пенсионеров» и «Яблоко». Таким образом, процент сотрудников аппарата партий в Законодательном собрании Республики Карелия ничтожно мал, и все они представляют оппозиционные партии. При этом в парламенте среди женщин-депутатов нет ни одной сотрудницы аппарата «Единой России», рядовые представительницы или сторонницы которой составляют большинство во всех его созывах. Поэтому можно предположить, что женщин допускают на лидирующие позиции в оппозиционных и сравнительно малочисленных партиях, но не в многочисленной правящей.

Однако динамика женского представительства показывает, что партия постепенно становится непременным посредником между политически активной женщиной и органом законодательной власти. На протяжении исследуемого периода в Законодательное собрание Республики Карелия прошли только четыре женщины – самовыдвиженки (по две в III и IV созыв, в двух последних созывах не было ни одной). Для двух из них это стало единственным прохождением в собрание, две других переизбирались уже в качестве представительниц «Единой России».

Также налицо отсутствие устойчивой динамики формирования слоя профессиональных политиков из рядов депутатов. Так, в III созыве собрания 6 из 9 (66,6%) женщин имело опыт представительской деятельности, причем 4 из них были депутатами республиканского законодательного собрания, 2 – депутатами местных органов представительства. В собрании IV созыва опыт представительства имели 6 женщин из 10 (60%): 4 – депутаты Законодательном собрании Республики Карелия прежних созывов, 1 – народный депутат СССР, 1 – депутат Петрозаводского городского совета. В V созыве процент женщин, имеющих опыт представительской деятельности, упал до 56,25% (9 из 16), но значительно возросло число женщин, пришедших из местных органов представительства (их стало 6), тогда как опыт работы в Законодательном собрании Республики Карелия имели 5 женщин-депутатов данного созыва (2 из них успели поработать на обоих уровнях). В собрании VI созыва опыт представительства имели 8 женщин из 12 (66,6%), на этот раз число женщин, пришедших из местных органов представительства и имеющих опыт работы в Законодательном собрании Республики Карелия, равно – по 5 человек (и снова 2 из них работали и там, и там). То есть видны колебания в количестве женщин-депутатов, пришедших в Законодательное собрание Республики Карелия, имея опыт

представительской деятельности (диапазон – около 10%, но их всегда больше половины, так что колебания не настолько значительны, чтобы определять общую картину). Но при этом достаточно четко прослеживается выстраивание вертикали карьерного роста депутата: принадлежность к политической партии, работа в местных органах представительства, работа в составе Законодательном собрании Республики Карелия. От созыва к созыву становится все меньше самовыдвиженок, а число женщин, прошедших через местные органы представительства, возрастает. На это указывает и тот факт, что женщины-депутаты, избиравшиеся в Законодательное собрание несколько раз, являлись и являются либо профессиональными депутатами, либо сотрудниками аппаратов партий, либо сотрудниками администраций разного уровня, либо руководителями околополитических организаций (например, филиала ВГТРК).

Выстраивая социальный портрет женщины-депутата Законодательного собрания Республики Карелия, можно выделить ряд характерных особенностей. В первую очередь, почтенный возраст женщин-депутатов, характерный, впрочем, для всего Северо-Западного федерального округа: во всех созывах большинство из них старше 50 лет. Причем их количество практически неуклонно повышается от созыва к созыву: в III созыве – 55%, в IV – 70%, в V – 56,25%, в VI – 75%. Этому может быть двоякое объяснение. К данному возрасту женщина нарабатывает опыт, позволяющий ей ориентироваться в проблемах реальной жизни и в способах их изменений. Еще одной причиной подобного возрастного ценза может быть уменьшение количества семейных обязанностей (все же по традиции они считаются женскими) и освобождение женщины от заботы о детях (к этому возрасту женщины они обычно вырастают и становятся самостоятельными).

Н.М. Козлова еще в 2017 г. отметила высокий образовательный ценз среди женщин-депутатов Северо-Западного федерального округа [5, с. 121]. В Законодательном собрании Республики Карелия это можно наблюдать в полной мере. Так, среднеспециальное образование имеют только по одной женщине в каждом из созывов парламента. Большинство женщин-депутатов имеют высшее образование (77,7, 80, 87,5, 75% в каждом созыве соответственно). Кроме того, в III и V созыве присутствуют по одной женщине, имеющей степень кандидата наук, в собрании VI созыва их две. Ученая степень доктора наук есть у одной женщины-депутата IV созыва. Очевидно, что уровень образования женщин достаточно высок, и с течением времени эта картина практически не меняется.

Разбирая профессиональный состав женщин-депутатов Законодательном собрании Республики Карелия, можно отметить, что он также практически не подвергся изменениям за двадцать лет. Наибольший

их процент составляют педагоги (по порядку созывов: 44,4, 40, 43,75, 33,3%). Второе место занимают медицинские работники (22, 20, 12,5, 8,3%), третье – те, кто связан с экономикой (11, 10, 12,5, 8,3%), четвертое – с культурой и искусством (11, 0, 6,2, 16,6%). Можно наблюдать, что неуклонно снижается только процент занятых в медицине, во всех остальных сферах присутствуют колебания, но устойчивой динамики не прослеживается. При этом небольшая часть работающих женщин-депутатов являются рядовыми специалистами (10% в IV созыве, 25% в V, 16% в VI; в III созыве таковых не имеется). Большинство (55, 70, 37,5, 75%) трудятся на руководящих должностях. Таким образом, V созыв Законодательного собрания Республики Карелия был наиболее демократичным, равно как и наиболее многопартийным. При этом работники бюджетной сферы (44, 60, 43,75, 50%) проходят в законодательную власть чаще, чем сотрудники бизнес-структур (11, 0, 18,75, 16,6%). По одной женщине в каждом созыве занято в некоммерческих профсоюзных организациях. Профессиональные политики составляют 33,3, 30, 31,25, 25% соответственно. То есть в статусном составе женщин-депутатов устойчивой динамики также не прослеживается.

Подводя итог исследования, можно сделать следующие выводы. Процент женщин в Законодательном собрании Республики Карелия растет неуклонно и устойчиво, однако анализ партийного состава женщин-депутатов показывает устойчивый рост их представительства только у «Единой России», в остальных партиях наблюдаются колебания, кроме ЛДПР с ее чисто мужским составом.

Стоит отметить, что женщины представляют в собрании практически все крупные партии (за исключением ЛДПР); наиболее разнородным в этом плане был V созыв собрания.

За указанный период женщины не занимали председательскую должность, однако большинство из них постоянно являлись и являются заместителями председателей и руководителями комитетов, руководителями фракций женщины становятся редко. При этом сферы депутатской деятельности собрания ни в одном созыве не делятся на «мужские» и «женские».

Основным путем попадания женщин в Законодательном собрании Республики Карелия на протяжении исследуемого периода остается представительская деятельность, причем от созыва к созыву снижается процент самовыдвиженок и возрастает число тех, кто имеет опыт работы в местных органах представительства различного уровня. Несколько раз переизбираются в Законодательное собрании Республики Карелия политики, сотрудники аппаратов партий и руководители околополитических организаций.

Большинство женщин-депутатов имеют высшее образование, трудятся на руководящих должностях в бюджетных организациях. Наиболее разнообразным по партийному, профессиональному и статусному составу был пятый созыв Законодательном собрании Республики Карелия, однако общие тенденции сохранились на протяжении всех четырех созывов и менялись незначительно.

Библиографический список / References

1. Козлова Н.Н. Реализация избирательных прав женщин в современной России: представительство женщин в региональных легислатурах Северо-Западного федерального округа // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 1–2. С. 114–127. [Kozlova N.N. Implementation of women's electoral rights in modern Russia: Representation of women in regional legislatures of the North-Western Federal district. *Grazhdanin. Vybory. Vlast.* 2017. No. 1–2. Pp. 114–127. (In Rus.)]
2. Максимова О.Б. Политическая карьера женщин в России и странах Запада: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2007. № 1. С. 27–35. [Maksimova O.B. Women's political careers in Russia and Western countries: A comparative analysis. *RUDN Journal of Political Science*. 2007. No. 1. Pp. 27–35. (In Rus.)]
3. Новикова Э.С. Женщины в политической жизни России // Преображение (Русский феминистский журнал). 1994. № 2. С. 13–18. [Novikova E.S. Women in Russian political life. *Preobrazhenie* (*Russkij feministskij zhurnal*). 1994. No. 2. Pp. 13–18. (In Rus.)]
4. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Нижний Новгород, 2009. [Ryabova T.B. Gendernye stereotipy v politicheskoj sfere sovremennogo rossijskogo obshchestva: sociologicheskijanaliz [Gender stereotypes in the political sphere of modern Russian society: A sociological analysis]. PhD theses. Nizhny Novgorod, 2009.]

Статья поступила в редакцию 11.12.2020, принята к публикации 21.01.2021
The article was received on 11.12.2020, accepted for publication 21.01.2021

Сведения об авторе / About the author

Мартынова Ольга Александровна – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации» Юридического института, Пензенский государственный университет

Olga A. Martynova – PhD in Philosophy; Associate Professor at the Department of Philosophy and Social Communications of the Law Institute, Penza State University, Russian Federation

E-mail: martoa@mail.ru

Политическая культура
и идеология

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-110-128

М.Н. Казакова, И.Г. Напалкова

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва,
430000 г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация

Патриотизм в системе актуальных ценностей россиян: кейс Республики Мордовия

Патриотизм является важным элементом формирования и сохранения общероссийской гражданской идентичности, укрепление которой признано одной из значимых целевых установок государственной политики нациестроительства. В статье представлен анализ патриотических установок в системе ценностных ориентаций россиян на примере жителей Республики Мордовия, осуществленный средствами анкетирования, проведенного в феврале-июне 2020 г. Выборка составила 400 человек. Отбор единиц анализа был осуществлен по методу серийной выборки: мужчины 18–35 лет – 70 чел., 36–60 лет – 82 чел., 61–80 лет – 24 чел.; женщины 18–35 лет – 76 чел., 36–55 лет – 82 чел., 56–80 лет – 66 чел. Дополнительными характеристиками стали образование (неполное среднее – 2,3%; среднее общее – 17,0%; среднее профессиональное – 5,3%; среднее специальное/техническое – 14,7%; неполное высшее образование – 26,9%; высшее образование – 28,2%; ученая степень – 5,6%) и национальность (русские – 74,9%; мордва – 16,8%; татары – 3,0%; представители других национальностей – 1,8%). Выборочная совокупность исследования рассчитывалась с погрешностью 4%, таким образом, проведенное исследование репрезентативно, объем выборочной совокупности позволяет

© Казакова М.Н., Напалкова И.Г., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

обнаружить общие тенденции. На основе анкетного опроса изучены сущностные характеристики категории «патриотизм», его доминирующие интерпретации, произведен замер ценностных характеристик в порядке убывания значимости. Исследование показало, что патриотизм на аксиологическом уровне занимает срединные позиции в системе ценностей респондентов, в плане деятельностного отношения превалирует позитивно-пассивное начало. На основе проведенного анализа авторы приходят к выводу, что патриотизм включен в комплекс основных ценностей. Проявлений антипатриотизма и патриотического нигилизма не выявлено.
Ключевые слова: национальная идея, ценностные ориентации, патриотизм, гражданственность, самоидентификация, Республика Мордовия

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Казакова М.Н., И.Г. Напалкова И.Г. Патриотизм в системе актуальных ценностей россиян: кейс Республики Мордовия // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 110–128. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-110-128

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-110-128

M.N. Kazakova, I.G. Napalkova

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, 430005, Russian Federation

Patriotism in the system of actual values of Russians: The case of the Republic of Mordovia

Patriotism is an important element in the formation and preservation of an all-Russian civic identity, the strengthening of which is recognized as one of the most significant targets of the state policy of nation-building. The article presents an analysis of patriotic attitudes in the system of value orientations of Russians on the example of residents of the Republic

of Mordovia, on the basis of a survey conducted in February-June 2020. The sample consisted of 400 people. The selection of units of analysis was carried out according to the method of serial sampling: men 18–35 years old – 70 people, 36–60 years old – 82 people, 61–80 years old – 24 people; women 18–35 years old – 76 people, 36–55 years old – 82 people, 56–80 years old – 66 people. Among additional characteristics there was education (incomplete secondary – 2.3%; general secondary – 17.0%; secondary vocational – 5.3%; secondary specialized/technical – 14.7%; incomplete higher education – 26,9%; higher education – 28.2%; academic degree – 5.6%) and nationality (Russians – 74.9%; Mordovians – 16.8%; Tatars – 3.0%; representatives of other nationalities – 1.8%). The sample population of the study was calculated with a 4% error, that is, the deviations in the results obtained are ±4%, thus, the study carried out is representative, the volume of the sample population allows to detect general trends. On the basis of a questionnaire survey, the essential characteristics of the category "patriotism", its dominant interpretations have been studied, the value characteristics have been measured in decreasing order of importance. The study showed that patriotism at the axiological level occupies a middle position in the respondents' system of values; in terms of the activity attitude, the positive-passive principle prevails. Based on the carried-out analysis, the authors come to the conclusion that patriotism is included in the complex of basic values, manifestations of antipatriotism and patriotic nihilism have not been identified.

Key words: national idea, value orientations, patriotism, citizenship, self-identification, Republic of Mordovia

Acknowledgment. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-011-00364 A.

FOR CITATION: Kazakova M.N., Napalkova I.G. Patriotism in the system of actual values of Russians: The case of the Republic of Mordovia. *Locus*: *People*, *Society*, *Culture*, *Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 110–128. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-110-128

В современной России на уровне государственных акторов признана необходимость формирования национальной идеи как «консолидирующего начала», «основы всех позитивных преобразований в стране», как «идеи, конструктивно мобилизующей население». В качестве национальной идеи, вокруг которой должна строиться и политическая, и духовная, и культурная жизнь общества, Президентом РФ В.В. Путиным была предложена идея патриотизма. В официальной доктрине данный подход был закреплен в Послании Президента Федеральному

Собранию 12 декабря 2012 г. и в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» от 30 декабря 2015 г. В документах стратегического планирования патриотизм закрепляется как «основа духовной общности российских народов»[1], «гражданской солидарности, реализации конституционных прав человека, его обязанностей, гражданского и воинского долга»[2], как «общая ценность, формирующая фундамент государственности»[3].

Как социальный феномен патриотизм является особой ценностью, которая формируется в процессе социализации. Важными составляющими данного процесса является проявление гражданской позиции, осознание чувства сопричастности к главным событиям общегосударственного масштаба, ответственности за судьбу страны. Для определения того, насколько патриотическая идея укоренена в сознании граждан, значимости патриотизма для современного российского общества, необходимо изучать его место в системе актуальных ценностей населения. Именно система ценностей человека выступает основой мировоззренческой системы, движущей силой его сознания и регулятором поведения, «лакмусом», определяющим общественные настроения. Кроме того, мониторинг позволяет определить, насколько эффективна государственная политика в области нациестроительства, какой эффект дает реализация государственных программ и проектов в области патриотизма, «претендующих на то, чтобы стать для России линией дальнейшего развития» [13, с. 13].

Вопросы, касающиеся ценностных оснований российского общества и патриотизма в системе ценностей россиян, являются предметом изучения многих исследователей [1; 2; 4; 6; 9; 10; 17 и др.].

Исследовательские направления и сравнительный анализ ценностей характеризуется переходом от сравнения средних показателей по стране или кросснациональных исследований к изучению структуры ценностей на индивидуальном, групповом уровнях, к выделению ценностных классов и комплексов. При сравнении ценностей населения «различных

[1] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.12.2012 (ред. от 06.12.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 18.11.2020).

[2] О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»: Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493. URL: http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkH1jsKAErrx2dE4q0ws (дата обращения: 18.11.2020).

[3] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 18.11.2020).

демографических, гендерных, социальных групп нужно учитывать их "внутреннюю ценностную неоднородность", изучать не только декларируемые, но и латентные ценности, а также общий ценностный фон» [20, с. 46].

Патриотизм в структуре гражданской идентичности российского общества представлен в работах В.В. Дьяковой [8], Э.А. Зелетдиновой [11], Г.И. Козырева [14], А.И. Кугая [16], М.Ю. Мартынова и А.И. Габеркорн [19], Т.А. Шульгиной и Н.А. Непочатых [25] и др.

При этом, как отмечает Л. М. Дробижева, увеличилось число исследований, актуализирующих «идею дрейфа идентичности… прежде всего, этнической и переключение внимания населения с этнической идентичности на осознание государственной – российской идентичности» [7, с. 12]. Соотношение общегражданских и этнических идентификаций в структуре социальной идентичности изучается зачастую для «понимания возможности реализации государственных социальных проектов, претендующих на то, чтобы стать для России линией дальнейшего развития» [13, с. 13].

В качестве прикладной методологии чаще других выбирается метод анкетирования [1; 8; 10; 11; 14; 18 и др.], т.к. он позволяет собрать большой спектр тематически необходимой информации в широком социально-демографическом диапазоне, дает возможность пилотажного исследования, а также перепроверки данных, сравнительного анализа по разным выборочным характеристикам, вторичного анализа и лонгитюда, а также хорошо сочетается с другими прикладными методиками в политологических исследованиях.

Базовым прикладным методом данного исследования выступил кейс-стади как традиционный метод качественной политологической парадигмы. В качестве отдельного случая рассматривается Республика Мордовия с одной стороны, как типичный субъект Российской Федерации, с другой – как национальная республика, в которой проживают граждане 119 национальностей (в национальном составе преобладают русские, мордва (мокша, эрзя), татары). Конструктивная валидность достигалась за счет использования различных источников информации, а внутренняя – за счет использования различных исследовательских методов, как количественных, так и качественных.

Сбор материалов для описания кейса осуществлялся с помощью методов обобщения, анализа документов, официальной статистической информации, а также с помощью метода анкетирования населения.

Анкетный опрос проведен очно с помощью специально разработанного бланка «Ценностные ориентации в современном российском обществе: национально-государственный аспект», включающего 26 вопросов

открытых, полузакрытых и закрытых [21, с. 66–67]. Опрошено 400 чел. Территориальные рамки: городской округ Саранск. Основой отбора единиц анализа выступила гендерная принадлежность. Отбор единиц анализа был осуществлен по методу серийной выборки: мужчины 18–35 лет – 70 чел., 36–60 лет – 82 чел., 61–80 лет – 24 чел.; женщины 18–35 лет – 76 чел., 36–55 лет – 82 чел., 56–80 лет – 66 чел. Дополнительными характеристиками стали образование (неполное среднее – 2,3%; среднее общее – 17,0%; среднее профессиональное – 5,3%; среднее специальное/техническое – 14,7%; неполное высшее образование – 26,9%; высшее образование – 28,2%; ученая степень – 5,6%) и национальность (русские – 74,9%; мордвины – 16,8%; татары – 3,0%; представители других национальностей – 1,8%).

Выборочная совокупность исследования рассчитывалась с 4% погрешностью, т.е. отклонения в полученных результатах составляют ±4%, таким образом, проведенное исследование репрезентативно, объем выборочной совокупности позволяет обнаружить общие тенденции.

Для замера отдельных ценностных характеристик респондентам было предложено расположить предложенные жизненные ценности в порядке убывания значимости (1 – наиболее значимая позиция, 19 – наименее значимая). В результате поул-позицию заняли такие конкретные конструкты, как «крепкое здоровье» (2,3 балла), «хорошая семья» (2,7), «интересная работа» (5,5), «материальная обеспеченность» (5,6), «хорошее образование» (6,3), относящиеся к базовым ценностям. Оценочное распределение представлено на рис. 1.

Ценность «крепкое здоровье» стала абсолютным лидером как в гендерном срезе (и у мужчин, и у женщин), так и в возрастном, что связано, в том числе, с масштабным распространением коронавируса и связанным с этим напряженным информационным фоном, формирующим чувство опасности относительно заражения COVID-19 и заставляющим граждан задуматься о ценности жизни и больше заботиться о своем здоровье и здоровье близких людей.

Ценность «хорошая семья» также была поставлена на первые места, причем как у людей старшего и среднего возраста, так и у молодежи (18–35 лет), и в общем перечне заняла вторую позицию, только с разным балльным объемом: мужчины 61–80 лет – 1,96 балла; женщины 56–80 лет – 2,11; мужчины 36–60 лет – 2,44; женщины 36–55 лет – 2,07; мужчины 18–35 лет 3,96; женщины 18–35 лет – 3,6.

Полученные данные коррелируют с опросом ВЦИОМ (2020) [5], согласно которому своими главными жизненными ценностями россияне называют «здоровье», «семейное благополучие» и «наличие работы». Причем их значимость оставалась стабильно высокой за все время

ISSN 2500-2988

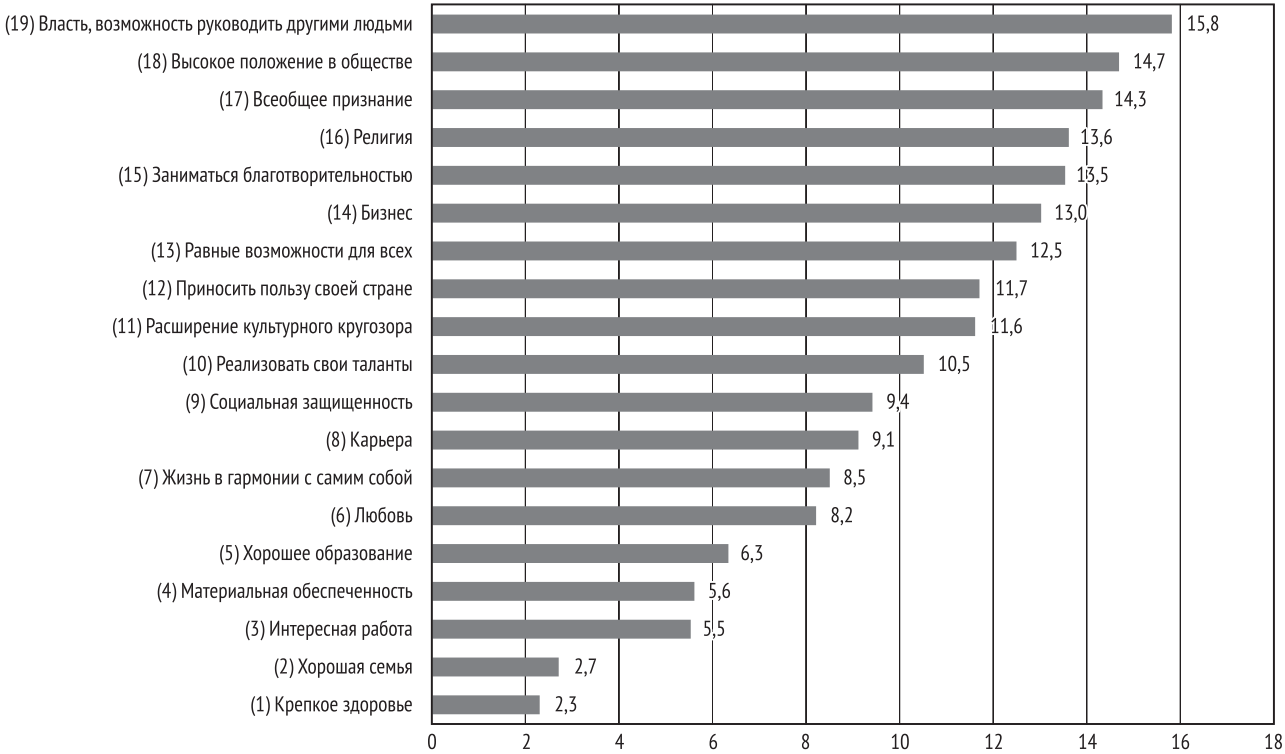

Рис. 1. Рейтинг жизненных ценностей респондентов в порядке убывания значимости (Республика Мордовия, 2020 г.)

измерений, а вот пункт «материальное благосостояние» несколько опустился, что, возможно, также связано с наполненностью понятия и текущей социальной ситуацией. Благодаря материальным благам у человека появляется определенное качество жизни и больше возможностей (для образования, путешествий, вести определенный комфортный и удобный образ жизни и т.д.), а в ситуации пандемии это менее ценно, чем, например, здоровье.

Меняется и содержание понятия «качественная жизнь» для населения, особенно в регионах. Так, по данным исследования, проведенного в октябре 2020 г. во всех федеральных округах РФ компанией «Росгосстрах Жизнь» и банком «Открытие» [23], 70,4% опрошенных главным признаком качественной жизни назвали «крепкое здоровье» и только 41,6% – «высокий уровень дохода», 31,7% – «наличие собственного жилья», 18% – «возможность путешествовать по миру» и др.

Ценностную периферию в нашем опросе (см. рис. 1) составили такие позиции, как «власть, возможность руководить другими людьми» (15,8 баллов), «высокое положение в обществе» (14,7), «всеобщее признание» (14,3), «религия» (13,6), «заниматься благотворительностью» (13,5). Во всероссийском срезе «социальный статус и положение в обществе» имеют более высокие оценки и занимают средние позиции.

Наименее значимой для жителей республики является и позиция «заниматься благотворительностью» (15–16 место во всех возрастных группах). Возможно, это объясняется определенным недоверием к организациям и лицам, занимающимся подобной деятельностью, а также отсутствием избыточных материальных ресурсов. По данным Федеральной службы государственной статистики РФ, Мордовия, наряду с Карачаево-Черкесской Республикой, республиками Чечня и Ингушетия, а также Ивановской и Брянской областями, составляют 6 регионов-аутсайдеров по уровню средней заработной платы населения [24].

В контексте предмета нашего исследования представляется важным определение такой позиции, как «желание приносить пользу своей стране». В общем числе респондентов данная ценность занимает срединные позиции (12 место из 19). Но у людей старшего возраста ее значимость выше, чем у молодежи. Так, в группе мужчин 61–80 лет она поставлена на 6 место, женщин 56–80 лет – на 9, мужчин 18–35 лет – на 16, женщин 18–35 лет – на 15. Представители старшего возрастного диапазона родились и выросли в СССР, где концепт «приносить пользу своей стране» был основой системы воспитания и активно пропагандировался.

В целом, полученные данные свидетельствуют о преобладании базовых жизненных ценностей над социально-политическими.

Среди ценностей, которые доминируют в современном российском обществе, респондентам предлагалось выбрать 5 из 20. Они выделили ценности культуры с низкой дистанцией власти: «индивидуализм» (48%), «самореализация» (40,1%), «свобода» (38,3%), «риск» (30%), и одновременно высокой дистанцией – «сильная власть» (37,8%). Это может свидетельствовать о неустойчивости ценностной системы.

Патриотизм в число доминант включили 24,5% опрошенных, а в демографической группе женщин 36–55 лет он вошел в число доминант, что в целом демонстрирует включение патриотизма в комплекс основных ценностей. Меньше всего выбирали «интернационализм» (8,1%) и «коллективизм» (7,9%), значимые ценности советской эпохи.

Неустойчивость ценностной системы также подтверждается ответами на вопрос: «Одобряете ли Вы сегодняшние ценности Российского государства в целом?»: однозначное одобрение выразили 9,8%, неодобрение – 12,6%. Большинство же респондентов остановили свой выбор на ответе, содержащем сомнение и неуверенность: «скорее одобряю» (31,6%) и «скорее не одобряю» (31,7%).

Патриотизм является элементом общероссийской гражданской идентичности, укрепление которой признано одной из значимых целевых установок государственной национальной и культурной политик. В рамках проведенного авторами исследования оценка идентификационной выраженности у жителей республики была изучена путем предложения выбора из двух альтернатив наиболее значимых потребностей, в том числе, между «укреплением общероссийской гражданской идентичности (я – россиянин)» и «укреплением этноидентичности (я – русский, я – мордвин, я – татарин, я – чуваш и др.)».

Полученные ответы демонстрируют преобладание гражданской компоненты в «Я-идентичности»: 78,2% выбрали «я – россиянин». Среди респондентов, выбравших «укрепление этноидентичности» (21,8%), большинство (81,3%) – представители мордовского этноса, указавшие свою принадлежность к субэтносу «эрзя». Можно предположить, что такой выбор связан с актуальностью для них «стратегии защиты этноидентичности», основанной на страхах «раствориться в русском этносе», «забыть язык, традиции и обычаи предков», «утратить самобытность», т.е. неуверенность в этнической безопасности. В данной ситуации важна целенаправленная работа по фиксированию в сознании идеологемы, что этническая идентичность «я – представитель своего этноса» не противопоставляется гражданской «я – россиянин», она может быть ее основой.

Главной ценностью для российского общества, по мнению опрошенных, должны стать либеральные ценности индивидуалистического плана: «суверенитет личности и защита прав и свобод человека»

(57,1%). Также в перечень вошли социально-политические ценности: «чувство национального достоинства и историческая память» (54,3%) и «государственная независимость и территориальная целостность страны» (49,2%). Важным моментом является то, что «чувство национального достоинства и историческая память» органически связано с чувством патриотизма. 44,2% отметили «уважение к Конституции РФ и законам». Высокая оценка данной позиции во многом определена широкой дискуссией, развернувшейся в первом полугодии 2020 г. относительно инициированных Президентом В.В. Путиным конституционных поправок и утверждением их на референдуме.

В ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. патриотизм был определен как «самоценная и центральная идея, вокруг которой должна строиться и политическая, и духовная, и культурная жизнь общества»[4]. Респондентам было предложено выразить свое отношение к патриотизму как национальной идее: 35,5% считают, что «любовь к Родине подразумевается изначально, поэтому национальная идея должна быть иной»; 33,2% – «идея патриотизма является основой национальной идеи»; 23,1% – «идея патриотизма недостаточно выражена, чтобы народ принял ее в качестве национальной»; 9,1% – затруднились ответить.

В качестве альтернативной идеи, которая могла бы объединить современное российское общество, были отмечены: «экономическая стабильность» (20,8%), «законность и порядок» (21,6%), «справедливость без привилегий и льгот» (19,8%), «материальное благосостояние» (15,2%). В целом, ни одна из предложенных позиций не набрала поддержки хотя бы половины респондентов. Но при этом 62,5% респондентов уверены, что «в национальной идее России должна присутствовать ссылка на особый путь развития страны». 37,4% «однозначно» считают, что «национальная идея должна быть идеологически нейтральной» и еще 40,6% допускают сомнения, но отвечают «скорее да», т.е. патриотизм соответствует данному подходу.

Несмотря на то, что в обществе пока не сложилось подавляющей поддержки и принятия патриотизма в качестве национальной идеи, подобное распределение мнений свидетельствует о важности ее продвижения механизмами государственной политики. Можно предположить, что предпринимаемые меры могут достичь своей цели, при условии повышения качества взаимодействия между гражданами и властными институтами.

[4] Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990 (дата обращения: 18.10.2020).

Активный дискурс о патриотизме, ведущийся среди политиков, ученых, широкой общественности, приводит к самым разным его интерпретациям. Среди опрошенных преобладают ассоциации патриотизма с любовью к родному дому, городу, стране, верностью национальной культуре, традициям, укладу жизни – 61,4%; с национальным самосознанием, гордостью за принадлежность к своей нации, народу – 51,8%; с бескорыстной любовью и служением Родине, готовностью к самопожертвованию ради ее блага и спасения – 41,1%, со стремлением трудиться для процветания Родины, чтобы государство, в котором ты живешь, было самым авторитетным, самым мощным и уважаемым в мире, – 41,1%. Это свидетельствует о том, что у населения региона присутствует осознание значимости как аксиологического, так и деятельностного понимания патриотизма. Полученные данные соотносятся с результатами инициативного всероссийского опроса ВЦИОМ-Спутник (февраль 2020 г.) [22], согласно которому большинство россиян с понятием «патриотизм» связывают любовь к своей стране (85%).

Несмотря на широкий спектр коннотаций патриотизма, в каждой из них есть ключевая позиция – Родина, Отечество. Образ Родины также традиционно является центральным понятием в ценностной системе граждан.

Респондентам было предложено выбрать высказывания о России, наиболее точно отражающие их восприятие своего Отечества.

Больший процент выбора приходится на высказывание, признающее противоречивость образа: «Россия – грандиозная страна, в которой причудливо сплетаются разнообразные веяния и влияния. Она всегда в движении, путь ее необычайно сложен, загадочен, и мы можем лишь предполагать, как сложится ее судьба» (32,5%); высказывание, символизирующее безусловную любовь: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя… но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю» (31,7%), а также высказывание, фиксирующее значимость исторической преемственности: «Россия – наследник и продолжатель славных традиций всех культур и народов, государств и конфессий евразийского пространства». Достаточный процент набрали и негативные высказывания: «Мы производим впечатление великой державы. А больше ничего не производим» (24,4%), «Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу, – пьют и воруют» (23,6%), «Россия сегодня – это форма олигархического капитализма» (17,3%). Пятая часть респондентов выбрали высказывание, ориентированное на национализм в формате великодержавности: «Заключайте союзы с кем угодно, развязывайте любые войны, но никогда не трогайте русских» (18,8%).

Подобный выбор позиций респондентами в целом может свидетельствовать о развитии т.н. «нормальной идентичности» у жителей Мордовии, предполагающей, что патриотизм включает в себя как гордость за свою страну, почитание ее славных традиций, желание их сохранять и преумножать, так и критический взгляд на развитие государства, но при условии желания не только транслировать проблемы, но и принимать участие в их решении.

Представление о сущностных характеристиках категории «патриотизм» и преобладании отдельных его компонентов можно составить, анализируя также ответы на вопрос: «Что для Вас лично означает быть патриотом России?».

Большинство респондентов выделили позиции: «испытывать гордость за достижения страны» (51,6%), «уважительно и бережно относиться к истории России и ее прошлому» (47,3%) и «любить Родину» (41,8%). Деятельностные позиции – «действовать во благо своей страны» (33,0%), «исполнять обязанности гражданина, соблюдать законы государства» (29,4%), «в случае необходимости, защищать страну с оружием в руках» (23,4%), «связывать свое будущее со своим Отечеством» (15,7%), «участвовать в патриотических акциях и деятельности патриотических организаций» (5,2%) – выбирались несколько реже. То есть, интерпретируя понятие «патриотизм», респонденты в равной мере акцентируют его деятельностный и аксиологический аспекты. В формулировании личностной позиции «что значит быть патриотом России», в основном, преобладают ценностно-эмоциональные определения: «любить», «уважать», «ценить», «гордиться» и т.д.

Исследования, проведенные в других регионах, например, в Астраханской области, также демонстрируют превалирование аксиологических составляющих над деятельностными [12].

Деятельностную компоненту патриотизма отражают и ответы на вопрос об участии в патриотических мероприятиях: 34,8% – «участвуют»; 13,2% – «хотели бы участвовать, но не встречали информации о такого рода мероприятиях»; 25,9% – «не участвовали из-за отсутствия времени/средств»; 20,3% – «сознательно не участвовали»; 5,8% – затруднились ответить.

Таким образом, почти половина опрошенных либо участвуют, либо желают принимать участие в мероприятиях патриотической направленности. У тех, кто не участвует «из-за отсутствия времени или средств», нет предубеждения к подобным мероприятиям. Возможно, нужно скорректировать механизмы вовлечения в них для расширения аудитории «активных патриотов».

Об уровне самоидентификации свидетельствуют ответы на вопрос «Ощущаете ли Вы себя патриотом?»: в той или иной степени ощущают 71,3%, из них 29,9% безусловно ощущают, 41,4% скорее ощущают; в той или иной степени не ощущают 22,8%, из них скорее не ощущают 15,7% и совсем не ощущают 7,1%; затруднились ответить 5,8%. Таким образом, доминируют умеренные положительные оценки. Число «безусловных» патриотов меньше в группе молодежи 18–35 лет (18,3 %).

Полученные данные в целом также коррелируют с опросом ВЦИОМ (июнь 2020 г.), согласно которому 89% россиян охарактеризовали себя как патриота России в разной степени, 8% скорее или безусловно не считают себя патриотами, 3% затруднились ответить [3].

Об уровне патриотизма свидетельствуют и эмиграционные настроения. Так, готовность покинуть Россию высказали 38,0% опрошенных, из них «определенно да» – 19,0% и «скорее да» – 19,0%; не готовы эмигрировать 55,4%, из них «определенно нет» 29,0%, «скорее нет» 26,4%. Эмиграционные настроения более выражены в группе молодых людей 18–35 лет, их высказали 37,3%, для сравнения в группе среднего возраста этот показатель составил 8,5%, а в старшей возрастной группе – 6,3%. Это объяснимо высокой степенью мобильности, которая характерна для молодежи, а также желанием «красивой жизни», не подкрепленным реальной готовностью к переезду.

Подобная ситуация прослеживается и на общероссийском уровне: по данным «Левада-центра» (октябрь 2019 г.) 21,0% россиян выразили желание переехать за границу на постоянное место жительства [26], среди молодежи такое желание выразили 53,0% респондентов. При этом эксперты отмечают небольшую амплитуду колебаний эмиграционных настроений с 2014 по 2019 гг.

Среди предпочтительных стран разброс широк, однако лидируют США, Канада, Германия, Великобритания, Швейцария (всего отмечено 38 разных стран, в т.ч. Австралия, Гаити, Индонезия, Марокко, Новая Зеландия, Танзания и др.). Можно предположить, что такой разброс ответов свидетельствует о эмиграционных рассуждениях как о фантазии, мечте, не связанной с конкретными шагами по ее воплощению.

По мнению самих респондентов, для укрепления чувства патриотизма в обществе и роста патриотических настроений необходимо: «улучшить качество жизни населения» (78,4%), «поддерживать обратную связь граждан и государства (учитывать мнение граждан о проведении общенародных реформ)» (57,6%), «усилить патриотическую работу в учебных заведениях» (43,9%), «повысить авторитет страны на международной арене» (33,5%).

Такое высокое превалирование категории «качество жизни» во многом связано не только со значимыми доминантными ценностями, с ней ассоциирующимися («материальное обеспечение», «достаток», «комфорт», «высокий уровень жизни», «экономическая защищенность»), но и с углублением финансовых трудностей, с которыми столкнулись практически все россияне, и жители Мордовии в том числе, в период пандемии коронавируса (снижение доходов, безработица, снижение уровня жизни и др.).

Неслучаен и выбор позиции «повышение авторитета страны», поскольку, отвечая на вопрос «Какие обстоятельства в наибольшей степени, по Вашему мнению, побуждают к скорейшему формированию национальной идеи России», большинство респондентов (43,7%) отметили «обострение противостояния на международной арене, усложнение угроз и вызовов национальной безопасности».

В целом, исследование показало средний уровень сформированности патриотизма, что соответствует результатам других подобных исследований. Ядро ценностного блока составляют традиционные нематериальные ценности личного порядка: «здоровье», «хорошая семья», «интересная работа», «хорошее образование», «любовь» и материальные ценности в виде значимости «материальной обеспеченности». Патриотизм, как ценность категории «МЫ-чувства», достаточно устойчив и занимает срединные позиции, выражаясь в большей степени через аксиологическую составляющую (любить, испытывать гордость, беречь, уважать, помнить, ценить и т.п.). Выбор респондентов также свидетельствует о развитии «нормальной идентичности», предполагающей критическое осмысление развития государства и общества. Однако если градировать конкретно деятельностное отношение граждан к Родине, то в нашем кейсе преобладает позитивно-пассивное начало. Проявлений антипатриотизма и патриотического нигилизма не выявлено.

Уязвимость деятельностного компонента и сознательное нежелание участвовать в гражданско-патриотических мероприятиях у части населения фиксируется и другими подобными исследованиями на уровне различных регионов (Республика Мордовия, Астраханская область, Республика Дагестан и др.), что свидетельствует о необходимости изменения подходов к формам, содержанию и технологиям реализации программ патриотической направленности; разработки более эффективных мер, позволяющих преодолеть последствия экономического кризиса, связанного с пандемией; недопущения развития крайних форм «державного патриотизма», акцентирующего абсолютную преданность государству, порой в ущерб реальным интересам населения и, как следствие, налаживания более эффективной обратной связи между государством и обществом.

В последнее десятилетие на государственном уровне происходит концептуализация патриотизма в качестве национальной идеи и главного императива современной России. В документах стратегического планирования патриотизм заявлен как фундамент государственности, духовной общности различных народов Российского государства. В контексте реализации программно-целевого подхода на федеральном и региональном уровнях выработаны определенные технологии патриотического воспитания граждан, которые включают институционализацию системы патриотических ориентаций в рамках стратегии национального развития, осуществление комплекса мероприятий по формированию патриотического сознания, пропаганду ценностей патриотизма и гражданственности посредством СМИ и т.п.

Особое внимание в процессах политической социализации следует уделять молодежи с учетом того, что для этой возрастной группы характерно становление идентификационных маркеров. Именно в данной категории превалирует неустойчивость гражданско-патриотических ценностных установок, объясняемая спецификой социального положения, высоким уровнем мобильности, отсутствием четкого видения событий исторического прошлого своей страны.

На сегодняшний день обеспечение функционирования системы патриотического воспитания осуществляется посредством федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (сроки реализации 2021–2024 гг.), реализуемого в рамках национального проекта «Образование». Программные установки реализуются посредством вовлечения граждан, в первую очередь молодежи, в мероприятия гражданско- и социально-патриотической направленности в формате проектов, патриотических форумов, конкурсов, акций памяти, онлайн-уроков, а также поддержки НКО патриотической направленности, развития системы межпоколенческого взаимодействия и т.п.

Результаты представленного анкетирования характеризуют конкретный кейс – Республику Мордовия. Он не является универсальным, но позволяет корректировать механизмы реализации государственной политики в области патриотического и гражданского воспитания.

Библиографический список / References

1. Ананченко А.Б., Шаповалов В.Л. Менталитет современной российской молодежи: отношение к Гражданской войне 1917–1921 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 1. С. 100–111. [Ananchenko A.B., Shapovalov V.L. The mentality of modern Russian youth: Attitude to the Civil War of 1917–1921. *Locus*: *People*, *Society*, *Cultures*, *Meanings.* 2019. No. 1. Pp. 100–111. (In Russ.)]

2. Андронникова О.О. Патриотизм в системе ценностных ориентаций современной молодежи // Смальта. 2019. № 3. С. 22–28. [Andronnikova O.O. Patriotism in the system of value orientations of modern youth. *Smalta*. 2019. No. 3. Pp. 22–28. (In Russ.)]
3. Большинство россиян считают себя патриотами // РИА-Новости. URL: https://ria.ru/20200611/1572792128.html (дата обращения: 18.10.2020). [Most Russians consider themselves patriots. RIA News. URL: https://ria.ru/20200611/1572792128.html (In Russ.)]
4. Бормотов И.В. Ценностные основания современного человека: парадигмальный сдвиг // Социум и власть. 2016. № 3 (59). С. 31–35. [Bormotov I.V. The value foundations of modern man: A paradigmatic shift. *Society and Power*. 2016. No. 3 (59). Pp. 31–35. (In Russ.)]
5. ВЦИОМ рассказал, как изменились жизненные ценности россиян // Санкт-Петербургские ведомости. URL: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/vtsiom-rasskazal-kak-izmenilis-zhiznennye-tsennosti-rossiyan (дата обращения: 18.10.2020). [All-Russian Public Opinion Research Center told how the life values of Russians have changed. URL: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/vtsiom-rasskazal-kak-izmenilis-zhiznennye-tsennosti-rossiyan. (In Russ.)]
6. Данакари Р.А. Патриотизм и дружба народов как базисные детерминанты российской цивилизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 5. С. 193–204. [Danakari R.A. Patriotism and friendship of peoples as basic determinants of Russian Civilization. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations.* 2019. Vol. 24. No. 5. Pp. 193–204. (In Russ.)]
7. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006. С. 10–29. [Drobizheva L.M. State and ethnic identity: Choice and mobility. *Grazhdanskiye, etnicheskiye i religioznyye identichnosti v sovremennoy Rossii*. Moscow, 2006. Pp.10–29. (In Russ.)]
8. Дьякова В.В. Региональная идентичность и местный патриотизм: поколенческий аспект // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2020/5/sociology/diakova.pdf (дата обращения: 18.08.2020). [Dyakova V.V. Regional identity and local patriotism: Generational aspect. *Theory and Practice of Social Development*. 2020. No. 5. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2020/5/sociology/diakova.pdf. (In Russ.)]
9. Ежов Д.А. Государственный патриотизм в системе политических ценностей российской молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 372–374. [Ezhov D.A. State patriotism in the system of political values of Russian youth. *Azimuth of Scientific Research*: *Economics and Administration*. 2018. Vol. 7. No. 4 (25). Pp. 372–374. (In Russ.)]
10. Зарецкий А.Д., Иванова Т.Е. Имплементация ценностных ориентаций в период смены экономических парадигм // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 6. С. 74–82. [Zareckij A.D., Ivanova T.E. Implementation of value orientations during the period of economic paradigm change. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. 2018. No. 6. Pp. 74–82. (In Russ.)].

11. Зелетдинова Э.А., Дьяков О.Ю. Особенности региональной идентичности и местного патриотизма жителей Астраханской области // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 4. DOI: 10.24158/spp.2020.4.6 (дата обращения: 18.10.2020). [Zeletdinova E.A., Dyakov O.Yu. Features of regional identity and local patriotism of residents of the Astrakhan region. *Society*: *Sociology*, *Psychology*, *Pedagogics*. 2020. No. 4. DOI: 10.24158/spp.2020.4.6 (In Russ.)]
12. Зелетдинова Э.А., Дьякова В.В. Патриотизм как элемент гражданской идентичности // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 255–257. [Zeletdinova E.A., Dyakova V.V. Patriotism as an element of civic identity. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2017. No. 4. Pp. 255–257. (In Russ.)]
13. Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б. Гражданская идентичность и формирование гражданственности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2010. Т. 3. № 4 (12). С. 11–20. [Ivanova N.L., Mazilova G.B. Civic identity and formation of citizenship. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series*: *Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2010. Vol. 3. No. 4 (12). Pp. 11–20. (In Russ.)]
14. Козырев Г.И. Патриотизм и антипатриотизм как причины конфликта идентичностей в современном российском обществе // Социология. 2020. № 2. С. 128–142. [Kozyrev G.I. Patriotism and antipatriotism as causes of the conflict of identities in contemporary Russian society. *Sociology*. 2020. No. 2. Pp. 128–142. (In Russ.)]
15. Кошарная Г.Б., Толубаева Л.Т. Духовно-нравственные ориентиры в системе ценностей студенческой молодежи регионального социума // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2013. № 3 (27). С. 113–123. [Kosharnaya G.B., Tolubaeva L.T. Spiritual and moral guidelines in the value system of student youth of the regional society. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region*. 2013. No. 3 (27). Pp. 113–123. (In Russ.)]
16. Кугай А.И. Патриотизм как фактор гражданской идентификации и национального единства // Управленческое консультирование. 2018. № 5. С. 152–161. DOI 10.22394/1726-1139-2018-5-152-161. [Kugaj A.I. Patriotism as a factor of civil identity and national unity. *Administrative Consulting*. 2018. No. 5. Pp. 152–161. DOI 10.22394/1726-1139-2018-5-152-161. (In Russ.)]
17. Лукинова И.А. Патриотизм как продукт социального конструирования // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2013. № 1. С. 110–120. [Lukinova I.A. Patriotism as a product of social construction. *Novyy vzglyad. Mezhdunarodnyy nauchnyy vestnik*. 2013. No. 1. Pp. 110–120. (In Russ.)]
18. Мансуров Т.З. Отношение молодежи к проектам национального развития Республики Южная Осетия // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 2. С. 119–134. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-119-134. [Mansurov T.Z. Youth attitude to the formation of national development projects of the Republic of South Ossetia. *Locus*: *People*, *Society*, *Cultures*, *Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 119–134. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-119-134 (In Russ.)]
19. Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И. Концепт патриотизма в процессах формирования гражданской идентичности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические

науки. 2018. № 4. С. 84–96. [Martynov M.Yu., Gaberkorn A.I. The concept of patriotism in the formation of civil identity. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series*: *History and Political Sciences.* 2018. No. 4. Pp. 84–96. (In Russ.)]

20. Мастикова Н.С. Ценности россиян: что следует из сопоставления статистик международных исследований // Социологический журнал. 2013. № 1. С. 36–46. [Mastikova N.S. The values of Russians: What follows from a comparison of statistics of international studies. *Sociological Journal*. 2013. No. 1. Pp. 36–46. (In Russ.)]
21. Разработка программы прикладного исследования как инструмент становления исследовательской компетентности будущих политологов (на примере темы «Пространственное развитие как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи)» / Бахлова О.В., Бахлов И.В., Напалкова И.Г., Солдатова А.С. // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 9. С. 49–79. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-9-49-79. [Bahlova O.V., Bahlov I.V., Napalkova I.G., Soldatova A.S. Development of an applied research program as a tool for the formation of research competence of future political scientists (on the example of the topic “Spatial development as a factor of nation-building and the formation of a national idea)”. *Education and Science Journal.* 2019. Vol. 21. No. 9. Pp. 49–79. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-9-49-79. (In Russ.)]
22. Россияне объяснили, как они понимают патриотизм // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-obyasnili-kak-oni-ponimayut-patriotizm (дата обращения: 18.10.2020). [Russians explained how they understand patriotism. All-Russian public opinion research center. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-obyasnili-kak-oni-ponimayut-patriotizm. (In Russ.)]
23. Россияне считают здоровье и медицину главными признаками качественной жизни // Взгляд-инфо. URL: https://www.vzsar.ru/news/2020/11/17/rossiyane-schitaut-zdorove-i-mediciny-glavnymi-priznakami-kachestvennoy-jizni.html (дата обращения: 18.10.2020). [Russians consider health and medicine to be the main signs of a quality life. URL: https://www.vzsar.ru/news/2020/11/17/rossiyane-schitaut-zdorove-i-mediciny-glavnymi-priznakami-kachestvennoy-jizni.html. (In Russ.)]
24. Средняя зарплата в России по регионам в 2020 году // FinCan. URL: http://fincan.ru/articles/119_srednyaja-zarplata-v-rossii-po-regionam-v-2020-godu/ (дата обращения: 18.10.2020). [Average salary in Russia by region in 2020. URL: http://fincan.ru/articles/119_srednyaja-zarplata-v-rossii-po-regionam-v-2020-godu/ (In Russ.)]
25. Шульгина Т.А., Кетова Н.А., Непочатых Е.П. К вопросу о гражданской идентичности и патриотических установках современной российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12. DOI: 10.24158/spp.2018.12.2. [Shulgina T.A., Ketova N.A., Nepochatyh E.P. On the issue of civic identity and patriotic attitudes of modern Russian youth. *Society*: *Sociology*, *Psychology*, *Pedagogics.* 2018. № 12. DOI: 10.24158/spp.2018.12.2 (In Russ.)]
26. Эмиграционные настроения // Левада-Центр. URL: https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4 (дата обращения: 18.10.2020). [Emigration sentiments. Levada Center. URL: https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4. (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 02.12.2021, принята к публикации 03.02.2021
The article was received on 02.12.2021, accepted for publication 03.02.2021

Сведения об авторах / About the authors

Казакова Марина Николаевна – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, г. Саранск

Marina N. Kazakova – PhD in Political Sciences; Associate Professor at the Department of General History, Political Science and Area Studies of the Historical and Sociological Institute, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

E-mail: mnkazakova@mail.ru

Напалкова Ирина Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, г. Саранск

Irina G. Napalkova – PhD in History; Associate Professor at the Department of General History, Political Science and Area Studies of the Historical and Sociological Institute, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

E-mail: zamisi@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-129-143

С.В. Мельникова

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454 г. Москва, Российская Федерация

Ближневосточный курс Д. Трампа и Дж. Байдена через призму «традиционной» политики США в регионе

Статья посвящена изучению ближневосточного курса Трампа и Байдена через призму исторически сложившейся «традиционной» ближневосточной политики США. Также в работе анализируется, в какой степени подход Байдена будет отличаться от подхода Трампа и как он отразится на трендах, наметившихся на Ближнем Востоке, в американо-израильских отношениях и на палестинском направлении с 2016 по 2020 гг. Актуальность темы определяется тем, что подход Трампа, резко отличающийся от «классического» американского подхода, привел к изменению роли США в регионе, а также возобновлению арабо-израильского мирного процесса на фоне увеличения темпов строительства еврейских поселений на оккупированных территориях и ухудшения положения палестинцев. В результате исследования автор приходит к выводу, что подход Байдена, в отличие от подхода Трампа, вероятно, будет четко вписан в традиционную американскую логику поддержания баланса в палестинском вопросе при сохранении союзнических отношений с Израилем. Однако это не окажет серьезного влияния на такие глобальные тренды, как нормализация отношений между Израилем и арабскими странами, и не остановит падение международного интереса к палестинской проблеме. Более того, такие

© Мельникова С.В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

шаги Трампа, как перенос посольства США в Иерусалим и признание Голанских высот частью Израиля, тоже останутся частью ближневосточной реальности. С поражением Трампа, вероятно, изменится иранская политика США, также возможно незначительное изменение некоторых аспектов внутренней израильской политики.

Ключевые слова: выборы президента США, Джо Байден, Дональд Трамп, палестино-израильских конфликт, мирный процесс на Ближнем Востоке, ближневосточная политика США

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мельникова С.В. Ближневосточный курс Д. Трампа и Дж. Байдена через призму «традиционной» политики США в регионе // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 129–143. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-129-143

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-129-143

S.V. Melnikova

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, 119454, Russian Federation

D. Trump's and J. Biden's Middle East course through the prism of the "traditional" US policy in the region

The article is devoted to the study of the Middle East course of Trump and Biden through the prism of the historically formed "traditional" US Middle East policy and to the assessment of possible influence of Joe Biden presidential elections 2020 win on the US Israeli-Palestinian politics, and on the global trends shaped by D. Trump's Middle Eastern politics. The research was carried out through historical and comparative analysis. Trump's strategy was different from the "traditional" US approach of maintaining balance in the Palestinian conflict and led to the resumption of the Arab-Israeli peace process, rapid increase in the number of Jewish settlements on the occupied territories and to the degradation of living conditions of the Palestinians. The author concludes that Biden's approach, in contrast to the Trump's approach,

is likely to be closer to the traditional US logic of maintaining balance in the Palestinian-Israeli conflict. However, it will affect neither such global trends as normalization of relations between Israel and the Arab countries, nor will it stop the decline of international interest in the Palestinian problem. Moreover, such Trump's moves as moving the US Embassy to Jerusalem and recognizing the Gollan Heights to be a part of Israel are likely to remain a part of the Middle Eastern reality. Trump's defeat would probably lead to the correction of the Iran policy of the United States. Moreover, it may also define some changes in the Israeli domestic politics.
Key words: US presidential election, Biden, Trump, Palestinian-Israeli conflict, peace process, US middle eastern policy

FOR CITATION: Melnikova S.V. D. Trump's and J. Biden's Middle East course through the prism of the "Traditional" US policy in the region. *Locus*: *People*, *Society*, *Culture*, *Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 129–143. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-129-143

Введение

Политика США на Ближнем Востоке на протяжении десятилетий оказывает серьезное влияние на политическое и экономическое состояние региона. Ближний Восток, в свою очередь, был и остается важным направлением для каждой американской администрации. План, предложенный администрацией Д. Трампа в 2019 г., радикально изменил традиционный американский подход к политике на Ближнем Востоке и, в частности, к палестино-израильскому вопросу более того, этот план стал импульсом к началу революционных изменений в сложной мозаике ближневосточных противоречий. При этом видение американской ближневосточной политики избранного в ноябре 2020 г. президентом США Дж. Байдена на уровне риторики радикально отличается от видения Трампа.

Цель этого исследования состоит в том, чтобы определить, какое место подход Д. Трампа занимает в ближневосточной политике США, а также спрогнозировать, какой будет политика Байдена на этом направлении, и приведет ли она к остановке процессов, запущенных на Ближнем Востоке администрацией 45-го президента США.

Для достижения цели автор ставит перед собой следующие задачи:

– рассмотреть историю американо-израильского сотрудничества и политики США в регионе для определения «традиционных» особенностей американского ближневосточного подхода и подхода к решению палестинской проблемы;

– изучить некоторые результаты политики Трампа на ближневосточном направлении и определить, как она вписывается в «классическую» американскую политику;
– составить прогноз, каким может стать ближневосточный подход Дж. Байдена и приведет ли он к остановке процессов, запущенных на Ближнем Востоке администрацией 45-го президента США.

В процессе исследования автор изучает некоторые аспекты истории американо-израильских отношений, процесс формирования ближневосточной политики США и подходы к ближневосточной политике различных американских лидеров с целью определения «классического» американского подхода, используя при этом метод исторического анализа. При сопоставлении ближневосточных подходов США в разные исторические периоды, при Трампе и Байдене автор использует метод сравнительного анализа.

Актуальность исследования определяется тем, что ситуация на Ближнем Востоке меняется. Во многом это происходит из-за начала реализации «Сделки века» и активизации мирного процесса на Ближнем Востоке, которая выражается в нормализации отношений между Израилем и такими странами арабского лагеря, как ОАЭ, Бахрейн и Судан. Достижение мира между Израилем и арабскими странами больше не увязывается с решением палестинского вопроса, как это было, например в Арабской мирной инициативе 2002 г.[1] Палестино-израильский конфликт выносится за скобки арабо-израильского и, как следствие, теряет свое место в системе современных международных отношений. Закрепление этого тренда в будущем серьезно зависит от политики США.

В отечественной литературе тема американо-израильских отношений хорошо разработана. Базовыми являются работы, посвященные общей эволюции американо-израильского партнерства [2], а также его роли в палестино-израильском противостоянии [11] и влиянии на ближневосточный регион в целом. Есть много публикаций, посвященных анализу подхода конкретного президента США к решению палестинской проблемы [5], влиянию еврейского лобби на внешнюю политику США [8]. Также за последнее время вышли несколько работ, посвященных президентским выборам США 2020 г. [7]. Тема стратегии Трампа на Ближнем Востоке [15], американо-израильских отношений [19] и ситуации на Ближнем Востоке в свете выборов в США [14] хорошо освещены в работах западных исследователей. Автор этой статьи считает важным изучение подходов конкретной администрации именно через призму

[1] Arab Peace Initiative – LAS Summit. URL: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-181223/ (accessed: 28.10.2020).

исторически сложившейся политики США в регионе, т.к. это позволяет сформировать более глубокое понимание региональных процессов и динамики американского ближневосточного подхода.

Место ближневосточного подхода Д. Трампа в традиционной региональной политике США

Сложно обозначить конкретный период, когда отношения между США и государством Израиль перешли в категорию «особых». Еще с XIX в. американские власти активно выстраивали свою ближневосточную политику, а уже после 1945 г. Ближний Восток стал одним из внешнеполитических приоритетов США, чему способствовали не только развитие торговых отношений со странами региона и рост потребления нефти, но и обострившиеся проблемы еврейских беженцев. Именно эти два вопроса – «еврейский» и «нефтяной» – обусловили стремление США после Второй мировой войны выстраивать партнерские отношения и с Израилем, и с арабскими странами, формируя подход «гаранта стабильности» в регионе [11, с. 1–2].

Уже Ф.Д. Рузвельт, при своем открытом одобрении планов по созданию в Палестине «еврейского очага», подчеркивал, что США в любом случае будут учитывать интересы арабских стран. Г. Трумэн, вступив в должность президента, принял Декларацию Бальфура, однако отношения между США и Израилем при нем так и не стали союзническими[2]. В начале 1950-х гг. для США арабо-израильский конфликт был, по сути, частью холодной войны, и американские власти не стремились резко улучшать отношения с Израилем в ущерб их отношениям с арабскими странами и, тем более, с СССР.

Вопреки классическому представлению о том, что «особые» отношения США и Израиля стали складываться при президенте Дж.Ф. Кеннеди или благодаря ему, протоколы встречи Кеннеди и премьер-министра Д. Бен-Гуриона демонстрируют, что в 1960-х гг. выгоды от крепкого стратегического партнерства двух государств еще не были очевидны для американской администрации[3]. Кеннеди до последнего пытался отложить увеличение поставок «тяжелых вооружений» Израилю, в частности, не оборонительного, а наступательного зенитного комплекса «Хоук». Он, в уже ставшей для США традиционной манере, стремился проводить максимально сбалансированную политику на Ближнем

[2] U.S. Recognition of the State of Israel. National Archives. URL: https://www.archives.gov/education/lessons/us-israel (accessed: 12.11.2020).

[3] Memorandum from Deputy Special Assistant to the President – Kennedy-Ben-Gurion Meeting (May 30, 1961). URL: https://www.jewishvirtuallibrary.org/kennedy-ben-gurion-meeting-may-1961(accessed: 12.11.2020).

Востоке, сохраняя хорошие отношения и с Израилем, и с арабскими странами, тем самым не допуская усиления СССР в регионе [12, с. 208].

При этом сложно не признать, что американо-израильские отношения получили новый вектор развития именно в 1960-е гг. Кеннеди стал президентом в 1960 г. во многом благодаря еврейскому электорату (82% еврейских голосов у Кеннеди против 18% у Никсона) [10, с. 119]. В середине своего первого срока он принял решение о начале поставок Израилю «Хоук», во многом, для того, чтобы сохранить поддержку еврейской диаспоры, тем самым обеспечив себе переизбрание в ноябре 1964 г.

После шестидневной войны 1967 г. Израиль стал официально союзником США. С тех пор практически каждый президент США разрабатывает свой, уникальный, план разрешения арабо-израильского или палестино-израильского конфликтов.

При безусловной уникальности каждого предложенного плана или мирной инициативы, основы американского ближневосточного подхода оставались неизменными. Во-первых, сохранялись линия на обеспечение баланса в регионе и стремление поддерживать с арабскими странами нормальные отношения при союзнических с Израилем. Во-вторых, в определенной степени делался акцент на важность соблюдения прав палестинского народа, а оккупация Израилем значительной части палестинских территорий и масштабное строительство поселений осуждались.

Если при Д. Эйзенхауэре и Кеннеди «особые» отношения между США и Израилем только формировались, то при президенте Дж. Картере был разработан первый план «К миру на Ближнем Востоке» [3, с. 66]. Он, как и любой успешный кандидат в президенты США, во время своей предвыборной кампании говорил о невозможности ведения переговоров с Палестинской национальной администрацией (ПНА) и о приоритезации отношений с Израилем, чем обеспечил себе поддержку со стороны еврейского электората [17, с. 153]. Однако именно во время президентства Картера на палестинцев посмотрели по-новому: из формата «гуманитарной проблемы» или «террористической проблемы» палестинский вопрос перешел в измерение «ключевого» на Ближнем Востоке, а проблема создания Палестинской автономии стала неотъемлемой частью ближневосточной повестки [16, с. 8].

В 1982 г. администрация Р. Рейгана представила свой план, и при том, что в нем право палестинцев на создание своего государства не утверждалось, необходимость освобождения Израилем большей части захваченных им в результате Шестидневной войны территорий была четко обозначена. В 2000 г. при активном посредничестве Б. Клинтона

были проведены переговоры в Кэмп-Дэвиде. Дж. Буш открыто критиковал поселенческую политику Израиля, а спорные территории обозначались как оккупированные.

Администрация Б. Обамы в 2013 г. представила «план Керри» (назван по фамилии госсекретаря Дж.Ф. Керри), в соответствии с которым стороны должны были добиться примирения через обмен территориями и допущение иностранных сил в зону конфликта [3, с. 66]. На юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Обама сказал, что обе стороны выиграют, если Израиль признает, что он не может оккупировать палестинские земли вечно, а палестинцы признают законность существования государства Израиль[4].

Таким образом, при том что Израиль является одним из самых важных союзников США, на протяжении последних десятилетий политика Соединенных Штатов оставалась в рамках концепции сохранения баланса в регионе.

«Преемственность» в подходах американских президентов к палестинской проблеме была нарушена Д. Трампом, чья политика в этом вопросе серьезно отличалась от политики его предшественников. Такие действия Трампа, как перенос посольства США из Тель-Авива в Иерусалим, значительное сокращение финансирования Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам (БАПОР), признание Голландских высот частью территории Израиля, одобрение односторонних действий Израиля по аннексии части Западного берега, имеют явно произраильский характер и способствуют значительному усилению Израиля в регионе.

Представители администрации Трампа не раз говорили о том, что строительство поселений на оккупированных территориях не является, с их точки зрения, нарушением международного права[5]. Так, во время голосования в Совете безопасности ООН по вопросу принятия резолюции № 2334, осуждающей строительство поселений, представители США предпочли воздержаться [Там же, с. 65]. На протяжении президентского срока Трампа (2017–2020) поселенческая активность Израиля на оккупированных территориях значительно увеличилась. Если в период президентства Обамы на оккупированных территориях строилась

[4] Barack Obama tells Israel it ‘cannot permanently occupy and settle Palestinian land’. Independent. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/barack-obama-israel-palestine-comments-occupation-settlements-cannot-be-permanent-a7319956.html (accessed: 12.11.2020).

[5] Israeli Settlements Don’t Violate International Law, Pompeo Announces. Haaretz. URL: https://www.haaretz.com/us-news/israeli-settlements-not-inconsistent-with-international-law-pompeo-to-announce-1.8139055 (accessed: 30.10.2020).

в среднем 1,8 тыс. новых домов, то при Трампе в год появлялось уже более 2,2 тыс.[6] Более того, при Трампе представители Совета еврейских поселений Иудеи, Самарии и сектора Газа встречались с высокопоставленными должностными лицами администрации США, например, со специальным представителем Трампа на Ближнем Востоке Дж. Гринблаттом. Послом в Израиле Трамп назначил Д. Фридмана, открыто выступающего за активизацию строительства поселений и известного своими жесткими заявлениями и призывами аннексировать Западный берег.

Реализация плана Трампа по ближневосточному урегулированию («Сделка века») запустила процесс нормализации отношений между Израилем и арабскими государствами. Если на протяжении всей истории арабо-израильского противостояния нерешенность палестинского вопроса была основным препятствием на пути к миру, то теперь проблема Палестины была вынесена за скобки мирного процесса и не помешала подписанию мирных договоренностей между Израилем и ОАЭ, Суданом и Бахрейном.

Так, нужно отметить, что ближневосточная политика Д. Трампа выходит за рамки «классического» подхода США в регионе. За четыре года президентского срока Трампа США перестали быть посредником между палестинцами и израильтянами, выполняя исключительно роль союзника Израиля, поддерживающего его во всем и любыми средствами. Это привело к активизации следующих процессов: резкое ухудшение положения палестинцев, увеличение скорости израильского строительства на оккупированных территориях и старт процесса нормализации отношений между Израилем и арабскими странами в обход решения палестинской проблемы. Интересно проанализировать, насколько победа Дж. Байдена повлияет на ближневосточную политику США и их подход к решению палестинского вопроса, приведет ли смена американской администрации к остановке или замедлению обозначенных процессов?

Подход Джо Байдена

Можно выделить несколько основных аспектов ближневосточной политики США, которые в контексте американо-израильских отношений вызывают особый интерес: это отношение правящей администрации к созданию палестинского государства, к планам Израиля по аннексии палестинских территорий, к строительству поселений, переносу посольства США в Иерусалим и к заключению мирных договоров между Израилем и некоторыми арабскими государствами.

[6] New 2018 Population Data for Israelis in the West Bank. Peace now. URL: https://peacenow.org.il/en/population-data-in-israel-and-in-the-west-bank (aaccessed: 11.11.2020).

В предвыборной платформе Байдена американо-израильские отношения и палестинская проблема рассматриваются в традиционном для Демократической партии формате. Утверждается важность отношений с Израилем, а также необходимость способствовать решению конфликта через создание «жизнеспособного» палестинского государства при обеспечении безопасности государства Израиль и сохранении его еврейского характера. При этом отмечается неприемлемость односторонних действий, таких, как аннексия территорий и расширение еврейских поселений[7].

Логично ожидать от администрации Байдена проведение политики, сходной с политикой Обамы. Так, например, во время президентства Обамы Байден сыграл серьезную роль в замораживании строительства поселений в Иерусалиме. В 2010 г. после того, как он в качестве вице-президента США посетил Израиль, Иерусалимский региональный комитет по планированию и строительству опубликовал план строительства 1800 новых жилых единиц в районе Рамат-Шломо к северу от Зеленой линии. Это привело к серьезному кризису в американо-израильских отношениях, и под давлением США строительство было заморожено до тех пор, пока в США к власти не пришел Трамп. Сегодня, ожидая, что после смены администрации строительство поселений может быть вновь заморожено, власти Иерусалима делают все, чтобы ускорить процесс утверждения планов по созданию новых кварталов за зеленой линией. Так, на первый взгляд, ужесточение политики США по отношению к Израилю с приходом Байдена к власти кажется очень вероятным, однако при более детальном рассмотрении становится понятно, что это не совсем так.

Безусловно, после четырех лет президентства Трампа Израиль, привыкший к тому, что любые его действия находят поддержку в Белом доме, услышит антиизраильскую риторику в заявлениях Байдена о важности соблюдения прав палестинского народа, в осуждении строительства поселений и приоритетности формулы «два государства для двух народов». Однако, по большому счету, риторика Байдена – это не признак «ужесточения» израильской политики США, а, скорее, лишь возвращение к классическому подходу США к отношениям с Еврейским государством и к палестинской проблеме, в частности. Администрация Байдена, как любая американская администрация, ограничена в своих возможностях и не может быть «антиизраильской» по определению, при

[7] 2020 Democratic Party Platform. URL: https://www.demconvention.com/wp-content/uploads/2020/08/2020-07-31-Democratic-Party-Platform-For-Distribution.pdf (accessed: 27.10.2020).

том, что США по-прежнему заинтересованы в сохранении определенного баланса на Ближнем Востоке.

Так, например, изначально в тексте демократической платформы присутствовали слова о необходимости освободить палестинцев от жизни в оккупации, однако под давлением еврейских сообществ США ссылка на оккупационный характер внешней политики Израиля была удалена. Другой пример: не так давно представители Демократической партии призывали ограничить финансовую помощь, которую США оказывают Израилю, в случае начала оккупационных действий. Однако инициатива, оформленная в виде письма к госсекретарю М. Помпео, встретила серьезное сопротивление Американо-израильского комитета по общественным связям (АИКОС) и не имела реальных последствий[8].

Байден уже заявил, что не намерен переносить посольство США обратно в Тель-Авив из Иерусалима. Несмотря на то, что американское консульство в Восточном Иерусалиме, вероятно, вновь будет открыто для палестинцев, а палестинское представительство вновь будет открыто в Вашингтоне[9], следует отметить, что такие шаги достаточно формальны и ведут только к снятию напряженности между США и Палестиной, но не возвращают Соединенным Штатам статус посредника в палестино-израильском конфликте. Даже если представить, что палестино-израильское урегулирование войдет в список внешнеполитических приоритетов Байдена, то для изменения уже заданного Трампом курса ему придется потратить значительное количество ресурсов и в короткий срок организовать международную платформу для проведения палестино-израильских переговоров, которые, в свою очередь, имеют шанс стать эффективными лишь при участии стран-членов квартета, а также других международных игроков. В условиях пандемии такой международно-политический проект представляется слишком сложным, чтобы занять приоритетное место в политике нового президента США.

Мирные договоры, заключенные между Израилем и некоторыми арабскими государствами, – это свершившийся факт, который в ближайшие годы останется важнейшей определяющей для политической и экономической архитектуры Ближнего Востока. Вне зависимости от того, как администрация Байдена видит этот аспект международной

[8] Edward Moreno J. Progressive lawmakers call for conditions on Israel aid. *The Hill*. URL: https://thehill.com/policy/international/505224-progressive-lawmakers-call-for-conditions-on-israel-aid (accessed: 27.10.2020).

[9] If elected, Biden to restore Palestinian aid, reopen PLO office in Washington: Harris. Al Arabiya. URL: https://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2020/11/03/If-elected-Biden-to-restore-Palestinian-aid-reopen-PLO-office-in-Washington-Harris (accessed: 12.11.2020).

повестки, ОАЭ, Бахрейн и Судан намерены максимально использовать те экономические возможности, которые открывает им установление дипломатических отношений с Израилем. Связи между Израилем и странами Персидского залива в последние годы стремительно развивались, подкрепленные общей угрозой со стороны Ирана. Теперь же, после заключения мирных договоров, только по примерным оценкам за 3–5 лет объем ежегодной торговли между Израилем и ОАЭ достигнет более 4 млрд долл. США[10].

Единственное изменение, которого можно ждать от Байдена, – это изменение подхода США к иранской проблеме. Байден был убежденным сторонником Совместного Всеобъемлющего плана действий – ядерного соглашения, разработанного администрацией Обамы – соглашения, против которого выступал премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху. Байден назвал решение администрации Трампа выйти из соглашения «катастрофой» и заявил, что в случае его победы будет готов восстановить договоренности с Ираном.

И, тем не менее, если поражение Трампа не остановит глобальные процессы, на израильской внутренней политике оно, вероятно, отразится в значительной степени.

Под вопросом остается, насколько Трамп в качестве президента США был предпочтительней именно для Израиля, а не конкретно для израильского премьер-министра. Прекрасные личные отношения, которые сложились между Трампом и Нетаньяху, объясняют, почему победа Трампа была так важна для лидера партии Ликуд. Премьер-министр заявил в своем выступлении в Кнессете, что для Израиля нет разницы, кто победит, республиканцы или демократы, однако до последнего не поздравлял Байдена с победой и старался не называть его новым президентом США[11]. Нетаньяху имеет сложные отношения с Демократической партией США, во многом из-за разногласий с администрацией Обамы по поводу строительства поселений и иранской ядерной сделки. Теперь, после поражения Трампа, он будет лишен поддержки американского президента и, вероятно, уверенности, с которой в течение последних четырех лет действовал как внутри Израиля, так и за его пределами. Планы (и предвыборные обещания) Нетаньяху, связанные с аннексией части Западного берега, отложенные ради заключения соглашений о нормализации отношений с ОАЭ и Бахрейном, теперь

[10] Josephs J. Israel-UAE peace deal “big” for trade in Middle East. *BBC News*. URL: https://www.bbc.com/news/business-54574022 (accessed: 19.11.2020).

[11] Harel A. There is one thing Trump can do to help netanyahu. *Haaretz*. URL: https://www.haaretz.com/israel-news/.premium-there-is-one-thing-trump-can-do-to-help-netanyahu-1.9306943 (accessed: 16.11.2020).

сложно реализуемы. В рамках данного исследования нет возможности вдаваться в подробности внутриизраильской электоральной повестки, однако важно отметить, что с победой Байдена позиции нынешнего лидера Израиля ослабевают и это может стоить ему победы на ближайших выборах.

Заключение

В Израиле большинство надеялось на победу Трампа. Как показали опросы, проведенные Институтом Брукинса, 59% граждан Еврейского государства высоко оценивают его политику[12]. Однако интерес израильтян к предвыборной гонке в США 2020 г. был рекордно низок. Нетипично спокойное отношение к американским выборам объясняется не только тем, что страна озабочена внутренними проблемами, такими, как негативные последствия пандемии COVID-19 или коррупционные скандалы вокруг Нетаньяху, но и тем, что все меньше людей верят в возможность возобновления переговорного процесса и конструктивное разрешение палестинской проблемы вне зависимости от того, кто находится у власти в США, и такой скептицизм кажется оправданным.

Ближневосточная политика США начала складываться в начале XX в. Традиционным стал подход поддержания нормальных отношений как с Израилем, так и с арабскими странами. Выбор именно такой стратегии был обусловлен двумя аспектами: высокой актуальностью вопросов «еврейской миграции», с одной стороны, и важностью обеспечения стабильной нефтяной торговли с арабскими странами – с другой. Более того, реалии холодной войны заставляли власти США опасаться возможного усиления СССР в регионе, которое стало бы вероятным в случае ухудшения отношений США с одной из сторон конфликта.

В этой же логике складывался подход США к палестинской проблеме: при оказании поддержки Израилю практически все американские президенты подчеркивали важность соблюдения прав палестинского населения, осуждали возможные односторонние действия Израиля, строительство поселений на оккупированных территориях и т.д. Подход же Трампа стал исключением: вследствие его откровенно произраильских шагов США потеряли свой статус посредника между палестинцами и израильтянами, сохранив за собой лишь роль союзника Израиля. Изменения, произошедшие на Ближнем Востоке за последние 4 года, революционны. Перенос американского посольства в Иерусалим,

[12] Tehlami S. Poll: Jewish Israelis love Trump. The Brookings institution. URL: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/05/15/poll-jewish-israelis-love-trump/ (accessed: 12.11.2020).

признание Америкой Голландских высот частью Израиля, заключение мирных соглашений между Израилем и некоторыми арабскими странами на фоне рекордно быстрого израильского строительства на оккупированных палестинских землях – еще вчера все это казалось невозможным, а уже сегодня является неотъемлемой частью реальности на Ближнем Востоке.

Подход же Байдена, вероятнее всего, будет отличен от политики Трампа и четко вписан в традиционную американскую логику поддержания баланса в палестинском вопросе при сохранении союзнических отношений с Израилем. Однако это не означает замедление трендов, наметившихся при президентстве Трампа. Такие процессы, как снижение международного интереса к палестинской проблеме, ухудшение положения палестинцев, строительство новых еврейских поселений на Западном Берегу, продолжатся. Исключение составит политика США по отношению к Ирану. Также важно отметить ослабление позиций Нетаньяху из-за поражения Трампа, что может означать незначительные изменения в израильском подходе к вопросу палестинских территорий. Наиболее важным трендом останется процесс нормализации отношений между Израилем и арабскими странами. На фоне падения значимости палестинской проблемы и роста важности экономических факторов будут выстраиваться политические и торговые связи как с ОАЭ, Бахрейном и Суданом (с государствами, уже подписавшими мирные договоры с Израилем), так и с другими арабскими странами, что в долгосрочной перспективе закрепит нерешенность проблемы израильской оккупации палестинских территорий на неопределенное время.

Библиографический список / References

1. Бобкин Н.Н. Ближневосточная стратегия США и региональные конфликты // Россия и Америка в XXI веке. 2018. Вып. 1. URL: https://rusus.jes.su/s207054760000084-9-1/ (дата обращения: 30.11.2020). [Bobkin N.N. US Middle East policy and regional conflicts. *Russia and the USA in the XXI century*. 2018. No. 1. URL: https://rusus.jes.su/s207054760000084-9-1 (In Russ.)]
2. КарасоваТ.А. Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). М., 2015. [Karasova T.A. Izrail' i SShA: Osnovnye etapy stanovleniia strategicheskogo partnerstva (1948–2014) [Israel and USA: Main stages of strategical Partnership formation (1948–2014)]. Moscow, 2015.]
3. Карасова Т.А. «Сделка века» Д. Трампа. Приведет ли новый план США к урегулированию палестино-израильского конфликта // Свободная мысль. 2020. № 4. С. 63–74. [Karasova T.A. D. Trump's "Deal of a Century". Will the new American plan lead to the settlement of the Palestinian-Israeli conflict. *Svobodnaia mysl*. 2020. No. 4. Pp. 63–74. (In Russ.)]

4. Кравченко И.Ю. «Новый курс» Б. Обамы в палестино-израильском конфликте // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013. №21 (122). С. 196–209. [Kravchenko I.U. The new Obama administration's approach to the Israeli-Palestinian conflict. *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*. 2013. No. 21 (122). Pp. 196–209. (In Russ.)]
5. Киреев А.А. Внешнеполитическая стратегия Б. Клинтона на Ближнем Востоке: Дис. … д-ра ист. наук. М., 2008. [Kireev A.A. Vneshnepoliticheskaia strategiia B. Klintona na Blizhnem Vostoke [International strategy of B. Clinton's administrations in the Meddle East]. Dr. diss. Moscow, 2008.]
6. Крылов А.В., Морозов В.М. Палестино-израильский трек: провал ближневосточной политики администрации Б. Обамы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4 (55). С. 99–112. [Krylov A.V., Morozov V.M. Palestino-Israelian track: The failure of Obama administration's Middle East policy. *MGIMO Review of International Relations*. 2017. No. 4 (55). Pp. 99–112. (In Russ.)]
7. Травкина Н.М. Президентские выборы 2020 г. Первый этап // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2020. № 4. С. 23–42. [Travkina N.M. The U.S. Presidential elections 2020: Phase of caucuses and primaries. *USA & Canada*: *Economics, Politics, Culture*. 2020. No. 4. Pp. 23–42. (In Russ.)]
8. Хлебникова Л.Р. Израильский лоббизм: голос без права вето // Историческая психология и социология истории. 2013. № 6 (2). С. 128–141. [Khlebnikova L.R. Israeli lobbyism. Vote without veto power. *Historical Psychology & Sociology*. 2013. No. 6 (2). Pp. 128–141. (In Russ.)]
9. Хлебникова Л.Р. Проблемы израильско-американского взаимодействия на Ближнем и Среднем востоке (2001–2012 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М., 2016. [Khlebnikova L.R. Problemy izrailsko-amerikanskogo vzaimodeistviia na Blizhnem i Srednem vostoke (2001–2012 gg.) [Problems of Israeli-US cooperation in the Middle East]. PhD diss. Moscow, 2016.]
10. Хлебникова Л.Р. США и Израиль в 60-е годы XX века: у истоков «особых отношений» // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 113–127. [The USA and Israel in the 1960s: At the origins of special relations. *Modern and Contemporary History*. 2015. No. 3. Pp. 113–27. (In Russ.)]
11. Хлопов О.А. Проблемы безопасности и стратегия США на Ближнем Востоке при администрации Д. Трампа // Colloquium-journal. 2019. № 21 (45). С. 44–48. [Khlopov O.A. The security issues and US strategy in the Middle East under D. Trump's Administration. *Colloquium-journal*. 2019. No. 21 (45). Pp. 44–48 (In Russ.)]
12. Эпштейн Е.Е. Стратегический союз США и Израиля как фактор ближневосточного конфликта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2006. № 3. С. 207–212. [Epshtein E.E. Strategic US-Israeli alliance as a factor in the Middle Eastern conflict. *Vestniks of Saint Petersburg University. International relations*. 2006. No. 3. Pp. 207–212. (In Russ.)]
13. Ben-Zvi A. From Truman to Obama. *The Rise and Early Decline of American-Israeli Relations*. Tel-Aviv, 2011. Pp. 117–121.
14. Bilal M. United States presidential election 2020: Who will win – Biden or Trump? URL: https://www.researchgate.net/publication/344675210_

United_States_Presidential_Election_2020_Who_Will_Win_-_Biden_or_Trump (accessed: 12.11.2020).
15. Doran M. The Trump Doctrine in the Middle East. *The Trump Doctrine and the Emerging International System.* S.A. Renshon, P. Suedfeld (eds.). Springer, 2021. Pp. 269–280.
16. Jensehausen J. Arab-Israeli diplomacy under Carter: The US, Israel and the Palestinians. London, 2018.
17. Terry J. The Carter Administration and the Palestinians. *Arab Studies Quarterly*. 1990. Vol. 12. No. 1/2. Pp. 153–165.
18. Vilasi A. Israel and the Middle East: The creation of a Nation. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2018. No. 9 (3). Pp. 47–56.
19. Waxman D. The Real Problem in U.S.-Israeli Relations. *The Washington Quarterly*. 2012. No. 35. Pp. 71–87.

Статья поступила в редакцию 22.12.2020, принята к публикации 30.02.2021
The article was received on 22.12.2020, accepted for publication 30.02.2021

Сведения об авторе / About the author

Мельникова Софья Владимировна – аспирант кафедры дипломатии факультета международных отношений, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Sophia V. Melnikova – Postgraduate student at the Department of the Diplomatic Service of the Faculty of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: sophiazavodnik@gmail.com

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС
ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2021.2

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 30.06.2021 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 9 п. л. Тираж 1000 экз.